

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ФИЛИПП ОЛЕС

Серпантин

Филипп Олес Серпантин

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38268120

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-11706-8

Аннотация

В мире, безразличном к твоей одиозной персоне, оставь жалобы тем, кто будет с интересом их слушать, уступи причитания тому, кому действительно необходимо высказаться, придержи искренность для того, что найдет в таких словах поэму, и выбери ту, которая помогла найти себя самого. Дизайн обложки был создан с помощью магазина фриланс-услуг Kwork пользователем kriabkova. Содержит нецензурную брань.

Филипп Олес

Серпантин

1

Я не буду называть своего имени, так как у различных народов оно будет носить свою этимологию и тайный смысл. Не поведаю вам о количестве лет, что эта планета носит мое брненное тело, ведь оно не расскажет ни об уровне моего познания, ни о моей мудрости. Не распространюсь по поводу своей геолокации, потому что остерегаюсь заранее привитых стереотипов, присущих каждой культуре и их образу мышления. Так же, не вдамся в подробности относительно времени и пространства, в котором я зафиксирован во Вселенной.

Еще много таких «не» готов я озвучить прямо сейчас, но боюсь, в таком случае, у меня не хватит времени на все остальное. К тому же, занудно-пресным тоном повествования очередного нытика, разочаровавшегося в жизни, вы можете насладиться абсолютно в любом месте, любого города, любой страны.

Не знаю, зачем я появился на этой тропе самопознания, может, для выслушивания умопомрачительных историй от нищих мыслителей с улиц, или для всего, что идет после этого: просветлений, нравоучений, наставлений, указаний, управлений, созерцаний, обсуждений, осуждений, порицаний, отрицаний, отвращений, оскорблений, унижений и из-

гнаний. Полный список вы можете отыскать в словаре, где под обозначением слова фрустрация будет моя стремная фотграфия из паспорта.

Общаться со мной начинать не стоит. Серьезно. Никакие «интроверт ищет интроверта» со мной не работают. Будьте вы хоть мужчиной или женщиной, богатым или бедным, умным или отстающим, верующим или атеистом – все это не имеет веса, потому что первое слово навстречу кому-то всегда исходит от меня. А это происходит очень редко.

Веселитесь, улыбайтесь, берите все от каждого момента, устраивайте: праздники, семейные пикники, турпоходы, горнолыжный курорт, кружки по интересам, минуты славы, корпоративы, пляжный волейбол, шашлыки на даче, сбор грибов, вышивание, чтение-писание-рисование и прочие виды развлечений, в которое вы не должны меня затягивать крючком позитива.

Как будто меня кто-то услышит.

Пожалуйста, избавьте меня от мучений адских и дум тяжелых, что я веду изо дня в день с сам собой, прокручивания тысячи вариаций вопросов и миллионы каталогизированных ответов на них, разветвленных паутиной, каждой ниточке которой предназначается разная судьба.

Судьба существует только в общеизвестном определении обывателей. Возможно лишь отчасти предугадать события, не более. Причинно-следственная связь, являющаяся фундаментом нашей жизни, которая каждый день, каждую се-

кунду предоставляет нам выбор, структурирующийся в последовательную цепочку происшествий.

Вот, решу я завтра уехать изучать древние боевые искусства в дали от всего мира, и что? Что, если так называемая судьба раскладывает карты так, чтобы я поехал именно туда и занялся именно тем, чем хотел заняться, что в дальнейшем дарует мне смерть от мочи горного козла? Или она хочет наоборот, испытав мой страх, убедить меня в том, что дальние путешествия – не лучшая идея, и практичней бы мне умереть здесь, рядом с домом?

Я опять несу чушь самому себе. Это как уменьшить и посадить в голову ненавистного тебе человека, а потом, не прекращая, слушать его радиоэфир. Меня вконец расплавил от многочасового ожидания своего момента.

Озлобленность, сменяющая недовольство, витает в воздухе свинцовым туманом. Это борьба скорее не на смерть, а на продолжение жизни: запах старой бабки (вовсе не благородный), гвалт тысячи охрипших ртов, километровые очереди, больше напоминающие человеческую многоножку, душные помещения со спертым воздухом из-за огромного количества народа. Острые локти подле стоящих людей впиваются в бок, кислород расходуется медленно, чтобы не упасть в обморок, соленый пот льется градом, обжигая сухую потрескавшуюся кожу, сознание мутнеет, не давая сосредоточиться больше чем на одной простой мысли: «Когда же придет мой час?». Минуты превращаются в часы, однако складыва-

ется ощущение, что ты пробыл в этом странном чистилище по меньшей мере несколько дней. Какой грех ты отмаливаешь? Какой круг ада ждет тебя следующим? Кто последний к психиатру? Ты робко задаешь вопрос и становишься частью толпы, мутирующей в агрессивный коллективизм.

Моя очередь.

Вылетаю, сломя голову, из этого дурдома. Воздух. Холодный зимний воздух наполняет мои легкие и дышать становится проще. Сердце больше не бьет в колокол, а высохший пот придает лицу глянцевоый оттенок.

Настал день. День моей выписки из лечебницы – дома с заблудшими душами, лазарета для людей себе на уме, санатория для возвращения в себе заболеваний и отклонений, места, откуда выбираются по собственной воле по окончании срока, либо не выбираются вовсе. Я состоял в числе первого списка среди всех остальных, кому удалось без ущерба для себя успешно завершить эту чехарду.

С огромным облегчением покидаю это место.

Осмотрев себя на предмет старческих брюзжаний, морщин, панталонов, второго подбородка и обвисших багровых сосков-конусов, нахожу только первое и немного успокаиваюсь. Я еще не стар, и это внушает оптимизм.

Сказал я, и тут же столкнулся с проблемой сохранения нужной температуры тела. Зубодробящий холод в середине весны – обычное дело в наших краях. Потрепанному плащу остается сочувственно согласиться со мной и сделать вид,

что он все-таки меня согревает.

Встречать меня никто не стал. Удивляться этому и отчаиваться не стоит. У больного воображения всегда есть, чем себя занять.

Вот, например, качель, приводимая в движение то ли ветром, то ли человеком, недавно побывавшем на ней, неспешно совершала свой переход из потенциальной энергии в кинетическую.

Она пустая, как и вся остальная площадка. Как и окна домов, под неутомимым надзором которых она находится. Как и люди, спешащие по неведомым, кроме них, делам. Как и, возможно, весь окружающий нас мир. Пилигримы волей обстоятельств, странники своей собственной жизни, послы чужих желаний, сборники недооцененной справедливости – все это мы и в тоже время кто-то другой.

Качель останавливается. Нет, неверно. Мы просто не представляем ее модель движения. Мы не додумываем, не воображаем, забыв на секунду о законах природы. Нам не нужна лишняя трата энергии. Довольствие постоянством – вторая натура.

Блуждая по здешним местам, я незаметно для себя забрел на небольшую алею ведущую вверх. Каждый шаг навеивал воспоминания о прошлом: горечь и стыд неудач, радость и ликование побед, смятение и примирение с волей случая. Того человека уже не существует. Все что делает меня мной – мои прошлые копии растворившиеся в огромном сосуде из

костей и мяса и перемешанные в один коктейль естества.

Качель остановилась. Я побрел дальше с мыслями о том, что завтра это повториться снова. Это будет что-то новое, измененное моим сегодняшним присутствием. В лучшую сторону, надеюсь.

Или один, уже из немногочисленных, красновато-желтых кленовых листьев, под натиском чрезмерно оригинальной и агрессивной инстаграм-фотосессии, ослабил концы узла, на стебле которого он держался на протяжении суровой осени, и все-таки потерял свою хватку. Пальчато-сетчатое жилкование, уже истратившее свою пигментацию, слегка подъеденные то ли тлей, то ли молью, края и сердцевинки – он продолжал держать в себе секреты, за столь небольшой промежуток жизни, отведенный ему временем.

Падая вниз, он вспоминал былые события, предстоящие перед его взором, аки свет в конце тоннеля перед приходом смерти: распри двух крупных бизнесменов о ценности продуктов; влюбленных лобызавшихся парочек на скамьях, ловящих брезгливые взгляды окружающих; грызни собак за главного в стае самца; детские шалости с палками и камнями; друга, что в один день готов пойти на край света за тобой, а в другой – при удачной возможности, готов превзойти тебя во всем; воссоединение старых приятелей – тех, что прошли войну, террористические акты, эпидемии, геноцид, инфляцию, девальвацию; рокеров с сальными волосами, горланивших песни невпопад на расстроенных гитарах, давно выпав-

шие из своего времени; пьяные драки; поножовщину за пачку сигарет; философские разговоры на лавке в 5 утра; вечно орущих соседей из полуразрушенных хрущевок; перегонки с ментами; отстегивание последней мелочевки на дешевый пивас; узурпаторство, царящее повсеместно в каждом ебучем дворе этого прогнившего общества; потушенную об руку сигарету; пощечину, убивающую человека, как личность; беспощадные и бессмысленные терки с бабками, которые все равно «не поймут нашего новомодного, пиздейшего поколения», поколения, которое мы же сами потеряли.

Чей-то одинокий силуэт промелькнул между толстыми колоннами забора из железных прутьев, что окружал это место. Странно.

Тем временем мое бездыханное, по ощущениям, тело продолжает влачить существование сквозь угрюмо-серые декорации, переполненными пустыми людьми и несбыточными мечтами.

Остаточный поток сознания со скрежетом простирается через скомканные и вывернутые наизнанку мысли о недавнем прошлом, практически настоящем, закончившимся раньше срока. Будто бы время отдали кому-то более нуждающемуся в нем, как отдают сердце, умершего в автокатастрофе бедолаги, человеку с разрывом аорты.

Так вот, где же я?

До ближайшей остановки было не меньше двух километров. За то время, что я тщетно пытался закурить сигарету,

капли дождя, объединившиеся в злом стоворе с ветром, по скорости давно перешедшим за нулевую отметку, обдирали меня слой за слоем, как луковицу, и мне пришлось выругаться такое количество раз, что данный рекорд по количеству нецензурной брани в значительной степени превышал все вместе взятые тарантиновские фильмы.

Обойдя заправку, я достиг пункта назначения. И что я увидел? Мост, пересекающий реку, и плавно ведущий к длиннющей трассе, окруженной пестрым лесом.

Тишь да гладь. Не было слышно даже пение птиц. Все, что выделялось из обозримого мной ботанического сада с помещью постапокалипсиса, это квадратная, кирпичная остановка без малейшего намека на то, куда и откуда должен следовать автобусный рейс с данной точки. Если таковой вообще имеется.

Ждать не люблю, но другого выбора нет.

С горечью собираю по кусочкам огромный пазл из воспоминаний: из плохих и хороших моментов, из сомнительных и дельных идей, из глупых и мудрых мыслей, из скромных и импульсивных действий, не упуская ни одной детали, ни одного крошечного события. А в дальнейшем, предварительно вставив пазл в чересчур большую деревянную рамку, я повешу его на стену, чтобы каждый раз, проходя мимо и довольствуясь полученным результатом, подсознательно доказывать себе то, что способен улучшить начатое, бесконечно заполняя картину, ведь границы ее размыты, а потенциал к

наполнению безграничен.

Время подходит к полудню, я стою на том же треклятом месте и курю, как будто во мне устройство, подающее мне эту никотиновую дрянь автоматически. Замерзаю, как черт знает кто, гоняю подмёрзший лист и с треском ломаю его.

Так тянулись минуты, томные часы ожидания транспорта. Кажется, я остался последним из людей на планете. Нужно срочно предпринимать все возможные меры по спасению человечества: найти себе допотопную Шеврале Импала и гнать на ней со всей дури по пустынной марсианской дороге под песню «Джефферсон Аэроплан», жадно глотая воздух, и искать женщину в подвенечном платье, терроризирующую тебя на вступление с ней в брак для продолжения рода!

А, нет, обошлось. Вдалеке виднеется автобус.

Наверно, каждый, совершая обычную поездку в автобусе и слушая музыку, испытывал редкое, но необыкновенное ощущение экстаза, протекающее по всему телу, словно сквозь каждую клетку проводят низковольтные разряды, одаривая их энергией и силой.

Нет? Вы многое упустили.

Я прорываюсь через толпу холодных и серых незнакомцев, делаю из них страйк, сажусь на свободное место, втыкаю наушники, запускаю свой плейлист, включая оглушающую музыку: от релаксирующей, до классической, с каждой секундой повреждающую барабанные перепонки, закрываю глаза и погружаюсь в чудесный мир, закрома вселенной, где

выстроенные и доведенные до ума диалоги всегда воспроизводятся при разговоре, а выдуманные забавные ситуации, с невероятной проработкой истории, всегда достоверно воплощаются в жизнь.

Толпы людей со мной больше нет – она растворилась, исчезла, я один в неудобном, трясущемся автобусе, который везет долгие километры до дома, но в мгновение ока он превращается в комфортабельный шаттл класса люкс, бороздящий просторы темного, глухого, безбрежного, но в тоже время поражающего своим величием космоса.

Продолжая простираться через непроглядную черноту на своем личном звездолете, с закрытыми глазами я вижу пилотов, не отвлекающихся от радаров, несколько стабилизирующих кресел, на одном из которых удобно располагаюсь я, капсулы для гибернации, закрепленные к полу тренажеры, вертикальные кровати, медотсек, еду в тубиках зубной пасты и прочие средства гигиены и приспособления для личного пользования.

Поворачиваю голову и через огромные позолоченные иллюминаторы, больше напоминающие толстенную лупу, лицезрю едва уловимый свет дальних звезд, что добирался до меня миллиарды лет, пролетающие мимо кометы и астероиды, скопления галактик, различный космический мусор и мертвую, приковывающую взгляд, пустоту. Время замедляется и становится вязким, нестабильным.

Кажется, я попал в черную дыру, проник в портал в иное

измерение или это просто небольшие перегрузки заставляют все тело покрыться мурашками, а чистый поток энергии пронзая меня, бросает в дрожь и трепет. Я чувствую себя всего, мысли далеки от этого мира и тела, теряясь в другой реальности, я, тем не менее, чувствую сближение со своей планетой и в этот кульминационный момент мое сознание достигает небольшого просветления.

Кажется, моя остановка.

Сразу говорю, что ни коим образом не собираюсь отвлекаться на вещи, препятствующие моей священной миссии на сегодняшний вечер – причудливым образом превратиться во вдрызг пьяную неваляшку и чудом добраться до дома. В этом мне поможет мой старый знакомый близлежащий обрыганский бар.

«The color of my sea, perfect color me».

Слагают легенды, что когда-то давно, еще во времена Викторианской эпохи, на этом месте стоял знатный бордель, наполненный куртизанками высшего класса, способных исполнить любую твою прихоть, вплоть до самых мелочей. Естественно, один из богатых вельмож, случайно «пострадавший» от зубов одной из таких распутных дев, устоять в совершении мести не смог и придался соблазну азарта, предложив пари на неподъемную, по тем меркам, сумму.

Шутка, дорогая и труднозатратная по выносливости, заключалась в том, что шлюха должна была сосать столовую ложку до тех пор, пока очи толстого богатея не прикажут со-

мкнуться.

Так прошел день, два, третий подходил к концу, знатный мужичок все держался, что не сказать о барышне, чьи зубы практически сточились о металл, десна пошли кровью, а язык язвами и волдырями, сочащимися гноем. На четвертый день изможденная девица сдалась, выронив из трясущейся руки окровавленную ложку и, с трудом прошептав что-то на ухо вельможе почти не работавшей челюстью, отдала концы. Тот в миг побледнел и ринулся прочь домой. На утро же его находят мертвым с откусанным членом, вложенным в рот и запиской в руке: «Теперь не кусаюсь».

Бредовая байка, конечно, но все же один раз, сидя за средним столом, я почувствовал неприятный холодок в промежности. Я не суеверный, но больше туда не сажусь. Скорее всего, продувает из какой-нибудь щели.

И вот я уже на пороге. Дошел до края мира, моего второго дома и по совместительству альма-матер. Слегка дрожащими холодными руками я открываю дверь и захожу в заведение. Обитель пуста и это хорошо. Сейчас нет никакого желания заводить бесед и уж тем более слушать лязг ядовитых языков.

В колонках играет знакомый мотив: «Listen to the stars till your hell your wounds, and get a lover, to get a lover». Знакомый, потому что повторяющийся каждые пять минут.

Бармен, изрисованный хаотичным набором татуировок, лениво потирает уставшую шею, молодой официант, кото-

рого я вижу здесь впервые, долбит пальцами по смартфону, постукивая каблучком ботинка по стойке. Спустя пару секунд он окидывает прищуренным взглядом, полным безразличия, зал и неохотно начинает плестись в мою сторону.

– Меню? – сухо спросил он.

– Пинту вашего лучшего пенного напитка! – доношу бодрым голосом.

– Имеете ввиду тот единственный сорт солодового экстракта из мертвых собак, со вкусом плевков и хозяйственного мыла, выдохшийся, как марафонец после дистанции, что до сих пор находится у нас в разделе слабоалкогольных напитков?

А я уж думал, что только мои шутки порой вызывают дискомфорт. Что принято делать в таких случаях: посмеяться над импровизацией или помочиться ему на лицо за отвратное обслуживание?

– Именно это мне и нужно! Неси скорее, моей верный слуга, вместе с бутылкой хорошего виски, разбавленного апельсиновым соком, сегодня я изволю кутить!

– Апельсинового, как и других соков, нет.

– Кола?

– Вряд ли.

– Энергетик?

– Не думаю.

– Хотя бы лед положите.

– Растаял. Но я могу немного подморозить некипяченую

воду.

– Постарайтесь.

Посмотрев на меня взглядом, от которого я начал тупеть, он крутанулся на каблуках и пошел за стойку.

Дорогой дневник, сегодня очередной придурок испортил мне день. Грустный смайлик.

Не став дожидаться разлива, я прошел во второй зал и уселся на крайнее место, заметив в дальнем углу девушку, отрешенного потягивающую тонкую сигарету через мундштук.

Интерьер бара схож с винным погребом: затемненное ламповое освещение, обшарпанные столы из красного дерева, покрытые плотной белой скатертью, фотографии достопримечательностей иностранных городов, висящие на оштукатуренных стенах матового оттенка, черно-красный плиточный пол, придающий дополнительную гармонию окружению, а также бесчисленное количество увядающих фикусов, неустойчивых вешалок и забронированных столов, за которыми обычно никто не сидит.

Из-за слабо работающих вытяжек сигаретный дым заставлялся густым туманом, вытесняя собой воздух и забивая легкие едкими осадками. На полуживом плазменном телевизоре со сломанными кристаллами нон-стопом крутят попсовые клипы, для «особых обывателей» этого места изредка сменяют канал с «топа пятидесяти хитов этого лета, о которых никто не слышал» на футбольные матчи.

Посоветовал бы я этот бар кому-то из живущих на этой планете? Определенно нет. Стал бы я ходить в более престижные заведения, будь у меня социальный статус чуть выше низшего класса? Вряд ли.

Здесь всегда царила атмосфера андеграунда, пьяных дебатов, страстного туалетного совокупления и непрекращающегося копания в своих неудачах. Здесь протекает жизнь, сумасшедшая, придурковатая, отдаленная от остального серо-будничного существования.

Это навеивает типичную ностальгию о былом – тех днях с вечно молодыми, пьяными и беззаботными максималистами, культурными революционерами, борцами с системой и просто славными малыми – о нас самих. Вернее, о тех, кем мы являлись до того, как столкнулись с суровой действительностью – несправедливо относящегося к нам мира, с непониманием старшего поколения, а потом и вовсе сверстников, с отрицанием всего и вся, медленно перетекающим в смирение и покорность, выбор между менее худшим результатом из возможных плачевных.

Закуриваю сигарету и начинаю присматриваться к девушке, сильно диссонирующей с данным заведением. Опущенные до плеч волосы, легкий макияж, на черно-белое платье накинута кофта смешанного цвета, похожая на вигвам. Пепельница полна окурков, значит сидит здесь приличное время. Или просто слишком часто курит? Курит много от стресса? А, может, кого-нибудь ждет?

– А ты подойди и спроси, – громко сказала она.

Будь мой кишечник полон, я бы точно наложил в штаны. Чтение мыслей, управление разумом, невероятная интуиция, – все и сразу подумалось мне. Но, скорее, ответ куда очевиднее – мои детективные навыки ни к черту, и она просто поймала мой взгляд оценки внешности.

Сделав первые живительные глотки амброзии, что была недоступна мне долгое время, я на секунду закрываю глаза.

Эйфория, экстаз, блаженство, нирвана, зависимость, вредная привычка, проблемы со здоровьем, смерть. Все это в одном удивительном напитке, который может стать тебе кем угодно: другом на вечер, собеседником, решением вопроса, перемирием, антидепрессантом, лекарством от шума в голове и наружных проблем, активатором творческого потенциала, элементом расслабляющего и раскрепощающего действия, а также личным инструментом саморазрушения.

В какой-то момент даже появляется желание поучаствовать в пьяной драке. Вообще-то я не драться не люблю, предпочитая дипломатичное решение конфликта тупому мордобою, но в данный момент так и хочется получить по морде, взбодриться, и, опрокинув двадцатую стопку виски, сыграть в бильярд на последние деньги, едва держа в руках кий, как стриптизерша без конечностей шест.

Нужно подойти. Неловко сидеть в тишине в разных концах зала, ожидая, пока один из нас не впадет в алкогольную или никотиновую кому.

Прикончив свой бокал и сунув под мышку виски, я повторяю заказ у проходящего официанта и направляюсь в сторону девушки.

И вот, я сижу напротив нее, ерзая на диване в поисках удобной позы. Вблизи она выглядит еще лучше, что вдвойне является странным.

Я тушевался, как черт знает кто. Несколько раз убедился в ровно расставленных сосудах на столе. Я перфекционист, отчасти. Некоторые мелочи, выходящие за рамки прямых линий, нарушающие ровное положение вещей, начинают меня смущать. Я бы продолжил свою мысль, сказав, что меня еще очень беспокоит ОКР, но в данный момент на меня сильно давят зеленые глаза девушки, подведенные стрелкой, которые сверлят во мне дыру.

Опасаясь одного – расспросы про личную жизнь, интересах, вкусах, предпочтениях, хобби и прочей мути, которую ты пересказываешь разным людям на протяжении всей жизни, добавляя с каждым разом все больше и больше нового.

Девушка терпеливо смотрит на меня, как на ребенка, от которого ждут первого слова. Она взяла новую сигарету. Я спохватился и чиркнул своей Зиппо, дав прикурить. Ментоловый привкус дыма очень органично сочетается с ней.

– Ты что-то хотел спросить? – начала она.

Прозвучит банально, но я настолько околдовался ее бархатным голосом, что вмиг забыл контекст вопроса.

– А? – переспросил.

– Вопрос.

Вопрос? Я должен ответить или задать? Но какой? Имя? Семейное положение? Статус в обществе? Так уж ли плоха группа «Никельбэк»?

– Ладно, сколько с меня? – спрашиваю первое, что пришло в голову.

– Ты о чем?

– Сколько за ночь?

– Ты принял меня за эскортницу? Вот это номер.

Она осуждающе подняла правую бровь, посмотрев на меня уничтожающим взглядом, но вскоре его отвела.

– Нет, прости меня, я чертов кретин, – прошу я. — Не знаю, почему в мою больную голову взбрело именно эта версия. Наверно, не привык видеть столь роскошных женщин в подобных заведениях без сопровождения. Если здесь и появляются представительницы прекрасного пола, то только запустившие себя мымыры с затяжной депрессией.

– У меня затяжная депрессия, – холодно ответила она.

Да, в общении с девушками равных мне по силе глупости не сыскать. Скорее всего, она сейчас просто уйдет, а я провалюсь от стыда в пучины неудачных начинаний бесед.

Учитывая вялое состояние, небрежный вид, сомнительно свежий запах тела и пониженное либидо, вероятность на успешное овладение женским телом и разумом ровняется одному Скотту Пилигриму.

Но она продолжила сидеть и через несколько секунд вы-

молвила:

– Не бери в голову, ты извинился, это осталось в прошлом, зачем возвращаться обратно?

– Я совершил глупость, только и всего.

– Глупость. Совершил. Прошедшее время. Ради чего ты так усердно поднимаешь эту тему?

Кажется, я понял ее игру.

– Получается, следуя твоей логике, преступление, измена, предательство, сокрытые ранее, но всплывшие на поверхность и предавшиеся огласке в споре, решающий окончание диалога и отношения между двумя индивидуумами, стоит списать со счетов? Так можно оправдать любое совершенное действие, ведь оно уже случилось, было начало и конец, а теперь просто отправилось из нашей жизни в старую коробку с игрушками на чердаке.

– Ты всегда говоришь длинными оборотами речи, пытаешься вместить в них как можно больше сложных слов, чтобы показать себя невероятно начитанным? – улыбнулась она.

– Нет, это случается произвольно. Вообще, я не особо общительный, поэтому говорю не со всеми, редко и метко, донося только главную суть и избегая пустой болтовни, – честно ответил я.

«When I say nothing, I say everything».

Удовлетворенная ответом, она промолчала, затянувшись через длинный мундштук, причудливые узоры которого гармонично лежат на темно-красном оттенке.

– Так что начет прошлого? – спрашиваю, после небольшой паузы.

– А что с ним не так?

– Ты подводишь к тому, что жить нужно настоящим, не так ли?

– Не совсем. Прошлое – альбом со старыми фотографиями. Толстый, тонкий, синий, красный, набитый застывшими, яркими моментами или черно-белым сплином от детских травм. Что-то хочется вспомнить, а что-то забыть навсегда.

– И что забыть?

– Забыть то, что не в силах забыть. Поэтому, я не придаю значения прошлому.

– Поделишься?

– Мы не настолько хорошо знакомы.

– Я бы исправил это, но не хотелось бы загружать тебя своими проблемами. Лучше скоплю их в себе, буду мытарствовать по пустым улицам, освященными тусклыми фонарями, напыюсь вусмерть, перекручу все возможные варианты диалогов, которые бы я мог закончить иначе, будь во мне достаточно уверенности, вспомню нелепые, трагичные и постыдные ситуации, произошедшие со мной, вгоню себя в еще большее уныние, подкрепив депрессию, разобью что-нибудь в доме, ударю от отчаяния кулаком по стене так, что он будет болеть еще неделю, пущу скупую слезу, закричу на весь ёбанный мир и себя самого, и под утро, со сдавленным, твердым,

жгучим сгустком, сковывающим мою грудь, завернусь в одеяло, чтобы прикрыть глаза на несколько часов, со стойким желанием больше никогда не просыпаться.

– У тебя что, бегущая строка текста появляется на глазах?

– Не знаю, с чем это связано. Всю жизнь мечтал вести высокопарные диалоги, как в фильмах и книгах, вот и наточил язык, – отвечаю, пожимая плечами.

– Да, их в жизни и правда редко встречаешь. Особенно в этом месте, где человек, способный произнести одно короткое предложение, состоящее не только из одного мата, может считаться писателем. Тем не менее, спасибо, что предупредил на счет своих тараканов.

– Похоже я наболтал лишнего. Не очень удачное начало беседы.

– Вполне сносное. Главное, не говори это на первом свидании. Поймут неправильно – примут за психа, поймут правильно – пасмурно согласятся с вышесказанным и вскроются прямо за столом.

– Стало быть, ты – исключение?

– Да. Пока ты меня интригуешь. И ты в каком-то смысле исключением являешься тоже, потому что до сих пор не покинул мою компанию, которая в дальнейшем может показаться тебе не самой приятной.

– Чем же?

– Я не лучший человек для чего-либо. Поймешь позже, если захочешь видеться и дальше.

Я невольно улыбнулся краем губ. Забавно, ведь я думаю о себе точно также.

– Так, у нас не свидание и не встреча. Что же? Новое знакомство? У меня такое только в крайних случаях, – говорю.

– Сейчас очень крайний случай, потому что я никого не ждала. Но появился человек, который не надоел мне в первые минуты разговора.

– Да, мы явно сидим здесь, как два последних человека на краю Вселенной, случайно наткнувшись друг на друга.

Она опять улыбнулась, обнажив верхний ряд белых зубов. На переднем был скол, который, как ни странно, добавлял шарма общей картине.

– Тогда, если мы все еще общаемся, могу ли я узнать твое имя? – спрашиваю.

– «Имя, что есть имя. Роза пахнет розой, хоть розой назови её, хоть нет», – процитировала она Шекспира. Для себя я – это «я». Для меня ты – это «ты». В тоже время для себя ты – это «я», а для тебя я – «она». Очень занимательно, не находишь? Имена в большинстве случаев жутко дурацкие, скучные и ограниченные. Даруют его тебе родители, а ты носи, годясь скрытым в нем смыслом, либо меняй, вот только на что? Если никто из них не ты, а уже множество кого-то другого, живших, живущих, будущих жить вне зависимости от тебя. Придумай свое – и ты изгой, странный тип, у родителей которого разыгралась фантазия, которые возомнили себя особенными, отстраненными от общей массы обычных

людей, – заканчивает она, залпом выпивая остатки пинты.

Она довольно умна. Необычно мыслит, что полностью меня погружает в ее слова, в которые интересно вникать. И это здорово, потому что делать вид, что ты с упоением слушаешь очередной бабский треп обо всем на свете и кивать каждую минуту, у меня нет желая.

– Почему бы и нет. У меня есть привычка забывать имена людей сразу, после того, как они его мне произнесут, так что это может улучшить ситуацию. — Я так понимаю, что остальная личная информация по поводу друг друга нам не понадобится?

– А зачем? Хочешь узнать сколько мне лет, кем я работаю, где живу, на что трачу свободное время и расспросить про увлечения? Можешь попытаться, только что эта информация тебе даст? Краткое содержание человека N. Считаю, что люди должны как можно дольше не задаваться подобными вопросами, а обращать внимание исключительно на информацию, которую ты получаешь сейчас. Только так можно здраво составить правильную картину о человеке в первые часы беседы.

– Люди те еще параноики. Им необходимо знать этот перечень на всякий случай, чтобы потом можно было как-то этим воспользоваться. Мужчины вообще, как известно, «непрерменно хотят знать то, что может им причинить боль». Однако идею поддерживаю.

– Хорошо, что я не получила обратной реакции, полной

возмущения.

– Как же тогда обращаться друг к другу? – задаю очевидный вопрос. — Будем являть собой олицетворение названия антиутопии Замятина, обращаясь на местоимения?

– В нашем распоряжении целый алфавит. Возьми две, парочку. Или хоть всеми называйся в разном порядке. Ведь существуют прозвища, так кто нам запрещает придумать имена?

– Тогда это должно быть что-нибудь важное, подчеркивающее твой характер, я полагаю?

– Может да, а может и нет. Я – Эс, приятно познакомится, – протягивает она руку, подняв приветственно брови.

– Эс? Звучит, как задница по-английски.

– Дурак. Я люблю писать сочинения. Или, могу предложить версию, удобную для твоего взгляда – сокращение от одного фруктового, кисло-сладкого пенного напитка. Такой я вижу себя.

– Хорошо звучит. Я даже и не знаю, что придумать.

– Прояви фантазию, – сказала Эс и стала выжидающе рассматривать стену, без спроса потягивая мой виски.

– Ладно, пришел мой черед возродиться с новым именем, – сказал я, помедлив пару минут. — Пусть будет – Соу, – сказал я, ожидая оценки.

– Сомневаешься?

– Вроде того. В сомнении кроется правда. Если взять любой момент из моей жизни, где я хоть на секунду усомнился

в правильности моего решения и не поспешил его изменить, следуя подсказкам, поступающим из недр моего разума, то все кончалось одни и тем же – я совершал ошибку. Появившееся сомнение даже в самых, как нам кажется, очевидных вещах, с огромной вероятностью может стать той самой истинной, упущенной по типичной человеческой глупости, – заключил я.

– Поздравляю с новым рождением, – кивнула она головой.

– И что же теперь, а? Треснем по молоку с ножами и насладимся старым добрым ультранасилием?

– Можно просто поговорить.

– Да, это идея определенно лучше.

Время летело незаметно. День плавно сменялся вечером, выпивка приходила и уходила, пепельницы под завязку наполнялись окурками, а мы не переставали говорить.

Не просто обо всем. Обо всем, что действительно заслуживает глубоких рассуждений. Мне всегда нравилось говорить с самим собой, поднимая на рассмотрение важные вопросы. Но делать это вместе с другим человеком, который способен держаться на твоём уровне развития, а, порой, даже превосходить его, – невероятное удовольствие.

– Кажется, ты мне чертовски нравишься, – выпалил я.

– Ха, так говорят все, кто знаком со мной короткий промежуток времени, – ухмыльнулась Эс. — Практика доказывает, что терпеть меня продолжительное время не может практически никто. Поэтому все заканчивается быстро и безбо-

лезненно. Для меня.

– У меня стойкое ощущение того, что я справлюсь.

– Со мной трудно. Привыкай, если хочешь и дальше продолжать общение, – поставила она перед фактом. — Я сумасбродная, сумасшедшая, импульсивная представительница класса сложных людей. Противоречу сама себе, спорю, даже когда не до конца уверена в своей правоте, качественно и со вкусом выношу мозги, паранойю по пустякам, заражая этим чувством каждого, находящегося рядом, приписываю себе психические заболевания, а потом пытаюсь от них избавиться, пью, как не в себя, закидываю кучей таблеток от всего и сразу, терпеть не могу общение по телефону, а также очень хорошо готовлю, – резюмировала Эс и отправилась в туалет.

Не до конца переварив все сказанное, я просидел неподвижно в раздумьях до ее возвращения. Не скуренная сигарета дотлела до основания и обожгла мне палец, приведя в чувство. Я тут же закурил новую.

– Так и быть, посмотрю трудностям в лицо, какими бы они ни были, – говорю ей по возвращении.

– Дело твое, ты меня услышал. Сказала это на случай дальнейшей перспективы, в которой бы мы теоретически встретились, и через пару лет совместной жизни ты для себя внезапно осознаешь, что я для тебя слишком невыносима, чтобы и дальше пересекаться со мной хотя бы в пределах одной галактики. Будет лучше обрубить с корнем любую связь

на начальных этапах, пока никто из нас не успел привязаться друг к другу. И тогда никто не будет разочарован и убит горем утраты, – пояснила она свою точку зрения, достав из пачки очередную, тонкую, как спичку, ментоловую сигарету.

Ну и дела. Пришел убиться в хлам без дальнейших увеселительных программ, а в последствие жалеть себя. А что я получаю? Внимание удивительной особы, являющейся почти полным отражением меня самого, только с милым одухотворенным личиком, нарисованным утонченными чертами. С первого взгляда и не скажешь, что Эс может быть тем, кого она мне вкратце описала.

Любовь с первого взгляда? Ну-ну. Поверхностное суждение, не более. С той же вероятностью она могла действительно оказаться проституткой или обычной пустышкой в красивой оболочке, что прячет под собой совершенно примитивную персону. Тем не менее, мне было комфортно, я даже чувствовал какое-то тепло внутри себя. Тепло, желающее подняться вверх по пищеводу. Только не это.

2

Мой день начинается с боли. Настолько сильного морального недомогания и паршивого душевного истощения, что в прямом смысле становится больно физически. Больно открывать глаза, поворачиваться, вставать с кровати, готовить себе кофе, дышать и думать. Все, от начала до конца.

«Waking up is harder, than it seems».

Утром не сильнее всего не хочется жить. Нарезая колбасу с сыром для бутербродов, я с искривленной улыбкой поглядываю на нож.

С таким же пристрастием я смотрю на бесчисленное количество таблеток, разбившийся бокал, огромные тупые предметы, петли и крыши высотных зданий. Все, что в кратчайший срок может прекратить мои мучения, заставить замолчать голоса в голове, нескончаемо твердящих о моем жалком существовании, прогнать духов,двигающих шторы и калечащих меня по ночам.

Мне нехорошо. Чертовски нехорошо. Только смельчак рискнул бы описать данное душевное состояние, кроме меня самой. Но если бы он это сделал, то, узнав об этом, он бы почувствовал, насколько мала Вселенная подле милого личика, таящего в себе тоску и скорбь за все человечество.

Я устала. Устала терпеть inferнальную боль от пропитанных потом и едва живых, но уже на грани смерти, планами на будущее, от сковывающих стен квартиры, от несбыточных надежд и мечтаний, от мнимой воли делать что угодно и выбирать что угодно, от боли за потерянное поколение, только уже свое, от рушившихся моральных ценностей, от ложных системных ценностей, от той черной густой маслянистой несформировавшейся массы, что находится у тебя в голове, полной мыслей, чувств, эмоций, переживаний, страданий и страхов, желаний и возможностей, талантов и потенциально успешных идей, что нужно как-то структурировать

и каталогизировать, компактно сложить в одну емкость, укутав в красивую обертку.

Единственная вещь, все еще держащая меня в этом мире – возможность испытать настоящее неподдельное счастье.

Вернее, вернуть тот момент, когда оно было утрачено. Это не избавило бы меня от всех существующих терзаний, нет. Это бы помогло мне отодвинуть их на второй план, спрятать на чердак презрения к самой себе, заставив их скапливать пыль во тьме. Это сделало бы меня легче, подъемней, свободней, полной надежд не только на завтрашний день, но и на долгое, светлое будущее.

Служат ли такому состоянию пантеон психических устройств, не дающий заснуть по ночам, принимающий сигналы из космоса, транслирующий их через слуховые отверстия, выскребающий ржавым гвоздем изнутри черепной коробки египетские символы, сакральные знаки, магические рунные надписи, в дальнейшем переводившиеся в обычные человеческие мысли?

Или внутренняя скверна, черная и скользкая, растекающаяся по телу, словно смола по молодому, изрубленному дереву, призывающая ненавидеть каждого тупого гондона на этой планете, потому, что они действительно это заслуживают, и уж если бы кто стал по ним плакать, так это еще более тупые гондоны, запустившие дегенеративный инкубатор по оккупации мира имбецилами.

А может, это была обычная, абсолютно ничем не выдаю-

щаяся, простуда, в очередной раз подорвавшая иммунитет, что сделало выполнение рутинной работы непосильной задачей?

Ложась спать, у меня начинается сослагание всякого бреда, кардинально

меняются мысли, взгляды, мнения на те или иные вещи, что буквально доводит до истерики и осознании полной бессмысленности своих действий, неправильного подхода к вещам.

Даже оправдание этих загонов малой значимостью в космическом масштабе не изменяет ситуацию.

Утром этого как будто и не было. Однако, существует премерзкая средняя стадия между данными двумя элементами – кошмары.

Кошмары – самая малая из присутствующих проблем в моей жизни, которая доставляет мне массу дискомфорта. Не сказать, что это такая уж непереносимая вещь, но привыкнуть к этому практически невозможно. Кому-то, может быть, удастся, но только не мне.

Каждый день мои сны выстраивают многоуровневые лабиринты из всех неприятных мне воспоминаний. Психоделические коктейли из подсознательных страхов множатся, собираются в группы, чтобы коллективно подавить во мне меня саму. Стереть личность. Лишить собственного «я»

Абсурд? Возможно.

Возможно, я перебарщиваю с легкими наркотиками, вы-

падаю из жизни на недели, месяца, погружаясь в бесконечную череду блаженства, сменяемой зубодробительным кайфом. Закидываюсь в перерывах между работой. Переживаю, в прямом смысле, недельную ломку в запертой комнате без еды и воды, разговаривая с Богом и его сыном, пока мое тело пронзают миллионы раскаленных игл, перекручивают в мясорубке, сдирают кожу, ломают кувалдой кости и высасывают глаза через соломинку.

Возможно, я злоупотребляю алкоголем. Очень сильно. Вливаю в себя тонны вина с утра до ночи и не пьянею, потому что уже выработался иммунитет. Спустя время, чувствуя упавший на себя весь гребаный мир, ненадолго разлеплю глаза, чтобы потом проспать несколько дней подряд. И, наконец, проснувшись от длительной спячки, рыдаю.

Возможно, я не глядя закидываюсь горстью таблеток от каждого недуга. Существующих или нет, какая разница? Придумывая себе болезнь, она начинает, так или иначе, проявлять свое действие. И с каждым разом, мутируя, она убеждает тебя в том, что это еще начало самого плохого.

Возможно, я слишком часто принимаю попытки самоубийства, но слишком эгоистична, чтобы покончить с собой. Отчаявшись, причиняю себе боль острыми предметами, чтобы почувствовать хоть что-то, убедиться, что все еще жива. Мое тело испещрено шрамами, внутренними и внешними, но я научилась их не стесняться. Прошрое нужно уважать, каким бы оно не было.

Возможно, я морю свое тело голодом, пытаюсь вместе с жиром, которого у меня практически никогда не было, избавиться от внутренних демонов, приходящих ко мне по ночам.

Возможно, я разочаровалась во всех отношениях, в которых мне не посчастливилось побывать, из-за того, что сама прикладывала усилия у тому, чтобы меня как можно скорее бросили, не чувствуя вину за решение, которое я перекладывала на другого. Ведь я знаю свою своевольную натуру и то, что рано или поздно любая связь, будь она тверже алмаза, обращается в прах. Именно поэтому мне легче закончить все в самом начале, не чувствуя горечь утраты, любимого мной когда-то, человека.

Возможно, я нону крест на шее, несмотря на то, что не являюсь верующей, из-за моих долгов перед людьми. Грешница – слишком слабое описание меня, скорее похожее на комплимент.

Воз и маленькая тележка таких вот «возможно», тянущих за собой на дно. Дно столь глубокое и темное, что, предприняв попытку подняться с него, ты вмиг будешь погребен еще ниже зыбучими песками собственных иллюзий.

«Hide my head I wanna drown my sorrow.»

Образы, видения, галлюцинации, уродливые тени в углах комнат, дурные мысли, хорошие мысли, мысли о будущем – мрачные призраки упущенных возможностей.

Я давно научилась с этим жить и бороться. Еще с детства.

Когда отец в моем присутствии мог смотреть фильмы эротического содержания, шевеля одной рукой у себя в штанах, а другой подзывая меня к себе. Мать грезилла безуспешной идеей сделать из меня леди, носясь за мной по дому с желанием потушить об меня сигарету за то, что родилась дочерью, клейменной неоправданными ожиданиями.

В насквозь прокуренном доме, я засыпала на грязном диване под фон идущих по телевизору в соседней комнате сборнику фильмов ужасов, звук противной, до скрипа ушах, металлической музыки и громкую еблю родителей.

Потом им взбрело в голову отправиться в небольшое семейное путешествие, не включающее мое присутствие. С тех пор я их больше не видела. Как в той истории из «Симпсонов» про отца, ушедшего за пачкой сигарет.

Только это была реальная жизнь. Подросток, оставшийся один без средств к существованию, в квартире, которую в скором времени отберут за неуплату долгов.

Но я всегда была сильной. Всегда находила выход из сложных ситуаций. Я нашла работу, на которой, с горящими фальшивым интересом глазами, по полной выкладывала себя, нашла новые знакомства, поддержку друзей, которых я озаряла своей лицемерной маской напускного жизнелюбия, общительности, доброты, бескорыстности и прочих вещей, от которого меня тошнило по ночам.

Добившись практически всего, я была нужна всем, а мне – никто.

Я бомба замедленного действия, готовая рвануть в любой хреновый момент, сделав его еще хуже, поразив на своем пути все живое, имеющее какие-либо чувства, достав из них внутренности со всеми ей присущими эмоциями, оставив бездыханную пустую оболочку обессиленного отвращения и ненависти.

Поэтому, я не самый лучший человек для чего-либо. Встретив меня, вы не забудете моего лица, но пожалеете обо всем. Будете проклинать каждую минуту общения со мной, сожалея о том, что вернуть их уже никак не получится.

Лучше уходите. Закрыв за собой дверь, бегите далеко без оглядки и больше никогда в нее не стучитесь. Таков мой первый совет тем, кто решает выстроить со мной длительные и прочные взаимоотношения.

3

– Ты в порядке? – спросила Эс.

Но я уже не слушал. Пошатываясь, сквозь пелену и туман в глазах, пробираюсь к туалету с сильным приступом рвоты.

От вида антисанитарного помещения, представляющего точную копию сортира из фильма «На игле», меня тошнит еще сильнее. Кружится голова, и я поскальзываюсь на луже мочи, едва не ударившись затылком об раковину. Смерть посреди испражнений разных видов смотрелась бы не очень стильно.

Нельзя терять формы, показывая себя в дурном свете. Да,

интоксикация может случиться с каждым, но не хочу, чтобы Эс видела во мне хоть каплю слабости.

Умывшись холодной водой для отрезвления, приглаживаю волосы, бью себя по щекам, закидываю в рот две пластинки жвачки, отряхиваюсь, выпрямляю координацию тела, фокусирую глаза, закрепляю мимику лица, и статно, как будто бы ничего не произошло, возвращаюсь обратно в зал.

– В порядке, – говорю, усевшись. — Накрыло немного с непривычки, может, плохая погода или побочное действие нахождения в скверной лечебнице, как знать, – отшучиваюсь я.

«I got a fistful of whiskey, the bottle just bit me. That shit makes me bad shit crazy».

– А ты попробуй снять свой дурацкий плащ, для начала. Здесь довольно душно.

– Хорошая мысль.

Под плащом у меня насквозь соленая от пота черная рубашка. Надеюсь, естественный запах самца, давно не принимавшего душ, растворяется в табачном дыме и алкогольных испарениях. По крайней мере, выражение ее лица не говорит о том, что от меня пасет, как от осла.

Эс последовала своему же совету и сняла кофту.

– И что ты там делал? – спрашивает она, опершись на спинку дивана.

– Небольшой инцидент с потерей памяти.

– Как собираешься решать проблему?

– Я должен вспомнить что-то. Пока что, это вся доступная мне информация.

– Значит, прогресса нет. Есть идеи, насколько это было важно?

– Ни одной.

– Или ты всего лишь запомнил какой-то незначительный эпизод из жизни?

– Может быть...

– Что может быть?

– И то и другое.

– А если точнее?

– А если точнее, то... То я даже не помню, как добрался до этого бара. Хотя все это было не так давно. Странно... Более того, мне трудно вспомнить ее местоположение, очертания, декорации. Сейчас это напоминает очень важный сон, который крутится у тебя в голове, но который ты никак не можешь вспомнить.

– Да, память у тебя рыба. Ты и в правду не помнишь? Это же я, твоя двоюродная сестра, навещавшая тебя в течение года, пока ты был в коме! – вскинула она руки.

– Животики надорвешь, – пасмурно ответил я.

– Я правильно делаю вывод о том, что ты пытаешься вспомнить то, не зная что, придя от туда, не зная откуда?

– Эмм... Да, полагаю.

– У тебя есть хоть что-то, чтобы подтверждало твои слова?

Немного поразмыслив, я вспомнил о записке. Протянув-

шись к плащу, я пошарил в карманах и достал из его недр листок с текстом, наскрябанный нечитаемым почерком, и протянул его Эс.

Краткий перечень информации был таков:

«Уважаемый пациент, напоминаю известие касательно вашего здоровья, подорвавшееся внезапной вспышкой амнезии, на случай, если Вы запутаетесь в себе, как это случилось здесь:

Вы были доставлены в лечебницу одним из Ваших знакомых, который предпочел остаться анонимным. По его уверениям Вы пребывали в состоянии отрешенности и полного забвения, не помня многих имен и событий, в том числе того, по которому вы здесь оказались.

На случай, если упустите фрагменты нахождения в нашей лечебнице, спешу сообщить о том, чтобы Вы ни в коем случае не беспокоились. Это всего лишь побочный эффект таблеток.

Завершение процесса теперь зависит полностью от Вас и Ваших дальнейших действий».

– Чувствуешь? – спросила Эс.

– Что?

– Пахнет детективной историей. И тем, что сейчас ты непременно решишь угощать меня выпивкой до тех пор, пока я не лопну, как мыльный пузырь от касания иголки, ведь тебе определенно понадобится моя помощь, – с улыбкой сказала она и приподняла бокал на уровень виска.

– Не уверен, что ты сможешь чем-либо помочь, – пессимистично отвергаю я помощь.

– Без меня ты бы и не вспомнил о том, что тебе нужно о чем-то вспомнить, умник, – важно подняла она подбородок.

– Да, спасибо тебе и все такое, но дальше я сам. Не хватало нам еще в Шерлока с Ватсоном играть.

– И кто из них я?

– Миссис Хадсон.

Эс вытаращила на меня большие глаза.

– Вот так значит? – спросила она язвительно. — Всю награду себе хочешь присвоить?

– О какой награде речь? Тебе есть дело до моего прошлого? По-моему, ты сама поднимала эту тему, а теперь опровергаешь собственные слова.

– Со мной сложно, я говорила. Думаешь, что, просидев здесь столько времени за светскими беседами и узнав под вечер что-то необычное, достойное рассмотрения, я просто сдам назад и оставлю тебя в покое?

– Хорошо, – терпеливо соглашаюсь. — Есть догадки?

– Что ты уже вспомнил?

– Я помню отрезок времени до попадания в лечебницу. Как обычно сидел здесь и занимался тем, что умею лучше всего. Больше ничего. Это и логично, ведь у алкоголиков часто случаются провалы. Не удивительно, что я больше ничего не могу воспроизвести.

– Думаю, нужно копать глубже. Кто, теоретически, мог

сделать это ради тебя?

Я выдержал паузу длинную в жизнь и продолжил:

– Друзей у меня больше нет. Последним вычеркнут из этого списка был друг, знакомый мне с детства, с которым я давно не общаюсь по определенным причинам. С матерью не виделся уже несколько лет, несмотря на то, что живем в одном городе. Также по определенным причинам. Отец живет своей жизнью, а ближайших родственников уже нет в живых. Бывшую девушку, которую я бросил из-за ее измены, можно вообще в расчет не брать. — Зачем вспоминать то, что я предпочел бы на полном серьезе забыть? Единственно важный вопрос в этой данцовской истории: «Зачем кому-то из них это было нужно?». И он мне не особо интересен.

– Скучный ты. В твоей жизни произошло что-то, что может оказаться событием, перевернувшим твои взгляды на некоторые вещи, изменившим твою сущность, отношения к людям, образ мыслей, преподнесшим новый источник вдохновения, после которого ты написал бы книгу. Что-то, что ты забыл.

– Мне, конечно, интересно, как современное чтиво будет восприниматься будущим поколениями. Насколько, оставленные людьми-сегодняшними, произведения будут сатирическими, социально актуальными для людей-завтрашних. Будет ли в них тонны скрытого смысла, недоступному обычному ученику средней школы, но уже открывшемуся учителю на уроке классической литературы. Будем ли мы также

перемывать все кости любимившемуся всем роману. И так ли муторно, почти после каждого предложения, описывать окончание тона монолога, дающее понять настроение или действие говорящего персонажа. Но не настолько, чтобы докапываться до правды, которая, вполне вероятно, может заключаться в том, что я гей, например, – окончил я, почувствовав сухость во рту.

– Еще и зануда, – сказала Эс, закатив глаза. — Так и быть. Может, это действительно того не стоит.

– Наконец, – выдохнул я. — Давай больше об этом не говорить. Что там случилось когда-то со мной и зачем это когда-то пытаются мне помочь вернуть – я не знаю и знать не хочу. Я, по большому счету, плевать хотел на все предыдущие события в моей жизни, потому что они приносили одни неудачи. А уж вспоминать их и вовсе не имею тяги. Уверен, что это было очередной и необычайно «невероятный» эпизод, вроде скучных серий в сериалах, которые созданы для того, чтобы увеличить хронометраж.

– Как знаешь. Настаивать не буду.

– Все, что я хочу узнать, и все, что мне интересно на данный момент – уже находится напротив меня.

– Чересчур сентиментально, но мило, – сказала она, повернув голову в профиль.

Минут пять мы провели в молчании.

Комфортном молчании, знаете, а не то молчание, сотрясающее воздух, от накала которого хочется поскорее изба-

виться или провалиться сквозь землю.

Говорить можно с кем, когда и сколько угодно. Но умиrotворенно помолчать, на мгновение оторваться от реальности, уединившись в своих мыслях, имеет возможность не каждая компания.

Так продолжается еще какое-то время. Мы сидим напротив, изредка посматривая друг на друга оценивающими взглядами, беспрестанно курим и потягиваем свои напитки. Идиллия в чистом виде.

Никто не нарушает покой предающихся гедонизму Адама и Евы, съехавших от родителей Ромео и Джульеты, соскачивших с наркоты Сида и Нэнси, угнавших в закат на бронированном форде Бонни и Клайда, остановившихся у ближайшего бара опрокинуть пинту-другую, а может и больше.

Уже без прежнего стеснения рассматриваю Эс, отрывая взгляд лишь тогда, когда ее большие глаза ловят меня на этом занятии. Она словно играет роль учителя, знающего, что ты списываешь на экзамене, но специально делающая вид, что ничего не замечает, давая незадачливому мальчишке небольшой шанс.

В вопросах, касающихся женщин, обычно принято распыляться скопом заезженных эпитетов, ворохом неподражаемых сравнений и тонной оригинальных метафор. Пальму первенства по слащавости занимает одухотворенные стихи, которые мне никогда не давались.

Поэтому, вооружившись своими многозначительными

высказываниями, отчасти сносным слогом, тончайшим, как лед весной, сарказмом, невероятно высоким интеллектом, высшим образованием в степени магистра по флирту с противоположным полом и, разумеется, огромным самомнением, я спешу немного раскрыть все тонкости этого неувядающего букета цветов, сидящего передо мной:

Голова покрыта черными шелковистыми волосами, обрамляющими ровный овал бледноватого лица; высокий и чистый лоб; чайка подобные подкрашенные брови; миндалевидные изумрудные глаза, под одним из которых удобно располагается родинка, и, которые, кажется, способны поглотить своим размером и гипнотизмом; аккуратный нос; ярко выраженные скулы; острый, как бритва, подбородок, от взгляда на который можно буквально порезать сетчатку; губы – визитная карточка многих женщин, но в случае с Эс самому да Винчи не хватило бы жизни, чтобы со всей точностью запечатлеть эти розовые лепестки с кошачьими уголками; шея, ведущая тонким мостом к стройной фигуре, пикантным контурам тела, пышным грудям и двум упругим полушариям снизу, что мне посчастливилось разглядеть, когда она отлучалась в дамскую комнату; завершением композиции являются грациозные ноги.

Имея лишь малое понимание осмысленности своего существования, приятно находиться в ожидании какого-то интересного события, которое должно произойти в ближайшее время.

Будь то случайно найденный кошелек, под завязку набитый деньгами, поход на культурно-развлекательное мероприятие, судный день. А значит, еще есть повод вставать по утрам. Но, в конечном итоге, не так важно само событие, главное – с кем ты его разделишь. Если бы мне предложили этого кого-то, то в первую очередь я бы рассмотрел кандидатуру Эс.

И мне сейчас хорошо. Даже очень. Несмотря на непрощедшие рвотные позывы, я очень давно не испытывал такой легкости, непринужденности и открытости в общении. Я однозначно в своей тарелке.

– На что засмотрелся, мистер? – прервала она мои влажные фантазии.

Похоже, последние несколько минут я в упор на нее пялился, пуская слюни.

– Чего? Да... Так, задумался. Люблю думать, знаешь, – смолол я полную херню.

– Хотя бы делай это с закрытым ртом, мыслитель.

Мне ничего не оставалось, как стыдливо упереть взгляд на, внезапно ставший занимательным, стол.

– Расслабься, я просто шучу, – сказала она, махнув миниатюрной ладошкой. — Похоже, я тебе интересна. Вот только какого рода этот интерес? Телесно-одноразовый или имеющий платонические мотивы?

– Скажем так, если бы ты предложила мне встречаться, то я бы недолго раздумал над ответом. Благо теперь, спустя ку-

чу часов, что мы провели в этом месте, постепенно узнавая друг друга, мы вполне можем считаться полноправными любовниками. А я не рискую стать угрюмым дедом, преисполненным сожалений и умирающим в одиночестве бесконечного абсурда, который я каждодневно пытаюсь взорвать, – сказал я, подмигнув.

– Любовниками? – переспросила Эс, чуть не брызнув слюной.

– Да, Вы не ослышались, благороднейшая из женщин, чей идеал красоты является усладой для глаз моих, а голос – песней для ушей. Будьте моей женой, *ma cher!*

Мы оба не сдержали смеха.

– Ты забавный. И ты мне нравишься. С замужеством, пожалуй, можно повременить, но провести время где-нибудь еще, вдали от здешней рыгаловки я бы охотно согласилась, – с энтузиазмом сказала она.

– Да, было бы здорово, если бы в нашем городе было хоть одно достойное культурное заведение.

– Как насчет театра «У сквера»?

– Ходил туда еще подростком. Вполне сносный. Как сейчас там обстоят дела не представляю, но можно наведаться и выяснить.

– Беру на слове, – сказала на, прикусив нижнюю губу.

Мочевой пузырь снова атаковало пиво, поэтому я был вынужден сдать без боя и пойти в туалет. Пока ходил, выносил в себе несколько комплиментов, которые обязательно

должна оценить Эс.

Но, по моему возвращению, вместо нее на диване сидел и кружил вокруг стола невероятно стойкий и, скорее всего, дорогой парфюм, благоухающий всеми приятными вещами на свете: огромным букетом свежесобранных цветов, ветром в зной летний день, мяукающими котятками, улыбками детей, ломящимся от еды столом, безбедной жизнью и безграничным счастьем.

Я простоял несколько секунд в полном недоумении, пока не разглядел среди горы стаканов, бокалов и пепельниц белую салфетку, на которой тушью было выведено послание: «Советую тебе начать решение вопроса со своей памятью, а потом, как бы невзначай, пригласить меня в театр. Если согласен, жду завтра в шесть вечера на этом же месте. Спасибо, что оплатил счет».

Перевернув салфетку, я увидел, красующийся на ней, темно-красный след от поцелуя.

Пожалуй, я слишком пьян, чтобы негодовать от подобных выходов.

Сунув салфетку в карман, я расплатился уже трясущимися руками и вышел на улицу, начав, пошатываясь, пробираться сквозь тьму и холод.

Дальнейшие события моего путешествия были сокрыты от меня банальным отшибом памяти. Пришел в сознание я, лежа на спине у входной двери, вдыхая скопившуюся пыль, запах невыброшенных отходов и дома, запах у которого для

каждого имеет свое описание.

Практически взяв себя за длинные волосы, как Мюнхгаузен, я пытаюсь закончить поход и разбить лагерь, водрузившись на царские хоромы.

На пути в спальню в нос прилетает резкая и прямая, как удар кулака, вонь разлагающейся плоти где-то на кухне.

Блядь, бедный кот. Совсем о нем забыл. Наверно, это и была та важная вещь, которую я должен был вспомнить и не забывать кормить.

Неважно, будет прекрасная возможность снова увидеть Эс и поведать ей о моей догадке. Главное не забыть свое новое имя.

Оставив дела бытовые завтрашнему мне, без сопротивления отдаюсь в железную хватку Морфея.

4

Неброский макияж в виде черных стрелок, идущих вбок от удлиненных ресниц, светло-красной помады, блесков и легкой припудренности для подчеркивания контура лица. Волосы завиты и залакированы. Светло-темное платье, кофта по погоде и туфли на толстой подошве.

В выборе одежды и имиджа я строга, но не критична. Никаких «мне не подходит это, потому что оно меня полнит, так что я перемеряю еще с десятков схожих тряпок».

Никогда не останавливаюсь подолгу в одном магазине. Если понравилась вещь – беру. Не зависимо от цены. Такая у

меня натура. По большей части, мой вид и поведение всегда схожи по стилю песне «Опиум для никого».

С другой стороны, это и к лучшему. У меня всегда найдется то, что нужно на случай смены погоды, перемены настроения, официального банкета или работы, вечеринки, всплеска чувств, депрессии и попыток суицида.

Но я все равно практически никуда не хожу, так что это груда платьев висит в шкафу по несколько лет.

Никуда, кроме того злополучного бара. Не то, чтобы в нашем городе был дефицит подобных заведений, наоборот их даже слишком, но все, как назло находятся за три звезды от моего дома. А ковылять пешком, тратить деньги на такси, или, не дай кто-то там, совершить лишнюю поездку на общественном транспорте – для меня слишком нервозатратно.

Тем не менее, данное заведение достойно памятника своими историями, происшествиями и странными событиями, которые, кажется пересказывают еще с прадедовских времен.

Обновленное, отштукатуренное, отдекорированное местечко, которое слыло дырой – так ей по сей день и является.

Еще это дурацкая вывеска, которую не могут починить добрую сотню лет. Всякий раз встречает меня буквами с оставшимся неоновым освещением – «Агир». Полное название «Багира». Весьма странное для обычного бара с пропойцами.

Изначально здесь было что-то вроде ресторана средней

руки, и, следуя из названия, по моему мнению, как в известном мультфильме про Маугли, он должен был погружать ново пришедших посетителей в свою атмосферу дикой флоры и фауны, согревать теплом и заботой, принимая в дальнейшем в стаю.

Но еще вероятнее то, что у владельца просто не хватило фантазии.

Но у меня-то ее хоть отбавляй. И когда при входе до меня доносятся запахи спертого воздуха, пота, паленого алкоголя и смрад местного туалета, созданного точно не для того, по какому назначению его используют сейчас, у меня в голове рождается не самая приятна из картин. Нечто вроде группового копрофильного инцеста старых монашек на людной площади в присутствии детей-инвалидов.

Однако есть и положительные стороны. Например, второй зал – для людей, желающих напиться до необходимого душевного состояния, обсуждая глобальные, по меркам своего развития, проблемы. Что отделяет от контингента из первого – мутантов, сидящих поближе к святому источнику, докучающие бедному бармену и устраивающие пьяные потасовки, больше похожие на вальс без партнера.

Насколько уже все знают, желанием каждый день заводить новыми приятельскими отношениями я не горю. Да и относительно моего прошлого я уже не такой общительный человек.

Когда впитываешь, словно губка, любой поток информа-

ции от нескончаемо появляющихся людей в твоей жизни, в определенный момент в тебе просто кончается место. Теперь, испытав горечь поражений, лжи и обмана, способные принести каждый из людей, я более избирательно отношусь к самому человеку и словам, вылетающим из их грязных уст.

Но совсем замыкаться в себе, становясь отшельником в деревянном домике на краю озера тоже не самый лучший вариант. Нужно находить баланс между «нахуй ты со мной разговариваешь» и «я не общалась уже несколько часов, нужно срочно до кого-нибудь доебаться». Благо это у меня всегда получалось, но отнюдь не приносило удовольствие.

Не знаю. Обычно это всегда было связано с тем, что я не переношу счастливых людей. Потому что по большей части они лизоблюды, фальшивы, как и смех над дурацким анекдотом.

Но искреннюю улыбку настоящего выражения радости я обожала всегда. Просто потому, что ее нельзя подделать, иначе это сразу бросается в глаза, отворачивая от тебя человека.

У Соу это получалось, что подтверждает его чистую равнодушие ко мне. Он шутил, но практически никогда не улыбался, иронизировал над самим собой, порой принося свои достоинства, рассказывал забавные истории, вещал о своей аполитичности, стойкой уверенности в отсутствии мистицизма, суеверий и вкуса у местных гренков, что, по его мнению, были приготовлены лет за пять до формиро-

вания планеты. Не скупился на комплименты в сторону моей внешности, ума, эксцентричности, а также подметил необычайное стечение обстоятельств, которое нас свело.

Впрочем, я отвечала ему тем же и во многих вещах была солидарна.

Что же касается моих талантов, то они умещаются на пальцах одной руки. На одном пальце одной руки. Я постоянно веду дневники. Пишу так красиво, как могу, обо всем, что было, есть, будет, что не произойдет и не случится точно, что я ощутила, съев клубничный пирог, что стало переломным моментом в моей жизни или началом ее конца.

Меня всегда затрагивали до глубины души личности персонажей и их истории, снабженные водоворотом ярких событий, вдохновлял стилистически разный подход к написанию текста, обороты речи и выразительные средства лексики, оставлял неизгладимое впечатление – у каждого свой, но всегда лиричный – слог автора, пронизанный любовью к своему делу.

Еще с детства, начитавшись большим количеством философов, китайской поэзии, литературы различных жанров, астрономии и мифологий, я начала задаваться во истину, трепещущими разум незрелого создания, осмысленными вопросами о жизни здесь, жизни по ту сторону, жизни за пределами обитаемого мира, о смысле существования.

Поэтому я стала писать, порой даже от мужского лица, чтобы решить уравнение, не подвластное всему человече-

ству, посредством усиленных мыслительных процессов и составления правильного порядка слов в предложения.

Потом стала писать очень много, что иногда приходилось отсеивать ненужное, перечитывать важное, составляя целостное повествование, у которого, как я думала, должен был быть логичный конец.

Но его нет до сих пор. Слова проходят тернистый путь от моих, не всегда здравых, мыслей и тонким слоем ложатся шариковой ручкой на белый лист бумаги. Пока что, я пришла только к одному выводу – почти все уже было когда-то сказано.

Мысли подобно генам передаются по наследству и перетекают из поколения в поколение. Почти все было обдуманно, переосмыслено и, пройдя сквозь паутину нейронной сети, вылило чернилами на потертую бумагу.

Возможно, когда-то некий наивный и не шибко смысленый недоидеалист-псевдоромантик-провинциал-и-просто-славный-малый-в-некоторых-делах, совершенно неизвестный никому кроме себя, своей персоны и его самого, отправлял почтовым голубем послание своей пассии, в некотором роде служившей для него музой.

Письмо было страстным, исполненным учтивости, благодушия, отчасти неловкости в высказываниях, но, непременно, огромной любовью, скрывающейся между строк и вырывшейся со станиц потоком теплого воздуха, греющего разум и сердце.

Если даму не настигла болезнь, то спустя продолжительное время, она получала это письмо, которое после прочтения аккуратно складывала в ящик стола, после чего расторопно писала ответ, думая о том, что, возможно, когда-то эти слова уже звучали. Может, более красноречиво, лаконично и утонченно, кто знает. Известно было лишь одно: в этом времени, в этот самый момент и в эту жизнь, какой суровой она бы ни была, они принадлежали ей и только ей, и это несомненно трогало ее до глубины души.

Порой это занятие кажется мне совершенно бесполезным. Но я переубеждаюсь в этом, когда создаю что-то, что приносит хотя бы малое эстетическое удовольствие моему глазу. Стихи, например:

Пишу потомкам, до которых это не дойдет.

Пишу тому, кто это не прочтет.

Пишу тому, кто одинок, расколот.

Пишу тому, кто смысла не поймет.

Пишу о тех, кто недостоин.

Пишу и тем, которых нет.

Пишу о тех, кого все любят.

Пишу и тем, любви в жизни которых нет.

Пишу, взяв на излом слова и рифмы.

Пишу, неоднократно изменяя смысл строк.

Пишу, заковываясь в панцирь бестолковой мысли.

Пишу, про берег пляжа, и как в полночь, почти бесслышно, сыплется песок.

Пишу, бродя по скалам, рифам, созданным сознанием.

Пишу, с упорством рассекая в воде соль.

Пишу, уверенно и ловко, проскользая под волной, без жизни риска.

Пишу, со дна поднявшись и оказавшаяся едва живой.

Пишу я все, что поддается переносу на бумагу.

Пишу я истины, чьим смыслом только слезы вытирать.

Пишу я, закрывая старый, шаткий дом на ставни, и в страхе ускользаю бегло вспять.

Пишу я, в угол кривенький забившись, и, обретя в конце концов покой,

сiju и с наслаждением наблюдаю за лицезрением меня Луной.

Теперь пишу о самых страшных муках, о том, что все пылет, рушится, гниет.

Теперь важнейшие решения возлагают вовсе не на тех, кто этого так ждет.

Теперь каждый из вас будет писать потоки мыслей, сквозь призму времени пройдя, стремясь найти истоки настоящих истин, и после этого начать отсчет с нуля.

Теперь я сделала довольно, прекратив страдать; теперь, оставшись здесь спокойно увядать, я больше никогда и ничего не собираюсь вам писать.

Спасибо за уделенное внимание, дамы и господа, откопавшие этот дневник, сохранившейся по удачному стечению обстоятельств.

Если вам понравилась меня читать, и вы, совершенно случайно, держите рядышком сборник из нескольких сотен других моих изречений и проповедей под разными именами, пожалуйста, не стесняйтесь и зачитывайте все до дыр, делитесь с друзьями и родными, прививайте чувство вкуса молодому поколению, давая им, в дальнейшем, одухотворить своих детей, и детей их детей!

Воздвигнув памятник нерукотворный, опубликуйте эти текста под моим именем и вознесите меня в ранг просвещенных, но так и не узревших суть мироздания.

5

Липко-сухое амбре утреннего похмелья и полная дезориентация в пространстве – спутники моей жизни, будящие меня жестким шлепком руки, приносящий головную боль, недомогание и непереносимое желание умереть. Встать прямо сейчас – значит автоматически привести его в исполнение.

Обычно, для улучшения состояния я ухожу в длительные

запой. Закинуть в себя несколько холодных градусов при пробуждении и полировать ими организм в течение дня проще, чем бороться с плохим самочувствием несколько дней, лежа на кровати с вертолетами в голове, как на смертном одре, глотая обезболивающие, жаропонижающие, сосудосуживающие и галлоны газированной воды, раздувая пузо до размеров небесного тела.

Но первый вариант, хоть короткий и быстродействующий, по описанию выглядит еще мрачнее второго. Просто потому, что звучит как «я не готов принять малейшие трудности и сложные периоды в моей жизни, поэтому лучше мне спиться к чертям и никому не докучать»

Так или иначе, но до вечера нужно привести себя в порядок перед встречей с Эс. Кажется, вчера, я планировал ей поведать догадку по поводу чего-то. Но вот какую? По пути в туалет для интоксикации организма, я вспомнил что, когда учуял запах с кухни, и сразу же решил свою насущную проблему.

– Кхэ, бляяя, – растеклись рвотные массы по всему коридору, оставив скользкую дорожку, как после проползшего недавно слизня человеческих размеров.

Я уже сейчас был готов выставить квартиру на продажу прямо в таком состоянии. Пусть в три раза дешевле, пусть мне пришлось бы несколько лет снимать маленькую халупу за гроши, пусть я даже, не имея возможности платить за аренду, жил бы в коробке на теплотрассе, но я, бля, никогда

и ни за что, не рушусь копаться в этой тухлой залупе. Фу, нахуй.

Быстро проскочив в ванну для стирки тела, я начинал постепенно переводить дух и возвращать ясность сознания. Конечно же, мне придется разбираться с этой ситуацией самому. Слишком уж я жадный для заказа услуг уборщицы.

Таким вот, не легко давшемся мне, решением было принято свершить свой долг перед священным животным, упокоив его по всем канонам.

Заткнув ноздри несколькими слоями ватных дисков, обработанных перекисью водорода, влетаю на кухню в поиске перчаток, пакетов, дезинфицирующих средств и половой тряпки.

Кот, судя по облезшей шерсти, подгнившими тканями и иссохшим глазам, пролежал в таком состоянии пару недель, как минимум. Странно, что соседи ничего не почувствовали.

А ведь я даже не утрудился придумать ему имя. Удивительно. Всегда по-важнецки называл его Мистер Кот или просто Кот. Как-то не придавал значению то, что животным тоже достойны носить имя. Но какое теперь дело.

Следующие пару часов шла жаркая генеральная уборка всего дома. Если уж начал избавляться от трупа, избавься и от следов, которые могут к нему привести.

Замотав черную, неповинную скотинку в несколько мусорных пакетов и упаковав ее в свободную коробку из-под обуви, сделав ее одновременно не живой и не мертвой, я со-

брался отправиться на улицу в поисках места для погребения.

Стоило мне нацепить плащ с ботиками и открыть дверь, как напротив меня материализовался, буквально из ниоткуда, безвкусно одетый, сухощавый тип среднего возраста с лицом старика, который держал понятую руку в направлении к моему звонку, как будто бы отдавал честь вождю нацистской Германии. И, чтобы вы думали? К его телу была прижата сраная коробка из-под обуви!

Я не удержался и прыснул губами от происходящего каламбура. Только представьте, что в этой коробке еще одиндохлый кот. А владелец, решил зайти к соседу за утешением, в прискорбной утрате друга человека, а этим соседом оказываюсь я – человек, который забыл его покормить.

Увидев мое повеселевшее лицо, странник никак не изменился в лице, как будто бы ожидал такой реакции.

– Что-то хотели? – спрашиваю от нетерпения.

– Вам посылка, – холодно ответил он.

– Я ничего не заказывал, тем более в старой обувной коробке.

– Мое дело – курьерская доставка. Я не осведомлен о содержимом. Мне не нужна оплата, Ваше имя, подпись и отказ. Если не желаете брать коробку из моих рук, я просто поставлю ее перед Вами и прослежу за тем, чтобы ее занесли за порог своей квартиры. Далее Вы вольны поступить с ней так, как считаете необходимым: узнать содержимое, сра-

зу выбросить, сжечь или оставить на хранение в шкафу. Меня это касаться не будет, – продиктовал он мне заученный текст.

Ну и дела. Похоже, Нэнси Дрю из бара была права насчет детективной составляющей. Все так таинственно и загадочно. Но интересней мне от этого не стало.

– Послушай, приятель, если там не находиться, как минимум, пара бутылок холодного Гиннеса, то ты явно ошибся с визитом ко мне и моей звенящей голове, – говорю с натяжкой.

– Это важно.

Я решил подыграть, встав в позу мыслителя, потирающего подбородок большим и указательным пальцем:

– Да, разумеется. Ты всего лишь посредник между кем-то и мной. Шестерка, которую гоняют по не особо важным делам. И вся это напускная загадочность только для поднятия собственно статуса в моих глазах. Придя сюда в таком жалком виде, ты заклеил меня особенным, который от таких как ты должен принимать посылки исключительно через своего телохранителя, а после давать тебе поз зад со всей дури, чтобы сомнений в том, что я могу наказать за любую провинность, у тебя точно не осталось. Ведь кто знает, что может находиться в коробке. Может, там храниться что-то, что во второсортных фильмах или беллетристике должно двигать сюжет вперед? Или какая-то памятная вещь, записка с угрозой, план действий по спасению дочери, голова жены, кноп-

ка, убивающая случайного человека, но дающая тебе миллион долларов, а может, просто хренова бомба, готовая пиздануть мне в лицо при открытии? Врагов у меня нет. Не должно быть. Но вдруг моя бывшая девушка решила таким образом напомнить мне о своем существовании, наложив в эту коробку кучку своего шлюшеского дерьма? Вдруг все люди на этом ёбаном свете, которым я когда-то насолил: злые бабки в общественном транспорте, одичалые матери-одиночки, готовые убить за свое чадо, свидетели Иеговы, фанаты комиксов DC, политические фанатики, существа с футболом головного мозга, любители нудных артхаусов про еблю свиной и прочие, прочие, прочие, решили отплатить мне огромным презренным подарком, содержащимся внутри? Все возможно! Все! Ведь я ненавижу, блядь, людей!

Это нужно было видеть со стороны.

Пропитанный насквозь потом, небритый мужлан с бледным лицом, включенными длинными волосами и сгорбленной осанкой стоял с мертвым котом в руках напротив, ахуевшего от сказанного, господина никто, выкрикивая грозным голосом свое возмущение по поводу нарушения своего священного, по закону заслуженного, личного пространства, жестикулируя руками, как мельницей, визуальнo изображая все вышесказанное, попутно испепеляя взглядом психопата с лопнувшими капиллярами на глазах и, изредка, не сдерживая обильное слюноотделение.

Я смотрел на него исподлобья, тяжело дыша, и жаждал

удостоиться парирования, по силе, если не равной моему красноречию, то хотя бы близкой к нему.

Но незванный гость предпочел остаться равнодушным к данной критике. Не меня безэмоционального выражения лица, он медленно поставил коробку на пол и пододвинул ко мне, став ожидать моей реакции.

Я с силой пнул коробку, отправив ее знакомиться со стеной.

– Катись в пизду, больной придурок! – закричал я сильнее прежнего и захлопнул дверь у него перед носом.

Сев у двери, я начал ожидать его ухода, но мужик оказался неумолим.

Он подобрал коробку, позвонил один раз и встал столбом перед дверным глазком. По праву, бить его я не смею, так как он стоит за пределами моего жилища. Ломиться он вряд ли собирается, как и, скорее всего, препятствовать моему уходу из дома.

Ладно, попробуем это проверить.

Я взял останки кота, вышел из квартиры, закрыв ее на ключ. От болванчика ноль реакции. Он лишь повернул голову в мою сторону и начал озадаченно тарашиться, что показалось мне весьма жутким.

Медленно спускаясь вниз, я наблюдал боковым взглядом за его действиями. Он по-прежнему смотрел в мою сторону. Ну и стой тут, блядский Хатико.

На пути к месту назначения, которое я избрал задней сто-

роной дома, повернутого на находящуюся вдалеке Новую улицу, я пытался прогнать дурные мысли на счет неудавшегося начала дня, и, по возможности не думать вообще ни о чем.

За домом как раз находилась детская площадка – аттракцион смерти для малышей и отличная поляна для взрослых детей, обычно посасывающих пиво на лавке и готовящих шашлыки.

Отличное место для обоснования местного кладбища домашних животных.

Достигнув нужной точки, я хлопнул себя по забывчивой голове. У меня же нет лопаты. Чем мне теперь рыть? Очень сомневаюсь, что у кого-то из соседей, да и вообще любых людей в городе, найдется лишнее приспособление для вскапывания земли.

Но не будь я собой, если бы сразу не смекнул, что на детской площадке вполне вероятно могут находиться забытые детские инструменты, вроде совка. Рыская в поисках нужного приспособления, я в упор не видел ничего подходящего.

Хотя, постойте. Это же... Нет, мои юные копатели, это не многофункциональная пластиковая лопата с регулированием глубины и объема вскапывания, хуй то-там. Размером с ладошку, облепленные песком, убогие грабли без одного зубца.

Что поделать. Надо уже покончить со всей этой историей. Вооружившись «трезубцем Посейдона», начинаю искать

подходящее место для захоронения.

Это оказалось не так просто, потому что земля, по большей части, представляла гравий, насыпанный на твердую грунтовую породу, а несколько подходящих мест уже были кем-то заняты. Ну, как заняты. Судя по неровным местам на земле, явно перекопанным ранее, здесь обитает семейство кротов, которое изредка роет тоннели вверх, вылезая на поверхность. Слепые милашки.

Спустя продолжительное время, перепачканный в земле, вспотевший и обессиленный, стою над свежей могилой. Наверно, нужно произнести речь. Все-таки он был моим товарищем.

– Мистер Кот. Сегодня я провожаю тебя в последний путь с чувством глубокой скорби и невозполнимой потери, что недавно меня настигла. Я знал тебя еще совсем ребенком. Заметив на улице маленького, беспомощного котенка, я не смог смириться с мыслью, что если я пройду мимо тебя, то, возможно, в этот вечер мир содрогнется вновь, потеряв очередное милое животное, умершее от голода. Ты был моим верным другом, будившим меня своей мокрой мордочкой с утра на работу, когда я просыпал звук будильника. Во время моих болезней ты ложился на меня и урчал, забирая теплый сгусток простуды. По вечерам смотрел со мной фильмы и кривился, когда я давал понюхать тебе вино. И чем я тебе отплатил? Я забыл про тебя. Прости. Это не совсем моя вина. Память подвела, понимаешь. Я сам до сих пор понятия не

имею, что мне сейчас делать со всем закрутившимся пиздецом в моей жизни, в какую сторону двигаться, с чего начать, у кого спросить. У кого спросить... Мать твою, я полный кретин! Очевидно, что тот мужик с коробкой может мне что-то рассказать. Или само содержимое коробки. Я проигнорировал два этих фактора, списав все на дешевый прикол, розыгрыш. Но теперь я понял. Жалкий пропойца с дырявой головой. Я буду не удивлен, если причина амнезии сокрылась в длительном алкогольном трипе, в котором я пребывал с месяц, а то и полгода. Спасибо, Мистер Кот. Ты как всегда меня выручил. Земля тебе пухом, братишка.

Закончив речь, я отряхнул черные ладошки о бока штанов, стер со лба пот тыльной стороной ладони и облегченно выдохнул.

– Ты всегда разговариваешь с собой вслух? – донесся голос за моей спиной.

Испугавшись, я резко обернулся на звук, источником которого оказалась девочка лет десяти, одетая в красное пальто с капюшоном, под которым виднелось печальное лицо.

От такого неожиданного появления я немного растерялся в поиске элементарного ответа на вопрос и выдал первое, что пришло на ум:

– Да, это очень помогает. Бывает, тебя терзает какой-то вопрос, который ты без конца прокручиваешь у себя в голове снова и снова, сомневаясь в достоверности своих рассуждений, и так и не находишь верного ответа. Тогда ты начи-

наешь думать вслух, что придает твоим словам осязаемости, глубины, веса. Слушая свой голос, ты ведешь диалог с самым частым и верным слушателем – самим собой. Ты споришь, выдвигаешь факты за и против, согласовываешь понятия, а после приходишь к выводу, все это время лежащему на поверхности. Именно поэтому говорят, что истина рождается в споре. Вот только не всегда с другим человеком.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь, – грустно ответила девочка.

– Да, извини. Я и забыл, что ты еще дитя. Но не переживай, ты сама придешь к такому выводу, когда повзрослеешь. Все приходят.

«You'll never now, if you don't go. You'll never shine, if you don't glow».

– Поэтому взрослые такие грустные?

– Так и есть. Представь, что единственная вещь, которой ты дорожишь – твое красное пальто. Ты становишься выше, крепче, толще, умнее. Одним словом – ты меняешься. Но пальто всегда остается одного и того же размера. Ты его изнашиваешь, вытягиваешь, рвешь по швам и перешиваешь, добавляя заплатки и куски ткани в необходимые места, чтобы оно было тебе по размеру, потому что тебя с ним многое связывает, и ты не хочешь менять его на что-то другое. А спустя много лет, ты понимаешь, что твой наряд похож на цирковую одежду, что ты ходишь в хаотичном наборе тряпок, которые ты протащила на себе через всю жизнь, мил-

лион историй, событий, моментов. Которые изнашивались до тех пор, что от них уже практически ничего не осталось. И вот тогда, ты печально бредешь в магазин, берешь себе новое пальто и понимаешь, что, по сути, эта та же самая вещь из разноцветных ниток, замков и карманов, чем несколько лет назад являлось и твое, но на которую ты смотришь по-обычному буднично, без восхищения и трепета, что ранее были в тебе. Понимаешь, что придавала ему слишком большое значение, а теперь сильно об этом сожалеешь.

– Все равно не понимаю, – пожала она плечами.

Знать бы мне детский язык, малышка. Но мне никогда не приходилось нянчиться с маленькими людьми.

– К чему эти глупые беседы? Лучше назови свое имя, – говорю.

– Не скажу, – твердо ответила она.

– Ты задала уже два вопроса, на которые я ответил непонятным тебе языком. Хочешь сказать, что я зря потратил время на человека без имени?

– Нет. У меня есть имя.

– И ты не говоришь его, потому что оно тебе не нравится? – предположил я.

– Возможно.

– Почему?

– Из-за папы.

– Он тебя обзывает?

– Он нас бросил. А имя осталось.

– И теперь ты не хочешь, чтобы оно напоминало тебе его?

– Угу.

– Я Соу. Это имя я дал себе сам. Если хочешь, можем и тебе придумать.

– А так можно?

– А кто запрещает? Ты можешь быть той, кем хочешь быть. И никто ни вправе отнять у тебя саму себя.

– Я.

– Что ты?

– Ты сказал, никто не заберет меня саму. Значит, меня зовут Я.

– А ты умная.

Она снова пожала плечами.

– Почему ты гуляешь одна, Я?

– Я ищу своего папу. В школе говорят, что он ушел, потому что не любит меня. А мама говорит – любит. Как можно любить человека, которого ты оставил?

Сложный вопрос. Никогда не испытывал чувство любви или нечто похожее на данное ощущение.

Любовь, как таковая, вещь весьма эфемерная и абстрактная, всегда являлась для меня обычным определением из книги по биологии – комплексное действие химических реакций организма на определенный возбудитель, объект желаний, с которым ты желаешь совокупиться.

Все мои прошлые отношения тянулись далеко не на мне, потому что каждая сторона преследовала свою корыстную

цель, которая, по большей части, заключалась в удовлетворении сексуальных потребностей.

Не спорю, была привязанность, влюбленность, зависимость, разве что одержимости не было, но никогда не было любви.

До настоящего момента, я думаю. Того, что происходит сейчас между мной и Эс. Хотя, я даже не уверен во взаимности ее чувств.

Не знаю, как описать настоящее состояние. Не то, чтобы это было ураганом эмоций, бабочками в животе и прочими розовыми соплями, которые я всегда не особо переносил, но толика легкого волнения от предстоящей встречи с ней начинает переходить в нестерпимый тремор всего тела.

В первые часы нашего общения я боялся ляпнуть глупость, отморозить дурацкую шутку, выставить себя в негативном свете, хотя мне это совершенно не свойственно. Ранее меня не беспокоило то, как я говорю, выгляжу, веду себя с людьми, доношу правду или решаю солгать.

Я всегда занимал нишу презренного отношения к выродкам, заслуживавших это, и нейтрального ко всем остальным. Извинится я никогда не умел, а по большей части просто не хотел.

Что уж говорить о теплых чувствах, которые я бы предпочел утаить в себе, не дав знать человеку о том, что он далеко не кусок дерьма, чем высказать об этом прямо в лицо.

До настоящего момента, я думаю.

Сейчас я в полной мере могу заявить, что близок к данной человеческой способности. Способности любить – делать приятное для другого просто так, без всякой причины, помогать, не ожидая просьбы, доверять, советоваться по каждому вопросу, ждать, не теряя терпения, наслаждаться друг другом и моментами, проведенными вместе, с улыбкой встречать, не находить места от сорвавшейся встречи, беззаботно гулять босиком по холодным лужам, а потом выздороветь от простуды, встречать рассвет, смотреть сериалы и фильмы, читать книги, посещать культурные мероприятия, целоваться, как в последний раз, засыпать в обнимку, бесконечно радуясь тому, что рядом родственная душа – человек, понимающий с полуслова, готовый поделиться с тобой всем, готовый поддержать и утешить в грустное время, не поросся ничего в замен, готовый приумножить твои достоинства и нивелировать недостатки, готовый слиться во едино, став общим организмом, дополняющим друг друга, перерождающимся в нечто совершенное.

Близок, несмотря на то, что всегда отрицал свою сентиментальность, ухмылялся в лицо сценам, нарочно выдавливающих слезу и негодовал при виде воркующих парочек, сидящих на скамье и пожирающих друг друга взглядом.

Черт, а ведь я думал, что особенный.

– Думаю, он просто боится ответственности, которую обычно несут взрослые за своих детей, – наконец ответил я после долгих размышлений.

– Ответственности?

– Ну, да. Это случай, когда ты не особо представляешь, что делать с человеком, появившимся недавно на свет. Человеком, которого нужно вводить во всю эту непонятную и многоструктурную жизнь, что ждет его или ее в будущем. Ты, элементарно, боишься совершить ошибку. Ошибку в воспитании, передачи: знаний, собственного опыта, полученного в течении жизни и не всегда являющимся положительным, варьирующихся ценностей, образа мыслей, стремления к развитию, становления личности, общественного поведения. То, что обычно пытаются передать родители, слепив из тебя снеговика с разносторонним набором информации, помогающей жить самому, без подсказок. Либо это будут родители, не получившие в свое время должного направления от своих потомков, и которые попытаются отыгаться на ребенке, засовывая его в бесконечное количество музыкальных кружков, спортивных секций, математических курсов – во все, что ребенку может не понравиться или быстро надоест, но который должен будет уметь все, только потому, что у его родителей этого не было.

– Я поняла часть твоих слов, ты можешь говорить яснее?

Выражение моего грустного лица своей силой могло бы, на данный момент, устроить геноцид небольшой страны.

– Хорошо, попробую донести до тебя вещь, доступную всем возрастным категориям. Ты согласна? – спрашиваю.

– Да, – с сомнением произнесла она.

– Твой отец притворщик.

– Что?

– Он убедил твою маму в том, что представляет из себя большое значение для семьи, умаслив ее обещаниями и заверениями.

– Откуда тебе знать?

– Я проходил через это. И, поверь мне, он может вернуться в любой момент, вымаливая прощение, либо не вернуться вовсе.

– Что же мне тогда делать?

– Жить, не предавая значения проблемам, которые ты даже не видела.

– Не видела, но ведь я знаю, что они есть.

– Представь...

– Не нужны мне твои дурацкие заумные сравнения, – злобно отрезала Я.

– Хорошо, что тебе нужно?

– Мне нужно вернуть папу.

– В этом я тебе не помощник. Найми детектива, с полицией свяжись, порыскай в интернете, расклей объявления о пропаже, посмотри в каждой канаве, покричи в окно, или сходи на кладбище, вдруг он умер. Делай что хочешь, у меня своих дел по горло.

Она начала плакать. Гадство. И что теперь делать?

Я подошел к ней, положил руку на плечо и опустился на одно колено.

– Послушай, не хотел тебя обидеть. Такой уж я человек. Не подходящий для чего-либо. Я честно не знаю, куда пропал твой отец. — Мама говорит, что он вас любит? — переспросил я.

– Да, — сказала Я заплаканным голосом.

– Может, это действительно так. Может, случилось определенное обстоятельство, которое не дало вернуться обратно, а мама просто скрывает это от тебя, чтобы уберечь от неприятной правды.

Она лишь продолжала шмыгать носом.

– Знаешь, какая штука случилась со мной? — спрашиваю.

– Какая?

– Я что-то забыл, но не знаю, что именно.

– Забыл?

– Да, мне так об этом написали в записке.

– Ты говорил про мужика с коробкой, — успокоившись, сказала Я.

– Верно, именно он — тот, кто мне сейчас все и расскажет. А если не расскажет, я все дерьмо из него вытрясу, из-за того, что впустую потратил мои нервы, ублюдох, мать его.

Я рассмеялась.

Ругательства, да. Небольшая детская забава, за которой они наблюдают со стороны и улыбаются, потому это удовольствие для них еще под запретом.

– Ты смешной, — сказала она, немного взбодрившись.

– Временами бываю.

– И ужасный зануда.

– Без этого я не я.

– А я – Я! – весело воскликнула она.

Я улыбнулся такой маленькой детской радости. Может, мне стать новым целителем Адамсом, который бы не смешил, а материл бы пациентов, доводя до коликов в животе.

– Мне пора идти. Увидимся! – крикнула она и побежала куда-то вдаль.

Странная девочка. Увидимся мы вряд ли, а если это и произойдет, то даже представить себе не могу, насколько насыщенным будет наш диалог.

Тем временем, я побрел обратно домой.

6

Старые раны опять берут свое. Акатизия в совокупности с алкогольным делирием без предупреждения врываются в мое, и без того шаткое, самочувствие, заставляя биться в ознобе и перебирать все возможные положения тела для более комфортного существования.

Был бы под рукой хоть один, пусть даже самый слабый, нейролептик – я бы на время решила насущную проблему. К сожалению, таковых не имеется и не предвидится до тех пор, пока я не получу новый рецепт у врача. А сегодня, в воскресенье, мне его точно не достать.

Так что, вместо того, чтобы глотать кучу пустышек и набивать синяки на ногу непрекращаемыми ударами о кровать,

я возьмусь за исполнение более гуманного замысла – замены легальных препаратов на не совсем такими являющиеся.

«Baby, did you forget to take your meds?».

Знаю одно место поблизости, в которое можно было бы наведаться, но которое крайне нежелательно посещать. Почему? Ответ вас ждет у порога, заросшей шприцами, квартиры.

Ответ с красными, обкуренными глазами, что встречает тебя в зассанной одежде, выдыхает помои, нечищеного неделями, рта, и, с блаженным лицом младенца, разводит руками, в очередной раз не признав тебя и цель твоего визита.

Зачем же я направляюсь именно туда? Смешной вопрос, с учетом того, что я испытываю невыносимые спазмы всего тела. С убавленной яркостью в глазах, дрожащими руками, я натягиваю первое попавшееся темное платье, накидываю сверху пальто, попадаю с третьего раза ногой в каждую туфлю и, подкашиваясь на каждом шагу, медленно покидаю квартиру.

Дорога до места назначения расстилается передо мной желтым кирпичом с чередой истязаний над собственным телом. Скрипя зубами, почти карабкаюсь на четвереньках и держась за все возможные предметы, едва сохраняя равновесие и рассудок, я все же добираюсь, куда запланировала, и тяжело вздыхаю.

Неудачные попытки постучаться в дверь обессиленной рукой приходится оставить, поэтому применяю в ход туфли

с высокой платформой, которые неспешным отбойным молотком врезаются в, уже помятую, дверь. Через несколько минут этот козел соизволил выйти.

– Чего? – сонным голосом спрашивает он.

– Мне нужны таблетки, – произношу сдавленным голосом.

– Какие из нескольких тысяч возможных названий?

– Ты знаешь.

Он пристально посмотрел на меня и, кажется, распознал.

– Ах да, это же ты. Ты... – начал он пощелкивать пальцами.

– Эс.

– Точно. Странная мадам, называющая себя разными именами.

– Полегче, ковбой.

– Ладно, ладно. Сейчас притащу твои «лекарства», вот только цена поднялась на пару сотен.

– Какого... Не суть, неси быстрее.

Он скрылся в недрах своей пещеры и начал громко рыскать по всей ее площади. Когда он вернулся и вручил таблетки, я расплатилась, разом заглотила около стандартного блистера и запила остатками пива, что оставались в маленькой бутылке, лежащей в сумке.

– Не налегай, это тебе не желтые витаминки, – безразлично предупредил он.

– Я знаю, что делаю, лучше тебя самого, так что не устра-

ивай мне ликбез по подпольной фармакологии.

Он лишь манерно вскинул руки ладонками вперед на уровень плеч, а потом закрыл передо мной дверь.

Поступательный прилив сил окропил меня дождем благодати, дав ясность ума и волю к свободе действий. Мне стало так хорошо, что первые несколько минут я простояла на одном месте с закрытыми глазами, наслаждаясь моментом, фантазируя о том, как было бы чудесно запереть это мгновение во временном кармане и возвращаться к нему всегда, когда появится нужда.

Но стоять долго около этого места небезопасно, так как в любой момент могут заглянуть добропорядочные граждане, ратующие за соблюдение законов.

Возвращаться домой нет особого желания, но пока не пройдет эффект стимулятора, первое время, лучше пересидеть в каком-нибудь месте, чем слоняться по улицам, целуясь со столбами и привлекая внимание.

Своим перевалочным пунктом я обозначила неприметный бар неподалеку, который, насколько я знаю, не посещает практически никто.

Казалось бы, скверный запах, просроченные слабоалкогольные напитки, завышенные цены на еду, хамское поведение персонала и быдловатый контингент – при соединении, все эти структуры создают новый химический элемент по дегенерации большей части общества, что потом берет гордое название бар.

Особых отличий между ними практически нет, но именно тот, в который я направляюсь, чересчур непопулярен от слова совсем. Скорее всего, сказывается его репутация, как бара без каких-либо происходящих там событий. Вообще. Говоря, там настолько скучно, что люди в этом месте впервые почувствовали обратное действие алкоголя – тоску и уныние.

Впрочем, шумная компания мне совершенно ни к чему. Порой, хочется подрывать костями в клубе, усилив действие таблеток, но в таком случае я смогу остановиться лишь к концу этого года. А меня сегодня будет ждать Соу. Не расстраивать же мальчика.

Я правда назвала его мальчиком? Он действительно выглядит моложе меня, однако его вид говорит о том, что ненамного, и что недавно он пережил, как минимум, кризис среднего возраста: хмурые брови покрываю тучами тяжелый взгляд серых глаз, что изредка скрываются под длинными, черными, как гудрон, волосами; выразительные черты худого лица в виде аккуратного контура губ, выступающих скул и широкой челюсти, которые несут на себе неухоженную бороду, больше похожую на свернувшегося ежа; хорошая форма тела, никак не сопоставимая с его образом жизни.

Все это поверхностное определение его внешности. Будь у меня еще слова, подходящие под описание этого человека, я бы обязательно ими воспользовалась.

С этим у меня всегда возникали проблемы. В голове ты можешь досконально перебрать каждый волос, морщинку

или пору, дать им кодовые названия, измерить площадь поверхности, обозначить изменения в цвете и положении, а потом рассчитать по формуле степень сексуальности. Но, возвращаясь из своих чертог, ты обходишься односложным высказыванием – красивый.

Еще он виднеется мне привлекательным максималистом, который беспрестанно курит, ловко вставляет ругательства для окраса речи, надменно смотрит на всех, кто глупее его и, скорее всего, имеет несколько незаурядных талантов. Этаким трущобный поэт, никогда не публиковавший свои стихи. Сноб, не попавший в слои богемы. Властитель грез и мечтаний и, одновременно, изгой собственного мира фантазий. Сам себе заклятый враг и закадычный друг.

Красиво сказала. Скорее всего, эти мысли попадут в мой дневник, так что не буду лишней раз смачивать трусики девочек-подростков своим убийственно-эротичным слогом. К тому же, я уже пришла, поэтому на время пора прекратить поток мечтаний.

Забегаловка встречает меня безвкусным внутренним убранством, холодным воздухом из кондиционера и музыкой прошлого века. Не знаю, в каком сейчас живете вы, но раньше были популярны группы вроде «Битлз», «Пинк Флойд», «Лед Зеппелин» и другие из списка тех, что сейчас слушают только старики. Видимо, я была стара еще со своего совершеннолетия, потому что мне они до сих пор нравятся.

Лысый бармен так оживляется, при виде нового посетите-

ля, что сразу же подзывает меня к себе. Усаживаюсь за стойку, прошу сделать музыку погромче и заказываю коктейль. На данный момент настроение отличное. Очень бы хотелось сохранить его до конца дня.

– Можно присесть? – спросил, сразу же подсевший ко мне, дедуля, украв это настроение.

– Вас через дорогу перевести или мелочи покинуть? – язвлю.

– О, что Вы, дорогая! Я впечатлен вашим музыкальным вкусом, и посему, хочу угостить вас любимыми напитками, которые только пожелаете. Взамен прошу пару вещей – Ваше внимание и улыбку.

Он поднял мою кисть и слегка притронулся к ней сухими губами, а потом начал медленно опускать свою ладонь на мое бедро.

– Эй! – воскликнула я, отдернув руку. — На молоденьких потянуло, извращенец?

– Извините, не хотел обидеть столько очаровательную диву. Я, дурак, понадеялся, что еще способен произвести впечатление на даму.

– Производи его в доме престарелых на бабушек с синдромом Альцгеймера, а мне дай спокойно насладиться компанией себя самой и этого ароматного коктейля, – говорю, уже скрепя зубами от раздражения.

– На что Вы намекаете?

– На то, чтобы ты отсел от меня.

– Нет, когда сказали про бабушек и эту болезнь.

– Я должна пояснить смысл шутки? Ладно. Она заключается в том, что они все равно не запомнили бы твоего обвисшего лица, так что ты с невероятным успехом мог бы проворачивать подобные попытки обрести новое знакомство по несколько раз на дню, постепенно совершенствуя свои результаты.

Он резко изменился в лице, медленно встал со стула, повернулся ко мне спиной и, не оборачиваясь, произнес:

– Я проворачиваю эти попытки каждый день на своей жене. Как видите, два года таких вот ежедневных знакомств с человеком, с которым ты прожил почти всю жизнь, подкосили бы выдержку любого человека. Я не знаю, зачем я вернулся к ней. Наверно потому, что мечтал о воссоединении семьи. А по итогу превратился в сиделку для старой женщины, витающей в облаках, которую бросил раздолбай сын.

Как трогательно, сейчас слезу пушу. На самом деле, подобные истории уже давно не цепляют меня за душу, просто потому, что в своей жизни я пережила нечто гораздо более масштабную трагедию, входящую в разряд вещей, способных угробить напрочь психику, здоровье, стремление в высокому, радость от достижений, социальную взаимосвязь, желание жить и так далее.

Трагедия, которая делает тебя черствее любого сухаря, невосприимчивого к любой похвале, комплиментам, словам поддержки, проявлению любви и заботы. Ты перестаешь осо-

Знать значение этих слов, начинаешь негодовать от непрерывного упоминания их в твоём присутствии, слушаешь, обессиленно пытаешься вникнуть в самую суть, дав определение своей непроницаемости.

Масла в огонь подливает коллапс моих нейромедиаторов, что только многократно усиливают чувство ноющей пустоты, неудовлетворенности, скованности и паршивого настроения.

Я – скала, непробиваемая посторонними эмоциями, которая может получать удовольствие только от воздействий лекарств на организм. Я – разбитая копилка, в которой уже давно не было денег. Я – пони в парке развлечений, с печалью в глазах катающая детей. Во мне выгорело все, что поддавалось воспламенению. И переродиться, словно Фениксу, этому не суждено.

Пока я окуналась в очередные душевные терзания, старик бесследно исчез. Вот так нужно отшивать мужчин. Бросила дерзкую шутку и задумчиво сидишь с гордым видом, ожидая его ухода.

Закончившийся коктейль восполнился вновь по щелчку пальцев, и я снова продолжаю наслаждаться одиночеством. Спустя некоторое время в бар заходит кто-то еще. Удивительно, какой сегодня наплыв.

На всякий случай не стала оборачиваться, дабы не привлекать лишнего внимания. Но очередной сукин сын, видимо, решил показать мне курсы углубленного пикапа.

– Добрый день, – сказал он в спину.

Я проигнорировала его попытку вовлечь меня в еще один сомнительный диалог.

– Кхм, девушка, я к Вам обращаюсь.

Я резко развернулась, с целью отогнать от себя назойливого кавалера, но, как только я поняла кто стоит передо мной, слова встали твердым комом в горле, лишив меня возможности вымолвить хоть что-нибудь.

Огромная детина в черно-синей мешковатой форме, чье пузо пережимал тугой ремень с металлической бляхой с изображением солнца, погоны ломились от количества звезд, как чистый ночной небосвод, а один широких, массивных кулаков с мозолями нетерпеливо потирал фаллоимитирующую дубинку.

Кажется, пора изучать зоновский сленг, ведь ожидать можно всего, что угодно.

– На Вас поступила жалоба, – доложил он скучающим тоном.

– Жалоба? – спросила я слегка дрожащим голосом. — И какого рода?

– Значиться так. Статья 2, пункт 28 ВКС: «Оскорбление чувств невиновных граждан с последующим переходом на личность».

– Что простите?

– Вот только ненужно недопонимание включать. Тот пожилой мужчина, что недавно вышел из этого заведения, до-

ложил мне о том, что подвергся злостной критике в его сторону.

– Критике? Он меня лапал!

– А мне было сказано обратное. Цитирую: «Оклеветала меня, пожилого человека, и полила грязью мою бывшую супругу, выжившую из ума».

– Оклеветала? Я ответила ему тем, чего этот похотливый немолодой человек заслуживал за свою резкость в действиях.

– Это мы уже в отделении будем разбирать – кто, кого, зачем и почему.

– Во-первых, я до сих пор не увидела документов, удостоверяющих личность...

Он мгновенно сунул руку в карман и выдернул ее у меня перед лицом уже с корочкой, которая носила его имя, звание и часть, но которую я не успела изучить, так как он быстро спрятал ее обратно. Это очень плохой знак.

– Не усложняйте себе жизнь. Сейчас быстренько проедем куда нужно, составим протокольчик, и, может быть, ограничимся небольшим штрафом на первый раз.

Интересно, их всех учат разговаривать специальным блаженно-убогим голосом, чтобы вызвать у человека как можно больше отвращения и недоверия?

В таких случаях лучше не сопротивляться. Все-таки факт словесной перепалки с дедом имел место быть, так что попытаться переубедить свина в форме сейчас – значит на латыни

вступить в светский спор о культуре девятнадцатого века с аборигеном, говорящим только на своем диалекте.

Я угрюмо качнула головой, и мы пошли до его машины. Он усадил меня на заднее место тостера с решетками, которое отгораживалось от передней кабины стеной и маленьким окошком. Напротив меня беззаботно чилил потасканного вида мужичок и что-то бубнил себе под нос. Осознав, что теперь он здесь не один, стал копошиться у себя в недрах куртки, вытаскивая оттуда пластиковую бутылку.

– Выпьем? – спрашивает сиплым голосом.

– Что выпьем? – недоуменно смотрю я на бутылку.

– Водки, конечно! Чего же еще?

– Эм, пожалуй, я откажусь от разделения с тобой бактериями.

– Ась? Да ты не ссы, чистый спирт! Бактерий-шмактерий там и не водится, ну!

Он протягивает мне бутылку трясущимися руками и начинает ждать моей реакции.

Да в задницу. Скорее всего, это моя последняя возможность испить чудодейственного напитка. А если повезет, то прямо от него и умру, избавив от бумажной волокиты синьора Помидора.

Я выхватила бутылку, свинтила крышку и начала жадно глотать, обжигающую горло, адскую смесь.

– Тихо, принцесса, мне-то оставь!

Выпив около трети содержимого, я отдала бутылку, начав

сильно откашливаться и вытирать, выступающие от горечи, слезы.

– Дает по мозгам, ага? – спрашивает.

Мне неожиданно стало плохо. В глазах зарябило, голову стали бомбардировать атомными боеголовками, тело начало пошатывать, возникли приступы нервозности, тошноты, обильного потоотделения и, скорее всего, диареи. Кто бы мог подумать, что это, почти детское шампанское, могло нанести сокрушительный удар по моему здоровью.

Вот черт, действие таблеток не прошло, а высокий градус с их помесью всегда приводит к дурным последствиям. Как же я могла об этом забыть? Это все стресс, замкнутое пространство и отсутствие свободы действий. Да, определенно.

Новая волна непрерывных ударов прошла по моему мозгу. У меня началась паническая атака.

Дверь и обшивка в машине завибрировали так, словно готовы были прямо сейчас на меня рухнуть. В темных углах затаились навязчивые, искаженные образы из сновидений, готовые наброситься и поглотить. Гул в ушах рождал маленький смерч где-то поблизости. Смерч, который через несколько минут достигнет и раскрутит меня так сильно, что мои части тела разлетятся по всему свету.

Размытое пятно напротив сидит с непонимающим видом, и смотрит в лицо испугу, страху и ужасу, принявшему материальный облик и продирающий меня до костей холодным дыханием смерти.

Да, он все еще стоял рядом с моей дверью.

– Так и быть, давай сюда коробку и рассказывай все, что знаешь, коротко и ясно, – говорю с набега.

– Только коробка. Рассказывать я не имею права, – отвечает тип.

– Великолепно. Значит, мне даже пытаться не стоит тебя о чем-то расспросить?

Он промолчал.

– Тогда вали отсюда, – сказал я и вошел в квартиру.

Посмотрев в глазок, я увидел, как он развернулся и начал медленно удаляться от моей двери. Воистину, персонаж, достойный книг Агаты Кристи.

Поставив коробку на стол, я стал внимательно сканировать ее на предмет опасности. Обычная картонная коробка. Никаких знаков и изображений. Отсутствие рычагов, пружин и шестерен. Яд, нанесенный на края крышки? Черная мамба, кусающая в глаз? Боксерская перчатка на механизме?

Резко снимаю крышку и бросаюсь на пол, словно пытаюсь увернуться от снаряда. Ничего. Большое значение я придаю обычной коробке.

Диктофон? Какого хера? Это ебанько не могло передать его без гроба и мистицизма? Чему я вообще удивляюсь? Пора уже как должное принимать любые повороты событий.

Немного подумав, включаю запись:

«Если ты это слушаешь, значит, тебе удалось наладить контакт с человеком, которого тебе должны были послать. Это я. Ты. Как бы ты сейчас себя не называл. Неважно. Да, у тебя снова была амнезия, поэтому на сей раз, я делаю эту запись на случай, если это опять произойдет. Послание простое, короткое и сухое, как лишение девственности:

Каждый раз, достигая определенного фрагмента жизни, ты теряешь память. Мы ее теряем. И каждый раз ходим по кругу, начиная заново вести цепочку событий, ведущей к одному результату. Твоя задача – вспомнить одно очень важное происшествие и постараться не забыть, прервав порочный цикл. На сей раз. Больше я сказать не могу, так как риск очередной потери памяти имеет место быть. Мне так сообщил достоверный источник. Ищи подсказки, следуй советам, задавай вопросы и не облажайся. Это все.

Ах, да. Еще кое-что. Пошел нахуй! «Звук смеха». Всегда мечтал это сделать».

Нет слов. Это совершенно точно мой голос. Те же паузы и интонации. Но как это возможно? Я что, блин, теперь Гай Пирс, которому нужно делать на теле татушки с информацией, чтобы не забыть ее?

Сижу в полном иступлении, глядя куда-то сквозь пространство, и пытаюсь собраться с мыслями.

Мне это определенно не нравится. Нет, мне это пиздец как не нравится. Если это не первый случай, значит я уже думал об этих вещах и пришел к какому-то заключению.

Пришел, вспомнил, забыл и по новой. Возможно, каждое мое движение – это повторение предыдущего, ведущего к неизбежному финалу, как бы я не старался.

Есть ли смысл двигаться дальше? Ведь, скорее всего, как бы это произошло в клише-фильме, я пойду прокладывать дорогу навстречу своим воспоминаниям, а осознав в конце пути, что ничего не изменилось, предчувствуя очередной рестарт игры, я снова сделаю запись следующему мне, который будет делать тоже самое. И так снова и снова.

Вечное возвращение, как у Ницше.

Но просто сидеть сычом дома и беззаботно ходить по барам до конца жизни у меня уже вряд ли получится. О таком я не смогу перестать думать даже во сне.

Может, в этом и кроется секрет? В том, что я должен бездействовать? Кто-то, включая меня самого, ждет от меня того, что я должен двинуться с мертвой точки и докопаться до сути, а я нарочно не буду ничего предпринимать.

Сделаю все наоборот. Просто возьму, и ничего не буду делать. И что тогда произойдет? Да ничего, вот именно. Полмира живет по этому принципу, зарываясь в безделье. И что-то от таких людей я слышал мало интересных историй об их жизни.

Но предприняв попытку в решении головоломки, я с большой долей вероятности потерплю фиаско. А если нет? Откуда мне знать сколько раз это уже происходило? Может, всего третий и в этот раз мне повезет?

Как же все сложно. Это начало длинного водоворота событий, который постепенно будет засасывать своей силой глубже и глубже. Цепочка событий началась, кружа и завиваясь, как серпантин.

Скурив на балконе пять сигарет и осушив две кружки кофе, я решил прогуляться.

Спрятав руки в карманы плаща, в очередной раз выбираюсь на этот проклятый мороз. Без понятия, зачем это делаю. Может, пытаюсь обрести минуты спокойствия и одиночества, да только в такой дубак, не может расслабиться ни одна мышца, нет возможности раскрыть полет фантазии, немного порефлексировать о материалистическом сотворении мира и о прочих вещах, которые принято делать в "высших слоях общества", чье существование проходит в замкнутых адских кругах совсем не по Данте: нищета, безыдейность, отсутствие вдохновения, потерянная мотивация, апатия к обыденности, презириание всех и, в особенности, себя, разгульный образ жизни, прожигание таланта, впустую потраченное время на ненужные вещи, разочарование в людях и, в том числе, в себе, отсутствие смысла в совершаемых действиях, до боли задолбавшая прокрастиниция, которая, по мнению некоторых умников, должна рано или поздно раскрыть свой потенциал.

На самом-то деле я веду скучные разговоры с нефтяными магнатами, делаю ставки на собачьих бегах, потчевая черную игру, лежа в бассейне из шампанского, играю в кри-

кет и прятки со слугами в замке, рассекаю на допотопном потрепанном форде по пустыням, охочусь на диких комаров, участвую в балах и других частных приемах, заканчиваю пятую книгу, играю ногами на пианино, провожу время с приемным ребенком из Нигерии, совершаю пируэты на кукурузнике, коллекционирую анальные шарики, дрессирую кошек воровать драгоценности у соседей, прыгаю на батуте из проституток, срываю банк в покере, синтезирую новый химический элемент, заканчиваю десятое высшее образование, даю публичные поэтические вечера, жертвую миллионы в фонд борьбы с пожертвованиями ради известности, совершаю кругосветные путешествия на банном тазике, пишу портреты своего перчика, веду лекции по атомной энергетике, строю дом для слона, побеждаю в марафоне, удельываю всех на шахматном турнире среди недалеких, летаю на луну, чтобы добыть немного камня для кальяна, хожу по маникюрным салонам, обмазываюсь шоколадом и пищевой пленкой, чтобы держать себя подтянутым, встречаюсь с Николь Кидман и многое другое, что обычно я делаю в свободное время.

Но к чему эти лишние подробности? Я решил вернуться в отчий дом, к своей матери. Путь был относительно продолжительный, поэтому я ударился в воспоминания.

Мама. Святой человек. Всю жизнь охраняла меня от напастей сурового мира, защищала от гнета отца и дразнивших меня детей в младшей школе, но всегда глубоко разочаровывалась в моих неудачах. Любых. Изю всех сил я пытался до-

казать ей, что могу быть умнее, сильнее, лучше остальных, но с каждым годом моего взросления я приносил все больше неоправданных ожиданий. В конечном итоге меня съело незримое чувство неоплаченного долга и стыда, и мне ничего не оставалось, кроме как покинуть дом, как мне тогда казалось, навсегда, чтобы больше не видеть грустного лица матери и веющего от нее многозначительного молчания, которое звучало сильнее грома.

Я не звонил и не писал, она тоже. Кажется, она потеряла меня еще в детстве, а потом видела во мне взрослеющего призрака, снующего по дому и, из раза в раз, приносящего одни проблемы. Что я ей скажу, когда увижу? Захочет ли она меня слушать? Приближаясь к месту назначения, мне становится все тяжелее от этих вопросов.

Но вот я снова здесь, стою на бетонном пороге, начавшим осыпаться с годами, и будто бы жду, когда меня пригласят самого. Решаюсь нажать на дверной звонок. Шагов не слышно. Звоню еще несколько раз, но безрезультатно.

Это бессмысленно, нужно убираться отсюда. Кивнув, я развернулся спиной к двери, в надежде поскорее удалиться, но она начала медленно открываться.

Мою спину пробила холодная дрожь. Как в фильмах ужасов, с той разницей, что я ждал уродливого скримера, надеялся, что там за дверью появится монстр, заберет мою душу и сделает своим рабом. Я ожидал кого угодно, но только не маму.

Но это была она.

Лучше бы я не возвращался. Развернувшись, я увидел перед собой глубоко старую женщину с обвисшим, впалым лицом, редкими седыми волосами и блаженным выражением лица, стоящую в сером халате, поверх белой сорочки и в розовых тапочках с кроличьими ушами.

Она долго смотрела на меня отсутствующим взглядом, говорящим о том, что она явно не представляет, кто наведалься к ней домой.

– Мама, – начал я.

– Кто Вы? И почему трезвоните в мою дверь? – спросила она.

– Мама, это я, твой сын. Знаю, мы давно не виделись, но я не сильно изменился, чтобы ты не смогла меня узнать.

– Мой сын погиб в Афганистане, обманщик! Как ты смеешь порочить его честь?

Она резко захлопнула дверь, не дожидаясь моего ответа. Я несколько секунд провел в полном недоумении, но вскоре взял себя в руки и позвонил снова.

Когда она вышла, я решил подойти поближе, что бы она могла лучше меня разглядеть.

– Мама, у тебя должны быть мои старые фотографии в альбомах. Можешь сравнить их со мной, – предложил я.

– Вы из газовой инспекции? На этой неделе уже проводилась проверка безопасности труб, – сказала она, кивнув.

Дрожь снова обрушилась на меня десятибалльным штор-

мом. Я не мог поверить в происходящее. Не хотел в это верить.

Не дождавшись ответа, она, фыркнув, закрыла дверь у меня перед носом и исчезла навсегда. В этот раз она покинула меня.

Я стоял в полном оцепенении несколько минут. Меня переполняла злость, ненависть, презрение к куску мусора, нацепившего имя Соу.

Не знаю, что на меня нашло, но я резко вылетел с бетонного крыльца и, как ошпаренный, помчался вдоль дороги, не задумываясь о том, куда она может привести.

Я бежал и бежал со всей скоростью, что у меня была, теряя воздух в легких, потея, запинаясь о дорожные бугры, чуть не падая на асфальт лицом, навстречу падавшим листьям, пасмурному небу и сильному ветру, от которого у меня слезились глаза.

Мой кросс прервало какое-то сооружение, вроде завода или черт знает, чего еще. Я резко остановился перед запаянной металлической стеной, едва не пробив ее головой насквозь, и начал молотить по ней руками со всей мощи.

Кулаки врезались в стену, оставляя огромные кровавые следы и небольшие вмятины, а я кричал, едва не срывая голос. После того, как я начал ощущать боль, я остановился. Обессиленный, с ободранными в мясо костяшками я сел на землю, упершись спиной в стену.

Я не должен был уходить, убегать от семьи, ответственно-

сти, самого себя, но мне было на все наплевать. Мной двигал беспробудный гедонизм, большая страсть к саморазрушению, сильнейшая, до боли в зубах, социопатия и, одновременно, желание превзойти всех и во всем хотя бы в чем-то одном, не имея в себе и толики положительных черт, способностей, здравого понимания своих возможностей и малейшего представления их использования.

Я ее бросил. А теперь она даже не знает, что я это сделал, потому что не знает меня. Она меня забыла. Как я забыл что-то. И каждый из нас равнодушно смотрит на утерянную нами часть самого себя.

Я собрал горсть кленовых листьев и вытер руки.

Ничтожество.

На нервах и с отвратительным настроением я решил зайти в ближайшее кафе и промочить горло.

Вваливаюсь внутрь и сразу же натыкаюсь на огромный плакат сезонных предложений очередного ядерного сета из говна и палок.

Официантка в повседневной одежде и багровом фартуке с названием заведения приветствует меня, улыбаясь. Народу не так много, но большинство из них уже изрядно подвыпившие.

Действительно, что ещё делать утром, как не напиться до беспамятства? Падаю на диван, стоящий в углу зала, чтобы видеть как можно меньшее количество людей.

– Добрый день, желаете позавтракать? – спрашивает, под-

катившаяся, словно на роликах, официантка. – С восьми до двенадцати у нас действует пятнадцати процентная скидка на все виды салатов, сэндвичей и легких закусок. Свежемолотый кофе вместе с яичным омлетом ...

– Светлого пива, – сухо отрезал я.

– Какой сорт предпочитаете?

– Самый крепкий.

– У нас есть три вида крепкого пива: "Чешское зеленое" ...

– Его.

– Желаете что-нибудь из снеков?

– Нет.

– Чесночные гренки с сыром, подающиеся с соусом салса...

– Ёбаный по голове, я же просто попросил пива и больше ничего! Сколько ещё ты будешь ебать мне мозг своим перечислением, заученной через силу, беспонтовой жратвы для офисных клерков и хипстеров? Мне похуй на сучьи блинчики с маслом, овощной салат, борщ, плов, котлеты с пюре и так далее. Также похуй на итальянские макароны, созданные из свежего урожая ржи. Похуй на, идущий к ним, шашлычным кетчуп, с использованием натуральных томатов. Похуй на мраморный говяжий стейк, из здорового бычка, в панировке, приправленным щепоткой измельченного золота. ПО-ХУ-Ю! – проорал я с яростными глазами, покрасневшими от напряжения.

Закончив свое высказывание жалоб без предложений, я

услышал гробовую тишину всего кафе, посетители которого, как один, уставились на меня вопросительным взглядом. Немного попырив тупыми мордами на нестандартную ситуацию, они начали снова заниматься своими делами, как ни в чем не бывало.

Бедная официантка похоже настолько испугалась от неожиданного потока бескультурья с моей стороны, что, зарыдав, убежала на кухню.

Ну и кто теперь принесет мне пиво? Проклятие. Не увидев в поле зрения других официантов и бармена, я положил руки на стол и опустил на них голову.

Спустя пару минут меня кто-то толкает в плечо:

– Слышь, долбаёб! – донесся до меня грубый, пьяный голос.

Я поднимаю голову и вижу едва стоящего на ногах верзилу в белой майке-алкоголичке, покрытой желтыми пятнами, который, видимо, решил расспросить о местных достопримечательностях.

– Ты за базар отвечай свой! – сказал овощ.

– Что надо? – спокойно спрашиваю.

– А ну, встал и извинился перед девчонкой! Быыыстро, блядь!

– Перед какой?

– Перед ТОЙ, ёпт!

– Официанткой?

– ДА!

– Нет, я так не думаю. Выслушивать пожелания разного тона и сдержанно на них отвечать – ее работа. Каждый несет свой крест.

– Крест? Ты Бога не впутывай, уёбок!

– А то что? Молния меня поразит?

– Э, ПОШЛИ выйдем!

Только этого не хватало. Всегда поражался подобным олигофренам с однозначным коэффициентом интеллекта, которые умудряются доживать до своих лет. Как они не забывают дышать, находят выход из дома, работают, в конце концов, чтобы заправлять свой организм этиловым спиртом? Загадка человечества.

– Чё молчишь, хуй? – спрашивает овощ и снова толкает меня в плечо.

Ну, дегрот, ты напротился. Не я это начал.

Я поворачиваю голову в профиль к нему, сжимаю правый кулак и молниеносно бью ему в солнечное сплетение, почувствовав, приливающую к костяшкам, боль. Согнувшись, он начинает жадно ловить воздух, в то время как я беру его за волосы на затылке и трескаю лицом о стол, как орех. Обмякнув, он сползает на пол, оставив разбитым носом красную дорожку, и начинает поскуливать.

Остальные присутствующие фарфоровые куклы снова обращают внимание на мою персону. Убедившись, что синий Халк, корчащийся на земле, рядом со мной не умер, они равнодушно отводят лица-маски.

Подбегает официантка с сырыми глазами, и, увидев сцену правосудия, в ужасе снова начинает реветь и убегает обратно.

Где мое пиво? Что за водевиль здесь происходит?

Я подхожу к стойке и зову бармена. Никто не откликается. Зову снова и через мгновение, приоткрыв дверь кухни, выглядывает официантка и жалобно спрашивает, протирая глаза:

– Что тебе нужно?

– Пиво. Только и всего. Больше никаких драк и ругательств. Просто выполните, наконец, мой заказ, пожалуйста, – вежливо прошу.

Девушка медленно приближается к стойке, берет чистый бокал дрожащими руками и наливает мне напиток.

– Ты что, одна здесь работаешь? – спрашиваю.

– Да. И владелец тоже я, – сказала она, шмыгнув носом.

– Стоило бы позаботиться о новом персонале, как думаешь? Одной нелегко управлять всем заведением. Да и охраны нет, чтобы выпроваживать таких, как я, или тот парень, что валяется у моего стола.

– Я недавно открылась. Посчитала, что это лучшее вложение денег, но это место оказалось дырой, которая несет одни убытки. Из постоянных клиентов только небольшая бригада строителей, что приходят на обед и запойные люди, вроде того, что ты ударил.

– Прости за сумбур и те обидные слова. Я сегодня не в

духе. Думаю, у тебя тоже бывают такие дни, когда хочется выкричать всю свою злобу на мир и самого себя, в надежде от нее избавиться, а рядом оказывается ни в чем невиновный человек.

– Понимаю. С этим ужасным кафе я каждый день едва сдерживаю себя от того, чтобы не пролить горячий суп на штаны какому-нибудь очередному недовольному посетителю.

– Да, паршивые у тебя дела, Фиц.

– Что за Фиц?

– Твое имя. Сокращенно от официантки.

– У меня есть имя.

– У всех есть, но они ужасно скучные, не так ли?

– Бывают. Но что с этим поделать?

– Борьбаться с безвкусицей. Я езжу по всей стране и дарю людям новые, свободные имена, которые ты точно не забудешь после того, как тебе его произнесли.

– Что, правда?

– Нет, но это я тебе дарю. Пользуйся.

Она пожала плечами и, наконец, отдает мне, наполненный пивом, бокал.

– Скажи, Фиц, что нравится девушкам?

– Любовная романтика. Элементарно же, – сказала она, скрестив руки на груди.

– Цветы, шоколад, походы в кино, держание за руки и поцелуи под дождем?

– Ну, да.

– И это не наскучивает?

– Смотря, как преподносишь. Если постоянно дарить подарки и уделять внимание, то может приесться. А если это делать дозировано и спонтанно – всегда будешь удивлен тому, как просто доставить человеку радость.

– Прямо глаза мне открываешь. Не хочу, хвастаться, но знаю я много, а в таких вещах плохо разбираюсь.

– Не все могут любить. Кто-то просто не воспринимает это чувство, не ощущает и не видит его, даже когда оно совсем рядом.

Удовлетворительно кивнув, соглашаясь с Фиц, залпом выпиваю бокал, расплачиваюсь за него, отстегивая чаевые в качестве морального ущерба, и встаю с места.

– Боюсь, что мне уже пора. Было приятно перекинуться парой слов. А если мне от такого стало приятно, то это уже что-то значит, – подмигнув, сказал я, и направился в сторону выхода.

– Постой! – крикнула она.

– Да? – с разворота спрашиваю я.

– Я тебя узнала. Меня просили передать эту фотографию.

Я бы удивился и счел это нелепым совпадением, если бы не крышесносное начало сегодняшнего дня.

Фотография, разумеется, должна была попасть мне в руки по невероятным логическим цепочкам, которые привели меня сюда. Но как? Как можно было предопределить то, что

я ввяжусь во весь этот бред, что я приеду к своей матери, побегу разбивать руки в кровь, а потом забреду в это кафе по чистой случайности? Что бы произошло, если бы я не вспылит с Фиц и не ударил того бугая? Какой гений писал мне этот сценарий?

И, да, на фотографии я. Ей лет пять давности, не меньше. На ней я сижу с самодовольным лицом в баре «Агир» и смолю.

– Кто принес фотографию? – спрашиваю.

– Не знаю, ее положили на стойку вместе с просьбой на бумаге.

Ничего не ясно. Так много исчерпывающей информации, что можно написать книгу под названием «С чего начать сегодня? Или миллион и одна зацепка, ведущие в нихуя.»

– Спасибо, наверно. Прощай, – сказал я и вышел из кафе.

В то время, видимое на фотографии, я еще проводил со своим другом детства. Назовем его Мар. Аналогию приводите сами. Любил устраивать вечеринки у себя дома, которые я посещал с завидным постоянством. Был отчислен из медицинского института сразу после моего ухода из «храма бессмысленного учения», так как ответственным никогда не был, и уж точно не стал бы прилагать усилия по транспортировке меня в какую-то лечебницу. Уверен, что фотография его рук дело. Нужно к нему навеститься и пролить еще немного света на это дело.

Я прихожу в себя от сильного удара в живот, способного избавить от всей еды, что есть, была или будет в организме. Впрочем, избавляться мне не от чего, ведь я не ела уже неделю.

Кружащаяся голова никак не может сфокусировать зрение на определенном объекте, потому, значительно убавив в видимости происходящего, я начинаю принохиваться и прислушиваться к обстановке.

– Подъем, тварь! – крикнул уже знакомый голос.

Так и знала, что добром это не кончится. Не могло кончиться. Еще тогда на лице этой мрази я разглядела краткое содержание всех криминальных фильмов с плохим концом, но все равно села с ним в одну машину.

Надо было швырнуть в него табуреткой и рвать когти, что есть сил. Надеюсь, он не против того, что я мысленно буду называть его Поц. Ему идет.

Мне прилетает еще один удар, как будто в знак новоприобретенного имени. Когда я свернулась колачиком от боли, Поц взял меня за шиворот, потащил из задней кабины, а потом скинул на землю, как мешок с цементом.

Солнце в зените бьет холодными лучами в слезящиеся глаза. Ничего не вижу, кроме обочины дороги и леса вдалеке. Боюсь, что Соу меня вряд ли дождетя. Ни сегодня, ни завтра, никогда.

Что же, я прожила долгую, пусть и несчастную, жизнь,

наполненную красочными событиями, захватывающими историями, интересными событиями и любопытными людьми. Мне много удалось повидать, пережить, испытать на себе, впитать все соки этого паскудного мира увядающей плотью.

Я даже не жалею, что скоро умру, ведь, в конечном итоге, я ждала этого момента последние несколько лет своего существования. Да, именно существования. Ведь то, что происходило со мной за этот долгий промежуток времени, никак не укладывается в те самые пять букв.

Надеюсь только на одно – он не станет закапывать меня заживо. Увы, но у меня не хватит сил пробить гроб рукой изнутри, вылезти наружу, получить солью в пузо, а потом разразиться местью.

С усилием сажусь на землю, закрывая небо рукой от яркого света. Прищуриваясь, я вижу расплывшуюся, во всем поле моего притупленного обзора, жирную скотину, держащую дубинку наготове.

– Ты не переживай, крошка, – захрюкал Поц. — До от- деления мы доберемся. Только окружными путями. Для на- чала нужно взбодриться. Выглядишь ты сногшибательно, а состояние у тебя паршивое, значит сопротивляться не смо- жешь. Грех не воспользоваться таким удобным случаем! По- том все гладко удастся списать на бредовые галлюцинации в ходе алкогольного и наркотического опьянения. Ты ведь употребляешь, вено?

Я открываю рот, пытаюсь произнести первое колкое сло-

во, но все, что выходит изо рта – глухой рыбий звук. То есть, полное отсутствие звука. Пустое ничего. Ох, блядство! Я рзучилась говорить!

Хрипя, скуля и постанывая, я пытаюсь выдавить из себя хотя бы букву настолько мучительно и долго, что мне на секунду кажется, будто я собираюсь родить пятерню, как минимум.

Быстро ощупав свой язык, гланды и шею, я предполагаю, что дело скорее всего не в телесных повреждениях и вернуть свой голос я смогу через определенное время. Вот только когда? Меня, на минуточку, собирается насиловать Шрек, а я даже позвать на помощь не могу!

– Что, сказать ничего не можешь? Очень хорошо, не люблю болтушек.

Он подошел ближе, опустил на колено и стал приближать ко мне сальное лицо. В следующие мгновение я почувствовала на своем лице, проделанную шершавым языком, скользкую дорожку и влагу от испарины на лице.

Хуебес! Я не знаю, от какой из двух мерзких вещей меня стало воротить сильнее в данный момент – от толстого розового обрубка с налетом, что покусился на мои щеки, или оттого, что он потеет в такой мороз?

Я искривила лицо так уродливо, как только смогла, набрала в рот бассейн слюны и отправила экспресс доставкой прямо в его самодовольную физиономию.

In your face, bitch! Умирать, так от смеха, глядя на то, как

подонок с отвращением пытается очистить себя от липкой субстанции.

За мою дерзость, ожидаемо, последовало наказание. На этот раз дубинкой по плечу. Не могу точно определить сейчас, насколько это болезненно. Но готова поспорить, что если я выживу, то буду сетовать о том, что не скончалась, ведь мучиться от нарастающей боли с возвращением ощущений мне придется еще долго.

– Шваль! – закричал Поц, словно его облили кислотой. — Знаешь что, сучара? Я хотел сделать для тебя лучше. Серьезно. Так сказать, поставить на путь исправления. Помочь избежать штрафа или даже тюрьмы. Тебе всего лишь нужно было стать на пару часов пай-девочкой и слушаться меня во всем. Только и всего. Но ты продолжаешь брыкаться. Посмотри на себя. Тебе же без моей помощи не протянуть и дня на воле без нарушения законов, долбаная ты наркоша.

Я с усмешкой посмотрела на него.

– Даю последний шанс, – говорит. — Будешь зайкой, и я отвезу тебя обратно к твоему притону и дам полную гарантию того, что тебя не тронет никто из наших. А если откажешься... Впрочем, зачем тебе отказываться от такого выгодного предложения?

Я злобно сощурилась, пытаюсь рассмотреть в нем все недостатки, но в какой-то момент сбилась со счета. Тогда, откашлявшись, набрав воздуха в грудь, я медленно поднимаю к его харе два тонких средних пальца и на выдохе шеп-

чу:

– Отсоси...

Шутка не стоила свечей, потому как после мощного хука справа я буквально впечатываюсь головой в гравий.

– Поздравляю! – ликует Поц. — Мое предложение больше недоступно. А это значит, что я меняю правила игры. Теперь ты сядешь со мной в машину, мы уединимся во-о-он там недалеко в лесу, а потом я один вернусь дальше служить на благо нашей страны! Классно, правда?

Да он настоящий психопат. Пожалуй, качественней меня будет.

Да, Эс, самое время насладиться своим великолепным чувством юмора. Как бы В ЯЩИК не сыграть от смеха. Ха-ха.

Он затащил меня в кабину, как большую куклу Барби, пристегнул ремнем и закрыл дверь, потом быстро перебежал на свою сторону, сел за руль и тронулся м места.

Туман в глазах начал рассеиваться, и я разглядываю на его лице смятение.

– Чего пялишься? – спросил он, мотнув головой.

– Ты... Ты ве-дь...

– Хватит мямлить. Скажи уже, чтобы понятно было, иначе рот кляпом заткну.

Я словно заново учусь разговаривать. Протекает это дело невероятно сложными и тугими темпами.

– Ты... Пер-вый...Раз...

– Что первый раз, блядь? Не беси меня!

– Пер-вый... Раз... Это... Де-ла-ешь...

Он посмотрел на меня озадаченным взглядом, который означал только одно – он понятия не имеет, что будет дальше, а импровизация, судя по всему, дается ему с большим трудом. Это мне на руку, потому как, я управляю ей с филигранной точностью!

Что мы имеем? До дубинки я добраться не успею, быстро отстегнуться тоже. Больше никаких колото-режущих или дробящих орудий. Все пропало. Хотя, постойте. Бардачок. Наверняка там должен лежать пистолет. Обязан там лежать. Фактически, это должностная обязанность каждого пистолета стражей. Это единственный вариант. Если его там не окажется – можно писать себе эпитафию.

– Эй...сладенький! – говорить у меня получается все лучше.

Он притормаживает у обочины и пронзительно смотрит на меня.

– Одумалась, значит? – спрашивает Поц, хихикнув.

– О, да. Простите...меня... Я...так плохо...себя вела, – томно вешаю лапшу голосом женщин из секса по телефону.

– Вот это другое дело! Придется тебя наказать. Ты готова исправить свои ошибки?

– Да, мой молодой жеребец. Я готова.

– Ну, раздевайся.

– Мне мешает ремень. Можно его убрать?

– Только без глупостей!

Я освобождаюсь от ремня и начинаю медленно расстегивать пуговицы на платье, расположившись спиной к бардачку так, чтобы можно было зацепить его ногой.

Гондон уже всю сглатывает, предвкушая предстоящее действие. Но он еще не знает, что его ждет. На самом деле, и я не особо представляю развитие этих событий в мою пользу.

Все же, слегка оголившись, я встаю на колени рядом с ним и шепчу:

– Сейчас тебе будет приятно...

Фу, гадость! Не могу поверить, что я буду это делать. Не то, чтобы у меня была неприязнь к членам, но именно этот я бы предпочла не видеть, даже если мы останемся последними людьми на Земле.

Взяв себя в руки, расстегиваю ширинку и пускаю руку в штаны, почувствовав зловоние неделю невымытого хуища. Будь в моем желудке хоть кусочек еды, он бы вызвал извержение рвотного вулкана.

Поц закрывает глаза, ожидая блаженных нескольких секунд до финала, или сколько он там сможет продержаться при таком-то возбуждении, а я в это время осторожно цепляю носком туфли ручку бардачка и бесшумно его приоткрываю.

Когда-нибудь пробовали делать одно дело быстро, а другое очень медленно так, чтобы не привлечь внимание и не получить по голове? Чрезвычайно сложно, но у меня полу-

чилось. Цезарь, у тебя появился серьезный конкурент.

Слегка повернув голову назад, периферическим зрением я разглядела нечто очень похожее на огнестрельное оружие. Ох, только бы это было оно.

– Я думаю, тебе уже пора пустить в действие свой ротик! – сказал Поц, пыхтя и причмокивая.

Но огласить все свои предпочтения в исполнении прихотей он так и не смог. Я резво откинулась назад, чудом выхватила пистолет нужной стороной и направила его на предоргазменный еблет.

– Что за?! – он стал доставать дубинку, но я покачала стволом, визуальнo продемонстрировав ему свое преимущество. — Полож на место, это тебе не игрушка!

– Неужели? Вот незадача, я как раз хотела с тобой сыграть. Я перехватываю тяжелый пистолет, который на самом деле оказывается револьвером, в обе руки, чтобы он случайно не выпал из-за тремора, усаживаюсь плотнее спиной к двери и начинаю ждать, пока сердце перестанет колотиться с бешеной скоростью.

– Даже в руках нормально держать не можешь!

– Пристегнись!

– Что?

– Пристегнись! Быстро!

– Вот, пристегиваюсь, довольна?

– Без резких движений!

– Что? Как может быть быстро без резких движений?

– Закрой рот! А теперь отвернись!

– Что? Зачем?

– Отвернись, я сказала! Забыл, кто здесь главный?

– Что? Кем ты себя возомнила? Отвернулся, и?

– Где наручники?

– Что? Наручники?

– «Скажи еще раз это слово. Скажи еще раз слово "что",

пидорас!»

– Вот срань! Ладно, ладно, подавись! Только тыкай им в меня!

– Заведи руки за спину, чтобы я могла тебя связать!

На автопилоте выполняю все действия и довольствуюсь своим результатом – Гулливер обездвижен на какое-то время. Осталось завершить композицию, спустив с него штаны.

– Ты что делаешь, поехавшая? – завопил он.

– Глумлюсь над тобой, выродок.

– Сука... Чтоб меня.

– Теперь играем по моим правилам.

– Хватит резину тянуть! Что тебе нужно?

– «Это Магнум .44, самый мощный револьвер в мире. Он может снести тебе башку. Тебе надо лишь спросить: «Повеет или нет?». Ну как, урод?»

– Не умничай, если не знаешь. Это Магнум .357.

– Я и не ждала, что ты поймешь. Говори, где мы находимся?

– На окраине города, где еще.

– И как часто тут ходят машины?

– Редко. Думаешь, почему я сюда приехал? Давай сделаем так. Я отвезу тебя обратно, и мы забудем об этом небольшом недоразумении, лады?

– А давай я засуну револьвер тебе в задницу и нажму на курок, а потом поймаю попутную машину?

– Слушай, я ошибся. Признаю, ты сильнее, чем я думал. И мне вот ваще не хочется нажить себе проблем.

– Уже нажил, и очень крупных. Я отплачу тебе за каждого человека, чью жизнь разрушила гнилая система правосудия, нитками к которой привязан ты, чертова марионетка.

– Какая ты умница, слов не нахожу. Ты в курсе, что это моя работа? Мне что, каждому нарушителю давать наставления, или типа того, а потом отпускать обратно резать бабок, грабить банки и снимать детскую порнуху?

– Не преувеличивай свои достижения. Максимум, с которым ты сталкивался, – буйный пьяный бомж с «розочкой» в руке. Все остальные – обычные прохожие, к которым ты пристаешь от нечего делать, а те, в свою очередь, раболепно подчиняются: мило беседуют, выдавливают натянутую улыбку, дружелюбно предоставляют документы, в общем – делают все, лишь бы мистер-разрешите-доебаться не нашел повод взять под арест.

– Да ну нахуй! Стреляй! Я больше не вынесу бабского пиздежа!

Я немного опешила, но не подала виду.

На горизонте появилась машина, и, как только она стало подъезжать ближе, придурок высунул голову в окно и начал звать на помощь. Не знаю, что на меня нашло, но я инстинктивно дала ему рукояткой по затылку, после чего он потерял сознание. Мать твою! А если я его прибила?

Пульс в порядке. Хорошо.

Машина остановилась на соседней обочине. Ее водитель вышел и начал подбегать к нам.

Что же делать?

Как что делать? У меня же есть револьвер! Чего я боюсь в таком случае?

Я выравниваю жирдяя, прячу оружие себе в сумку, наспех застегиваю несколько пуговиц и готовлюсь отвечать на все вопросы любой степени идиотии.

К окну напротив меня прислоняется парень в лесничей рубашке и красной шапкой с ушами по бокам, надетой задом наперед. Недалекий, наверно.

– Я слышал крики. Что у вас стряслось?

– У нас тут... ролевые игры. Никаких угроз чье-либо жизни.

Все пропало.

– Да? – спрашивает. — А почему у тебя на лице засохшая кровь и синяки?

– Игра была с упором на реализм.

– Ммм... ясно. А мужик чего спит?

– Наклюкался, хотя я предупреждала, что нам еще ехать

обратно.

– Стало быть, теперь будешь ждать, пока он оклемается?

– Да, но, если бы кто-нибудь предложил подбросить меня до города, я бы не отказалась.

– Понятно, покеда!

Дубина.

– Стой! – кричу.

– Ну?

– Подбрось меня, раз едешь в ту же сторону. Иначе мне придется возвращаться пешком, а этот тааак тяжело, моя одежда не приспособлена для длительных прогулок, – вскинула я ладони на уровень груди и посмотрела на него жалобными глазками.

Он облизнулся и присмотрелся ко мне оценивающим взглядом клиента публичного дома:

– Хы, ладно, запрыгивай!

Мужчины такие предсказуемые, словно грозные овчарки, готовые стать милыми и глупыми тойтерьерами за кусок еды. Стоит их только подразнить неоднозначным вниманием к их персоне, как они непременно будут думать, что ты намекаешь на сокращение расстояния границ дозволенного.

Оставляю своего похитителя в нелепой позе и отправляюсь следом за парнем в машину кабриолетного типа.

– Закроешь верх? Холодно.

– Да не, нормально.

– Ясно.

– Шансон любишь?

– Не перевариваю.

– А мне вкатывает.

Включив одну из тем воровской романтики, он вдавливал педаль в пол, и мы мчимся навстречу непредсказуемому будущему.

9

Выбросив окурок, я захожу в незапертую металлическую дверь многоэтажного дома. Поднявшись на второй этаж, стучу несколько раз в помятую, по виду, взломанную несколько раз, дверь и жду ответа. Ответ приходит заспанный и нетрезвый.

– Йоу, ты кто? – спросил чумазый тип.

Легким движением отталкиваю от себя, явно непроживающего здесь, не лучшего вида и запаха, человека и протискиваюсь внутрь квартиры. Тот был настолько медлителен, что, видимо, решил, будто рядом с ним подул ветер.

Как и следовало полагать, квартира моего бывшего друга превратилась в притон. В самом запущенном понимании этого слова.

Полнейший спад и разруха. Изодранные ногтями обои, обвалившаяся штукатурка, граффити на стенах, зассанный пол, на котором, словно грибы, растут сигаретные бычки, классическое отсутствие предметов мебели, осколки от бутылок, бонгов и ампул, спертый воздух вследствие наку-

ренности и запертых окон, наркота, разбросанная по дому, всех сортов и расцветок, количеству которой позавидовал бы Хантер Томпсон, и целый табор торчков в прострациях и галлюцинациях, достигнувшие мира своих самых потаенных фантазий, валяющиеся в отключке на грязных матрасах.

Обойдя квартиру несколько раз, я все же нахожу своего незадачливого товарища и начинаю к нему присматриваться.

Некогда бывший король вечеринок превратился в живой труп: смердящий запах невымытых промежностей, засоленная и изношенная до дыр одежда, тощее, скелетообразное тело, редующие волосы, исколотые вены, которых уже не видно, и исцарапанное в нескольких местах лицо от постоянных расчесов.

Пихаю ногой Мара, получая в ответ длительное мычание.
– Вставай! – кричу. – Не поверишь, но мне нужна твоя помощь!

За каким хером я здесь? Даже будучи обдолбанным в ноль, мне бы никогда не пришла в голову идея выведать что-либо у этого нарка, кроме инструкции по нахождению барыги, не смертельных дозировок для начинающих, гайда по вводу илы в вену и отзывов о любом виде дури. А, оставшись он последним человеком на Земле, не включая меня, уверяю, он ни за что бы не кинулся мне на помощь, даже если бы захотел.

Я тоже не без греха, но и он втягиваться насовсем не хотел. Постоянно твердил мне о том, что бросит в любой мо-

мент и ни капли не пожалеет об утрате.

Мудак, мы же когда-то были друзьями! Ночевали друг у друга, просиживая задницы за компьютерными играми, ночами на пролет смотрели фильмы, цитировали книги, болтали часами на кухне, рассказывая о своих великих планах, плевали на систему и гнусный мир, отвернувшийся от непризнанных гениев, менялись подругами, дрались и мирились.

Мы внесли часть самих себя в каждого их нас, совершенствуя личность, сверхчеловека, что вознесся бы над плебеями и скотами, озаряя их своим великолепием, а потом снизошел бы до них, одарив мудростью и знаниями.

Повзрослев, разумеется, наше мировоззрение, взгляды на те или иные вещи стали изменяться. Появлялись новые планы, интересы, стремления, мотивы. Розовые мечты постепенно уступали дорогу пустым серым будням, краски которых мы не смогли изменить. Все эти изменения разрождали между нами полемики размером с Юпитер.

Вдруг, мы обнаружили, что жизнь, оказывается, – штука сложная. Обнаружили вместе, а поверить и принять, как данное, смог только я. Так наши пути постепенно расходились. Мы реже встречались, меньше разговаривали и все больше начинали ненавидеть друг друга. В конечном итоге, мы полностью оборвали все контакты, вычеркнув все, что было у нас вместе.

Дружба. Это чувство я испытывал много раз, но всегда

неправильно и, в основном, временно. Проблема во мне или в других людях? Я не знаю. Давно перестал думать об этом. Мне всегда удавалось получать удовольствия от одиночества, звенящей пустоты и полного отсутствия постороннего шума, что часто давит на нервы...

– Облава! Подъем! – заорал кто-то из живых трупов.

Воцарилась всеобщая паника, больше похожая на сцену в слоу моушен: группа мертвецов восставала из перьев матрасов, собирала по углам все расширители сознания, которые была способна унести и, со всей доступной ей скоростью, дала газу в сторону выхода.

У меня заколотилось сердце. Зараза, еще не хватало того, чтобы меня сейчас повязали в этом гадюшнике и отправили на многочасовые экспертизы жидкостей из всех щелей организма. Нужно сваливать и по-быстрому. Бежать как можно дальше, не оборачиваясь назад.

Запинаясь об бессознательные тела на полу и прочий мусор, я вылетел в коридор, готовый больше никогда сюда не возвращаться, но чувство долга взяло свое. Я не могу оставить этого бедолагу в таком положении, иначе уподоблюсь этим мразям, спасающим свои шкуры.

Подбежав обратно к Мару и потормошив его, я с огорчением понимаю, что данный метод малоэффективен.

Обшариваю комнату на предмет алкоголя я нахожу то, что мне нужно. Полбутылки паленой контрафактной водки омывает лицо друга, обжигая раны на лице, попадая в рот, нос и

глаза. Далее в ход пускаются ладони, которыми я хлещу ему по лицу, нервно призывая к пробуждению.

– Ебаный в рот! Срочно принимай горизонтальное положение и двигай со мной! – кричу я истошно.

– Чувак...Сука, мои глаза! – завопил он, раскрыв свои пешкари. – Я уже раздал все долги, забирай все, что есть, только не трогай меня! Бля, как же хреново.

Заставить его идти не сможет даже экзоскелет с самоуправлением.

В открытую дверь квартиры начали доноситься звуки грохота, поднимающихся по лестнице стражей порядка. Истерично ища места для схрона и другие пути отхода, ничего не нахожу лучше, чем сигануть из окна.

Открыв заевшие ставни, сразу примечаю гору отходов, складировавшийся месяцами безразличными к чистоте окружающей среды жителями всего дома, и решаю использовать их, как амортизатор, что позволит хотя бы одному из нас не переломать себе конечности.

«My oh my. A song to say goodbye».

Почти испутившее дух тело Мара, вешавшее не больше сорока пяти килограмм, мне без труда удалось закинуть себе на плечи.

И вот, встав на подоконник, держа за спиной рюкзак из груды костей и мяса, я вновь задаюсь почти шекспировским вопросом: «какого хуя я делаю?», и совершаю грациозный полет Валькирий, устремляющий нас к твердой земле.

Сгруппировавшись, приняв форму мусорного пакета, мы камнем падаем в общую кучу. Отходя от легкого шока первые несколько секунд, я судорожно ощупываю каждый сантиметр тела на наличие повреждений.

Все обошлось, кажется.

– Пиздец, моя рука! Как же больно! – завопил Мар.

Я мигом затыкаю ему рот и злобно шикаю, дав понять, что сейчас не лучшее время запевать серенады под окном у стражей.

Еще немного простонав и несколько раз укусив мою руку, он наконец утомился. На этом мой план кончился. Как, похоже, и моя свобода на ближайшие пару лет.

Но появился он. Герой, которого заслуживает каждый город, каждая улица. Блюститель порядка, истребитель нечисти, оплот чистоты в болотном плаще – мусорный контейнер.

Забросив туда куклу Вуду, я поспешно перебрался сам, захлопнул крышку. Амбре помоев поражало мое воображение и обоняние. В прямом смысле у меня закружилась голова и начал вырабатываться рвотный рефлекс. Кажется, кто-то пробежал по моей ноге.

– Чувак, долго мы еще будем тут торчать? Я умираю...

Услышав шаги возле контейнера, я резко прервал невнятную речь Мара рукой, измазанной в какой-то липкой субстанции.

Звуки ходьбы и приглушенные голоса доносились с разных сторон. Я перестал дышать и начал считать минуты.

Ощущение, что нас вот-вот найдут не покидало до последнего. Возня продолжалось еще какое-то время, пока совсем не стихла. Я выдохнул и опустил руку.

В полумраке Мар пытался разглядеть меня, сидящего напротив.

– Я думал, ты сдох, – проямлил он, немного отрезвев и узнав меня.

– Увидев тебя, у меня вдруг появилось восемь дополнительных жизней, так что я очень даже не сдох.

– Как всегда шутишь. Ты в курсе, что твой юмор в данный момент доёбывает меня сильнее всех остальных проблем?

– А ты в курсе, что пустил свою жизнь по пизде? И, несмотря на то, что ты сейчас находишься посреди сблева других людей, можешь ликовать от радости, ведь я спас тебя от тюремного заключения.

– А я об этом просил, спасатель драный?

– Я и не надеялся на похвалу. Просто прими тот факт, что несмотря на все мое презрение к той части, что осталась от тебя, мне совесть не позволила бросить в беде друга, пусть даже уже и настолько близкого.

– Друга? Ха-ха! Что для тебя вообще значит это слово? Тебе всегда было плевать на людей, даже на тех, кто был рядом с тобой и за тебя. Смотрите, я такой весь из себя циник, нигилист и мизантроп! Ублюдочный, высокомерный волк-одиночка, который думает, что справится со всем один, даст прикурить этому миру от большого костра своего величия, а

на деле – замкнутый в себе инфантильный пидор!

– По крайней мере, твоя речь не сильно обеднела. Единственное качество, которое ты пока что не утратил.

– Пошел ты.

Мар трясущимися руками начал раздраженно доставать большой величины пакет с белым порошком. Тщетно пытаюсь открыть пакет сухими пальцами, он решил пустить в ход гниющие зубы, порвав пакет пополам. Часть содержимого тут же разлетелось по всему контейнеру, осыпав нас, как снегом.

– Нет, нет, нет! – сокрушился он. – Твою же мать, блядь!

Одержимость наркотиком взяла верх, и он начал слизывать порошок с себя и всего мусора, на который он осыпался. Когда он начал обсасывать кожуру от банана, меня едва не стошнило.

Закончив трапезничать, Мар откинулся на спину и начал крутить руками над головой, словно показывая мне фокус. Фокус прихода.

– Мне лишь нужно узнать причастен ли ты как-то к истории с лечебницей? – спрашиваю, пока он не ушел в себя.

– Мы не виделись с тобой сотню лет, а сейчас ты приходишь ко мне за помощью? Типа, я по старой памяти должен тебе услугу оказать? – спрашивает он загадочным тоном.

– Никаких услуг. Просто скажи, доставлял ли ты или то-то из твоих знакомых меня в то место для восстановления памяти?

– Чего?! Чувак, я понятия не имею, о чем ты толкуешь.

– Вкратце ввожу в курс событий: амнезия; лечебница, воспоминания о которой у меня почти не осталось; странный хер у моей квартиры; записанный мной из прошлого, бессодержательный текст на диктофоне; моя давнишняя фотография, сделанная тобой, благодаря которой я оказался здесь, хотя изначально не хотел. Спросишь, что все это значит? В душе не ебу, поэтому все еще надеюсь, что ты скажешь мне что-то дельное.

Наклонившись вперед, Мар выпучил на меня огромные глаза, зрачки которых напоминали миниатюрную черную дыру, засасывающую голубую галактику радужки. И, с улыбкой на все лицо, он разразился диким хохотом, иногда прерываясь на то, чтобы вдохнуть немного воздуха.

Словно с собаку расспрашиваю. Ты задаешь вопросы, рассказываешь, как прошел день, зная, что она тебе ничего не сможет ответить, а она то и дело глуповато наклоняет голову в разные стороны и смотрит полными непонимания глазами.

Так вот, у собаки было бы проще выведать информацию.

– Так что мне делать? – почти отчаявшись, спрашиваю.

– А мне откуда знать? – немного успокоившись, ответил он, едва шевеля языком. – Поболтай со своей тёлкой, может, она скажет.

– Какой тёлкой?

– Ну, с которой ты встречаешься или встречался, гений.

– С Эс?

– С какой еще Эс? Многоименная? Не, не та. Я тебе про ту, что вечно зависала с тобой у меня на хате.

– Я уже давно не с ней.

– С ней, не с ней, можешь не рассказывать о своей лично жизни, которой я не интересуюсь. Мне все равно больше нечего тебе сказать.

– Ладно, тогда как мне найти бывшую?

– Вроде тусуется с папиком где-то на Новой улице. Хер знает, миллион лет ее не видел.

– С папиком? Что-то вроде шикарной жизни на содержании? Бездумная трата денег на ненужные вещи, наскучившие развлечения и бесконечные походы в рестораны, сопровождающиеся поеданием лобстеров, усыпанных алмазами?

– Не, скорее она просто шлюха.

– Ясно, – без особого удивления протянул я.

Тем временем, Мар достает неизвестно откуда еще один пакет, но размером поменьше. И, на удивление, открывает его с ювелирной точностью. Каждый грамм достигает своего назначения и активируется внутри.

Далее происходит вот что: пена изо рта, закатившиеся глаза, отсутствие движений и вербальных функций. десять торчков из десяти. Ставлю передозировку на красное.

Второй раз за день приходится спасать жизнь человеку, который меня ненавидит, а теперь еще и не знает. Черт побери, я становлюсь таким человеческим, аж зубы сводит.

Приоткрыв крышку контейнера, анализирую местность на

наличие движущихся объектов. Вроде, все чисто. Пора валить из этой клоаки в ближайший госпиталь.

Выкарабкавшись из свалки, водружаю своего Фродо на плечи, беру направление в дальний путь, дабы разрушить кольцо человеческой проказы и восстановить баланс в рациональности моих поступков, почему-то не вознаграждаемых никем.

Как назло, пошел дождь. Теперь есть возможность отдавать не только нотками «Отбросов №5», но и ограниченной серией духов «Мокрая псина».

Достигая пределы, больницы мы тут же падаем в дружеские объятия санитаров, вышедших на перекур. Крепкой хваткой они сняли с меня тело, принеся мне невероятное облегчение, и настойчиво попросили проследовать за ними.

Сильно уловимый запах хлорки встречает меня теплыми, больничными объятиями, наряду с круглой медсестрой на посту, выражение лица которой изображало всю скуку этого мира, и пациентами, ждущих своей очереди, как, опоздавшего на много рейсов, самолета.

Чувствуя усталость в ногах, сажусь в кресло и начинаю ждать непонятно чего. Не привык я к подобным пешим дистанциям на длинные расстояния с дополнительным грузом.

Время течет так медленно, что я изволю дать храпа. Сон – самая причудливая часть моего существования, в которой я бы проводил три трети жизни.

Сладостное погружение в мир самых несбыточных фанта-

зий разной степени распущенности. Кому как, а мне приятнее всего засыпать, представляя себя Аполлоном, царящим в собственном храме разврата. Разгуливая с огромным членом наперевес среди своих хором, я рвусь на помощь страждущим, бедным, несчастным, совершенно голым юным девам с идеальными пропорциями, спасая каждую от непрочищенных труб, нехватки оральных и анальных утех, постоянной необходимости в ласках или суровых наказаниях.

Нет, я не озабоченный. Порой, это помогает мне исправить нарушенный сон лучше любого снотворного.

Больше всего же разочаровывают, кажущиеся во сне, гениальные идеи, изобретения, картины, тесты, песни, стихи, обращающиеся в прах при пробуждении. Свой разум обманывает собственного хозяина, давая ложную надежду на то, что ты действительно важен человечеству, оставив тебя в пустой постели, разрушая ожидания, казавшейся незаурядной, личности.

Поэтому, никогда особо не руководствовался подсказками, дающимися во сне мной самим или кем-то еще. И совершенно точно не верил в предостережения, несущие воображаемыми мирами светлой дланью...

Дланью вспотевшего санитаря с волосатыми руками, что будит меня за плечо, приглашая пройти к медсестре.

Разлепив глаза, начинаю сонно ковылять в сторону обширных форм, что ждут меня за стойкой регистрации.

– Здравсьте, – приветствую не своим голосом.

– Добрый день, в связи с тем, что, доставленный Вами, человек в наркотическом опьянении не имеет при себе документов, а также контактов ближайших родственников, мы сочли необходимым возложить на Вас ответственность за его благосостояние на время установления личности, – протараторила шарообразная мадам.

– С ним все в порядке? Если да, то я поспешу удалиться отсюда как можно быстрее, – говорю, отворачиваясь, но женщина меня окликает снова:

– Молодой человек, я попросила бы Вас вернуться и заполнить бланк.

– Нет, спасибо. Я правда спешу, – даю ответ, снова пытаюсь развернуться спиной.

– На каком основании Вы не хотите нести ответственность за больного человека, которого сами же принесли?

– Потому что мне наплевать. Честно и всем сердцем.

– Вы не можете так говорить.

– Неужели?

– Да, в случае отказа, Вы понесете за собой уголовную ответственность, согласно статье 14, пункта 88 Всемирного Кодекса Субординации: «Об антигуманных наклонностях».

– Кто придумал такую чушь?

– Государство, посредством законов, прописанных в данном документе. Если у Вас возникли возражения, можете обжаловать их через местный суд, который, с учетом обстоятельств, вряд ли будет на Вашей стороне.

Только этого не хватало. Вступление в силу власть имущих и их кретинских законов, способные упечь за решетку человека, оборонявшего свое жилище от вооруженного грабителя, чью смерть повлек за собой удар теменем об угол стола, спровоцированный сокрушающим падением из-за путающейся под ногами инвалидной коляски владельца; человека, согласившегося с, нелесным ушам правительства выражением, экстремиста; человека, занимающегося саморазвитием путем научных экспериментов с химическими реагентами, у которого отберут оборудование для опытов, окрестив его террористом, а тот, в последствии, покончит с собой; человека, что занимался сексом по обоюдному согласию, а в телепрограмме по зомбоящику оказался насильником-педофилом.

Подключись к этому церковь, явно подсасывающая у правительства и получающая нехилые привилегии практически во всех сферах жизни, дивиденды по установлению собственных законов в пределах своего чистилища и разумное, по их мнению, основание обижаться на любой одушевленный и неодушевленный предмет, то будет совсем плохо.

Так что, на всякий случай, вернувшись домой, обязательно освящу свой тесла-генератор от электрических демонов, порождающих атеистов.

– Другие варианты предусмотрены? – спрашиваю.

– Да, Вы вправе пройти бесплатное обследование и психиатра, который определит причину отказа проявить гуман-

ность, элементарную этическую норму, и, сможет дать примерную оценку психологического состояния, являющимся решающим в вопросе об ответственности пациента, от которого Вы отказываетесь.

Сколько раз в день она говорит эти тексты? Ни одной запинки и паузы, Поразительно.

«Thought, I had it under control».

– О'кей, я на все согласен, лишь бы не подносить утку к тому нарку, – говорю.

– Возьмите направление и отправляйтесь в 42 кабинет.

Психиатры, психологи, психотерапевты, мануальные терапевты и как бы там еще они себя не называли.

Всю жизнь меня к ним направляли. Говорили о необходимости консультаций по вопросам проблем с адаптацией, личностных переживаний, смен настроения, фобий, неврозов, панических атак, внутренней скованности, ориентации, расщепления личности и прочего, прочего, прочего.

Но я, как настоящий ценитель проблем с психикой, ни в какую не соглашался на промывание мозгов. Похоже, время пришло.

Захожу в кабинет без стука и без приветствия усаживаюсь на диван. Спиной ко мне, у окна стоит мужчина средней комплекции, одетый в строгий костюм и ждет, пока я что-нибудь произнесу.

– Ну? – спрашиваю нетерпеливо.

– Не любите лишнего общения? – теплым баритоном за-

дал он вопрос.

– Стараюсь избегать, да. Меня отправили сюда за тем, чтобы я мог обойти суровое наказание в виде заботы о своем друге-наркомане. Что я должен сказать, чтобы не прослыть психопатом и не вляпаться в дерьмо, что ждет меня за этой дверью?

– Для начала представьтесь.

Он развернул ко мне грубое лицо, которое никак не подходило его голосу и профессии. Короткие волосы, зачесанные вверх, с сединой по бокам, бросающийся в глаза, шрам на носу, многочисленные морщины на лбу и ямки на щеках с щетиной. Но больше всего меня поразила гетерохромия его глаз: правый – ярко зеленый, левый – небесно голубой.

– Соу.

– Это Ваше имя?

– Да, Док. Можно я буду называть Вас Док?

– Док кто?

– Просто Док.

– Пожалуйста, если Вам так будет удобнее наладить со мной положительный контакт.

– Вот так просто? Никакого возмущения по типу: «а как же мое настоящее имя, которое я ношу всю свою жизнь?».

– Никакого возмущения. Имена в этой кабине не имеют особого значения. Важно то, что тяготит и гложет владельца этого имени. И моя задача – помочь ему в этом разобраться.

– Со мной все в порядке, просто напишите в направлении,

что я недееспособен по умственным или физическим параметрам, например, и я бодро зашагаю в сторону моих реальных проблем.

– Проблем? Я могу чем-то помочь?

– Да, как можно скорее избавьте меня от своей компании, дав покинуть больницу.

– Какой Вы нетерпеливый.

– Я правда спешу.

– И в чем же причина спешки?

Да ты прикалываешься. Теперь я вдвойне рад тому, что в детстве не соглашался на эти опыты над человеком. Разум ребенка точно не остался бы без травмы на всю жизнь

– Видите ли, мистер Док, моя память изволила меня подвести. Я до сих пор не вспомнил какое-то важное событие, случившееся со мной. А теперь, ко всему прочему, запомнил о месторасположении лечебницы. Однако сегодня, какой-то таинственный придурок с доставкой на дом принес мне диктофон с моим голосом из прошлого, с информацией о том, что это уже повторялось ранее, что вынудило меня запустить всю эту пизданутую линию событий, которая привела меня сюда, – выплеснул я слова быстрым потоком речи.

Док и бровью не повел, будто бы слышит такое каждый день во время обеденного перерыва.

– Так у вас была амнезия? – спросил он.

– Совершенно точно.

– Интересно, – протянул он. – Очень интересно! Случай

уникальный по своей структуре. Я эксперт в другой области, как Вы могли догадаться, однако же впервые слышу о возможности восстановлении памяти после амнезии, несмотря на то, что слежу за всеми научными достижениями и открытиями. Не думали о том, что Вас могли похитить и держать в неизвестном месте, ставя незаконные эксперименты над мозгом?

Признаюсь, он ввел меня в ступор. Вопрос, все время лежавший на поверхности, который никогда не приходил мне в голову.

– Вижу, Вы также озадачены, как и я, – сказал Док, заведя мое лицо.

– Вроде того, – сказал я, до сих пор гоняя в голове его теорию.

– Позвольте спросить, куда Вы теперь намерены отправиться?

– К бывшей девушке, это моя единственная зацепка, пока что.

– А если она не будет располагать необходимой информацией?

– Тогда я пойду в бар и буду упиваться в сопли, какая разница? – раздраженно спросил я.

– Я веду к тому, что теперь у Вас есть еще одна зацепка, более существенная, как мне кажется.

– И что это?

– Вы говорили про лечебницу, так? Почему же Вы изна-

чально не обзвонили все ближайшие в округе места, подходящие под это определение, и не спросили, были Вы там или нет?

– Черт, да Вы гений! Это же самая очевидная вещь на свете, которую я не взял в расчет!

– Не волнуйтесь. Так устроен наш мозг. Из всех доступных нам вариантов он выбирает самое сложное и дремучие, чтобы как следует завести себя в тупик, а потом ходит вокруг ответа, который в упор не видит.

– Теперь мне точно нужно уходить. Быстрее, отпишитесь в направлении о том, что я клинический дебил, неспособный нести ответственность не то, что за другого, но даже за самого себя, или нечто в этом роде, и я побегу.

– Не так быстро. Теперь, когда мне тоже стало интересно, я предлагаю услугу за услугу. Вы отдаете мне свое дело, дав навести справки о вашей личности и проблеме, которую сейчас решаете, а я освобождаю Вас от ответственности за друга по семейной причине, скажем.

Думаю, сейчас не время для возражений и препираний.

– Идет, мне даже лучше, – киваю, согласившись. – Не придется тратить время на телефонные переговоры.

«Take control, it's now or never!».

– Если при Вас имеются документы, оставьте их у меня. Я дам свою визитную карточку. Можете прийти на следующий день за результатами.

Рассмотрев визитку в стиле «Американского психопата»,

вскакиваю с дивана, оставляю паспорт на столе, жму руку Доку и вылетаю из кабинета. Кажется, теперь дело приняло серьезный оборот.

10

Похоже я задремала, потому что очнулась в машине, стоявшей на месте.

Напротив стоял знакомый клуб местного пошиба: тонкие стены, дребезжащие от тяжелой музыки, выцветшая табличка с названием, убогое внутреннее убранство, схожее с сельской дискотекой, и примитивный ход с акцией на напитки, которая не распространяется на девяносто девять процентов алкоголя – все перечисленное и многое другое ждет постояльцев-рудиментов с распростертыми объятиями.

Прозвучит странно, но это задрипанное место является отправной точкой многих незаконных бизнесов, которые покрывают стражи.

За огромные проценты, сдирающие с их владельцев, и передачу данных на некоторых мелких дилеров, которых сажают для галочки, внося еще один пункт в список искоренения преступности, они закрывают глаза на коррупцию, подтасовку голосов на выборах, разбои, азартные игры, проституцию, поставку наркотиков и противоправное взыскание задолженности у людей.

Судя по тому, что моего «таксиста» нет на месте, не сложно догадаться, где он сейчас находится.

Здесь недалеко от дома и я не для того продлила себе жизнь своей находчивостью, чтобы вляпаться в очередной чан с дегтем.

И что вы думаете? Я вот так просто взяла и выпрыгнула из автомобиля? Нет, ведь этот предусмотрительный водила закрыл крышу и запер меня здесь.

Великолепно. Сколько мне сейчас его ждать?

Я просидела минут десять, прежде, чем услышала звук открывшейся двери и тогда вздохнула с облегчением.

– В следующий раз, когда пойдешь по своим делам, не забудь разбудить меня и спросить хочу ли я тебя ждать, – говорю с возмущением.

– Замолкни, курица.

С ужасом, я осознала, что на месте парня с дурацкой шапкой уселся огромный бугай в кожаной куртке и начал пронзать меня грозным взглядом.

– Что это значит? – спрашиваю.

– Как это что? Я тебя выиграл. Все честно.

– Выиграл? – я дернула ручку двери, но она была закрыта.

– Даже не думай брыкаться, – показывает он огромный охотничий нож за пазухой.

– Слушай, я не знаю, о чем вы там договорились с этим простаком, но я его, как и тебя, в первый раз вижу. Я обычная попутчица, которой нужно добраться до города.

– Ага, расскажешь, когда приедем.

– Куда приедем?

– Что же ты такая глупая? Домой ко мне.

– Я не твоя рабыня, ублюдок!

– За тебя уже все решила матушка фортуна. Теперь и тачка и ты – моя собственность.

– Я сбегу и донесу на тебя!

– Вперед, могу прямо сейчас сводить к стражу, который с нами за одним столом сидел.

Дура. Понесло же меня сегодня из дома черт пойми каким ветром. Повалялась бы в конвульсиях, помучилась бы от боли во всем теле, поблевала бы желчью и все бы обернулось куда лучше.

Мы тронулись с места.

Окончательно осмелев от принципа «хуже уже совершенно точно не будет и не предвидится даже при самых оптимальных для себя раскладах», я вылепливаю револьвер, направив в его в маленькую голову счастливца, сорвавшего куш.

– Что теперь скажешь, крутой парень? – взвожу курок.

– Ты че творишь, больная?!

– Останови машину!

– Пушку опусти!

Он все время тарашился на меня и не следил за дорогой, из-за чего мы чуть не въехали во встречный транспорт. Он резко свернул, пытаясь выровняться, а я, от неожиданности, дернула рукой вниз и нажала на курок.

– ААА!!! – завопил он, прижимая рукой простреленную

ногу.

– Открой замок на двери и тормози!

– СУКА КОНЧЕНАЯ!!!

– Я сказала тормози, иначе я тебя всего издырявлю!

– ТЫ У МЕНЯ НА ОРГАНЫ ПОЙДЕШЬ!!! – он отпустил

руль и пристегнулся.

Что это еще за самопожертвование?

Все, что происходит сейчас – активация инстинкта самосохранения с полным отключением самосознания.

Опускаю стекло на двери, все время смотря то вперед, то налево. Когда приближаемся к крутому повороту, хватаюсь за руль одной рукой и выкручиваю его в сторону, что есть сил.

Мордovorот достал нож и полоснул руку, не дав мне закончить маневр, а машина, задрifтовав и снизив в скорости, направилась прямиком в столб билборда.

Не медлив ни секунды, я переваливаюсь всем телом в окно, падаю на четвереньки и качусь рулоном обоев пару метров по инерции.

Что сейчас вообще случилось?

В шоке лежу на песчаной обочине, смотрю на, уходящее в закат, мутное солнце, закрытое тучами, пытаюсь найти точку опоры и понять жива ли я вообще.

Шевелю сначала ногами, потом руками, плавно перехожу к шее и всему остальному телу.

На осколки я не рассыпалась, это совершенно точно. Ни-

чего удивительного, впрочем, ведь мое тело всегда было крепче многих других, что даже позволяло мне без всякой подготовки совершать прыжки со второго этажа.

Осторожно поднявшись на локтях, я посмотрела в сторону уехавшей дальше машины. Она сбила пару дорожных знаков и угодила точно в столб, как я и предполагала.

Не знаю, что случилось с тем камикадзе, и знать не желаю. Не могу сказать, что надеюсь, что он больше не сможет ходить по этой земле, но и проявление жалости или оказание помощи «рабовладельцу» мне претит. Единственное, что меня интересует сейчас – это то, когда я смогу принять душ и переодеться.

По дороге домой, на меня постоянно оборачивались люди, словно увидели нечто неопишное, вылезшее из книг Лавкрафта. Но мне было все равно. Без одной мысли в голове, я достигла своей квартиры и первым делом подошла к зеркалу.

«Я упала с самосвала, тормозила головой». Головой и всеми остальными частями. Не могу в это поверить. Скорее всего, в зеркале отражался мой злобный двойник с искаженной физиономией, небольшими дефектами внешности и нарушениями генома, но только не я.

Сняла с себя, уничтоженную в хлам, одежду, включила душ и села в ванну.

К горлу подступил ком, а тело охватил мандраж. Я обхватила колени рукой и стала кричать, раскачиваясь. Так гром-

ко и долго, что стало казаться, будто капли воды перестали долетать до меня, расщепляясь на кислород и водород при попадании в звуковое поле моего голоса.

Я не могу, не могу, не могу так больше! Не могу! Я очень устала. У меня нет ни на что сил, нет мотивации куда-то идти, нет возможность что-либо делать, нет желания учиться чему-то новому, нет стремления с кем-то знакомится, нет уверенности в следующем дне, чтобы предопределить хотя бы часть грядущих событий.

А сегодня я уже упустила две возможности прервать свое существование.

Я вылезая из душа, подбегаю к сумке, выхватываю револьвер, становлюсь к зеркалу, направляю его под подбородок, качаюсь из стороны в сторону и сбрасываю с себя капли воды.

Жалкая пародия на человека, вот ты что. Стоишь и думаешь, верно ли поступаешь на этот раз или нет. У тебя всегда хватало смелости только на показушные попытки самоубийства, цель которых была только одна – вызвать сопереживание у других людей.

Чтобы они тебя холили и лелеяли, все под нос подносили, в бедности не оставляли, решали все твои проблемы и обустроивали твою жизнь, пока ТЫ почивала на лаврах, разбазаривая свою молодость, здоровье, деньги, друзей. Посмотри, что от тебя осталось.

Глупая, необразованная, до усера иррациональная в по-

ступках и мыслях сволочь, которая ждет, что ее еще кто-то способен по-настоящему полюбить.

Я зажмурила глаза и начала обратный отсчет от ста.

...три, два, один.

Отпустило. Снова посмотрела в зеркало и отвела револьвер.

Черт, а я неплохо с ним смотрюсь.

Еще при моей-то фигуре.

Мне бы участвовать в фотосессиях в стиле пинап или сниматься в нуарных фильмах.

А что? Начальные актерские таланты у меня уже есть, надо только подучиться. В легкую бы переплюнула Еву Грин. «Женщина, ради которой стоит умирать».

Над названием еще нужно поработать.

А еще нужно узнать время!

Полшестого. Нужно экстренно собираться.

Что у меня из одежды?

Какое-нибудь свободное платье с длинными рукавами. Черное, менее черное или слегка черное? Светлые тона мне сейчас точно не подойдут. Трусы кружевные или с сердечком? Капроновые колготки – обязательно. Туфли на шпильке – само собой. Чокер тоже не будет лишним.

«Sucked into a black balloon».

Подбор одежды завершен. Осталось разобраться с самой главной проблемой этого дня – моим лицом. Нужно шпаклевать его в три слоя минимум, иначе придется не рассказы-

вать о бойцовском клубе.

Разобравшись с лицом, помятость которого все равно бросалась в глаза, я бодрым шагом, держа гордую осанку, зацокала по асфальту.

Пришла с опозданием на десять минут, но Соу до сих пор здесь нет. До сих пор, потому что я не представляю причину, по которой бы он меня мог не дожидаться.

Уселась на прошлое место в углу и стала ждать.

Прошло пять, десять минут, а его все еще нет. Это что, современный аристократический жест, который проявляется в специальном запоздании на встречу с девушкой?

Едва я начала собираться, чтобы уйти, как из первого зла послышался какой-то грохот. Спустя минуту влетает Соу и направляется в мою сторону, будто пытаясь поймать меня, как мяч в американском футболе.

– Привет! Дико извиняюсь за свое опоздание, такое больше не повторится, честно, – пыхтит, как паровоз.

Никогда бы не подумала при первой встрече, что он способен изобразить на своем лице целую гамму бурных эмоций разного окраса.

Должно быть, это как-то связано с мокрой одеждой, отсутствием прически, странным запахом и сбитыми в кровь кулаками.

Я тоже в передряги попала, но у меня почему-то хватило времени выглядеть лучше огородного пугала! Что за неряшливый пол.

– Тяжелый день? – спрашиваю.

– Нечто вроде.

11

Думаете, Новая улица так называется, потому что здесь недавно был выполнен высококачественный ремонт дороги, подъем инфраструктуры и облагораживающий комплекс мероприятий по озеленению территории, с последующим очищением воздуха от излишней загазованности? Вы еще так никогда не ошибались.

Дорога больше напоминают поле битвы, усеянное воронками от взорвавшихся снарядов, по которой свободно может передвигаться только танк с несколькими парами гусениц, и то не везде.

Пять магазинов под одним брэндом, находящиеся вплотную друг с другом, не содержат в себе ничего, кроме просроченных товаров, еды быстрого приготовления, канцпринадлежностей для дисграфиков и нескольких касс, из которых работает всегда одна.

От деревьев остались лишь голые, подпиленные, искусанные короедами стебли, а клумбы с цветами, высаженные в толстые покрывки, являлись полной антиподом розы в стеклянной банке Маленького Принца.

Думаете, что отдаленные районы устроены лучше? И снова ошибка. Ведь, покидая пределы одного района, вы сталкиваетесь с великим лабиринтом архитектора из фильма «На-

чало» – возведенный в куб, парадокс зацикленной убогости в исполнении всего, что вас окружает.

Чем же примечательна тогда эта улица и почему она так называется? – вопрос, который вы никогда не зададите. Потому что уже с рождения все имеют точное описание этого места – блудливое поприще.

Да, все верно. Здесь можно воспользоваться услугами падших женщин. Именно поэтому я здесь.

Нет, озабоченные, по другому этому.

Мне нужно отыскать свою бывшую девушку, когда-то оказавшейся слабой на передок, а теперь и вовсе утратившую свое достоинство. Именно с этой целью я направляюсь сейчас к небольшому скоплению пёзд, стоящих у обочины.

– Эй, малыш, осилишь меня? – спросила баба, весящая больше центнера.

– Сначала займусь твоей мамой, – огрызаюсь я.

Все четверо ударились в громкий, прокуренный хохот, в котором я расслышал низкие ноты. Я досконально осмотрел каждую особь в пестрых одеждах несочетающихся цветов и разглядел в них мужскую фигуру, лицо которой которое вмиг изменило беззаботную радость на испуг.

Сказать, что я ебанулся умом, значит не сказать ничего, дав клятву на пожизненный обет молчания. Это она. Он. Моя бывшая, сменившая пол. Сознание не было готово осилить эту информацию. Шок, в котором я пребываю, можно сравнить по мощности с несколькими ударами молнии в од-

но тело, стоящее в чистом поле под деревом с огромной антенной в руках.

– Здравствуй, – начала Он, откашлявшись.

– А... Ага, – только и смог я вымолвить.

– Не пугайся ты так, мы ведь уже давно живем своими жизнями.

Как скажешь, брат Вачовски. Я закурил.

– Так ты по делу или развлечься пришел? – непринужденно спросил Он.

– Да как тебе сказать...

– Скажи, как есть

Не уверен, потела ли у меня изо рта слюна, но руки точно затряслись. Я все еще был скован современным самовыражением и принятием себя таким, каким ты должен быть, но не стал из-за матушки генетики.

Нет, я не осуждаю людей за их выбор. Каждый вправе решать, кого и куда трахать, или стать тем, кого трахают, или, став тем, кого трахают, трахать тех, что хотели бы трахать других, сменивших ориентацию. Короче, хоть все перетрахайтесь, мне побоку.

Меня смущает сам факт того, что когда-то это была моя девушка. Мой парень... Шута про то, что я мог забыть, как стал геем, кажется мне все более пугающей.

– Может, поговорим тет-а-тет, если стесняешься прямо тут? – спросил Он.

Хочет уединиться. Да ни за что на свете. Без свидетелей

меня точно поднимут на кукан несколько таких же гибридов.

– Давай отойдем буквально на пару метров, мне нужно задать один вопрос, – сказал я дрожащим голосом.

– Как пожелаешь, красавчик.

Похоже, я вспомнил, что забыл. Забыл, как глотать.

Мы перешли на другую сторону улицы, держа солидную дистанцию между собой, но, к сожалению, сойтись ближе пришлось снова. Я скурил сигарету так быстро, что едва не прихватил вместе с ней фильтр, и тут же достал новую.

– Слушаю, – говорит.

– Давно ты? – неловко спрашиваю.

– Это был твой вопрос?

– Нет. Не знаю, зачем я спросил. Забудь и перейдем к сути.

– Вскоре после нашего расставания.

– Неужели? Я был так плох, что ты предпочла сама владеть членом? – сказал я, немного отойдя.

– Член – всего лишь вывернутое наизнанку влагалище. И наоборот.

– Успокаивающие сведения.

– Готов поспорить, теперь ты точно будешь представлять наш секс.

– Прекрати, меня сейчас вырвет, – скривил я лицо.

– Шучу. Но если хочешь знать, как у меня дела, то ты и сам все видишь. Смена пола дает тебе свободу и комфорт для своего тела, и полное изгнание в обществе.

– Не знал, что все так плохо. Мне казалось, что толерант-

ный социум обязан принять любой твой выбор.

– Это так, но только не здесь. Люди никак не могут свыкнуться с мыслью, что они вольны контролировать только свою личную жизнь. Им непременно нужно подстраивать других под свои рамки морали и с пеной у рта доказывать, что то, что ты делаешь – неправильно, и вообще так не должно быть, потому что... Да кто его знает, почему? В детстве во многих была заложена программа по нетерпимости к тем, кто кардинально от тебя отличается, вот только почти ни у кого из них нет весомых аргументов, которые бы смогли убедить меня в том, что они правы на мой счет. Все заканчивается пустыми оскорблениями и злобой на лице первобытного человека. А здесь у тебя только два пути после операционного стола – на Новую улицу, либо на содержание к таким же неформалам, только с толстым кошельком, – печально резюмировал Он.

– Не хочу читать нотации, но ты знал, где живешь и предполагал, чем это может закончиться, – развожу я руками. – Я пожалею, что расспрошу об этом, но все-таки мне не взять в толк: почему ты до сих пор выражаешься в женские тряпки, и с людьми какого пола ты встречаешься?

– Тебе так важно это знать?

– Хочу определить к какой «расе» ты относишься.

– Это грубо. Не дай мне разочароваться хотя бы в тебе. Чувств между нами нет, но неприятно будет вспоминать человека, который оказался ничуть не лучше остальных.

– Извини, неуместная шутка. Впрочем, я здесь не за тем, чтобы обсудить, чьи гениталии тебе пришили и по какому назначению они используются, – вконец опомнился я. – Скажи, ты встречал меня после нашего расставания?

В данной ситуации это прозвучало очень гомосексуально.

– Что ты имеешь ввиду? – спросил Он.

– Ну, у тебя не было желания помочь мне вспомнить что-то?

– Вспомнить? А что ты забыл?

– Ты еще попроси глухонемого оценить популярный трек, а потом пропеть его. Я, блин, не знаю, что. За этим я тут оказался, но как всегда только зря потратил время и, в придачу, нажил себе новое расстройство. Прощай, у меня есть более важные дела.

Закурив снова, я развернулся и начал постепенно удаляться, но услышал сзади негромкое покашливание.

– Может, тебе не стоит столько курить? – спросил Он.

– «А может, мне не стоит столько жить?»

– Ты всегда ценил хорошие фильмы.

– А ты разделал мой вкус.

Мы посмотрели друг на друга и оба улыбнулись, вспомнив те времена, когда мы с упоением пересматривали понравившиеся нам картины и искали новые, если не такие же бесподобные и завораживающие, то хотя бы приближенные к золотой коллекции культуры в кинематографе.

– Знаешь, я хочу сделать тебе подарок, – сказал Он спо-

хватившись. – Вернее это только что стало подарком.

– Неожиданно. Какой?

– Два билета в театр «У сквера». Я должен был закончить сегодня пораньше и сходить туда со своим приятелем, но, как назло, не было ни одного клиента. Поэтому мне придется здесь задержаться, чтобы хоть что-то отработать за этот день.

– Билеты в театр? Похоже, я действительно предвзято к тебе отнесся сначала.

– Просто возьми, пока опять не наболтал лишнего.

Он отдал мне билеты, и я стал их рассматривать.

– Который час? – панически спросил я.

– Десять минут седьмого.

Черт, Эс меня уже ждет, а спектакль начнется через полчаса. Благо, театр находится поблизости.

– Извини, мне еще нужно кое-куда забежать, так что я снова прощаюсь.

– Если ты имеешь ввиду, то тебе нужно принять душ, то да, не помешало бы.

Я бегло обнюхал себя и понял, о чем идет речь. Сегодня так много всего произошло, что это подорвало всю гигиену моего тела. Но сейчас совершенно не до этого.

– Используй хотя бы это, раз уж так спешишь, – сказал Он, протянув красный прямоугольник «Гуччи Раш».

– Женские духи?

– Лучше, чем твой естественный запах на данный момент.

Недолго думая, я схватил их и несколько раз брызнул на

себя. Аромат потрясающий, в этом спору нет. В них так и таится сексуальная энергетика.

– Спасибо! – благодарю. – Ты лучший. И, несмотря на то, что когда-то ты был совершенно другим внешне, внутри ты по-прежнему остался рассудительной забавной девчонкой с добрым сердцем.

– А как же поцелуй на прощание?

– Не дождешься, – рванул с места.

Я летел, словно охваченный огнем, с непреодолимым желанием преодолеть скорость света и вернуться на пару часов назад, где бы я успел все и не опоздал бы на встречу.

Зараза, а если Эс не дождется и больше никогда там не появится? При особой настойчивости ее будет несложно найти в этом небольшом городе, но ведь она может быть здесь проездом.

Если подумать, то я вообще мало что про нее знаю, кроме то, что она умна, обворожительна, скорее всего, талантлива во многих вещах и просто хороший собеседник. Да, в тот вечер мы говорили о многом, но ни одного вопроса личного характера не прозвучало. Это и не столь важно, если она все еще ждет меня.

Достигнув бара, я влетаю внутрь, снося плечом дверь, спотыкаюсь и падаю на пол, удавшись виском.

– Ууу, ссука, – простонал я.

Бармен хихикнул, официант пожалел, что не успел вовремя включить видеосъемку на смартфоне, люди, находивши-

еся в первом зале, заразились равнодушием из прошлого кафе, а я, потирая колени и голову поплелся умыться в туалет.

Немного освежившись и приведя себя в порядок, я вбегаю в зал, сразу замечаю Эс на том же самом месте и усаживаюсь напротив нее.

– Привет! – здороваюсь, запыхавшись. – Дико извиняюсь за свое опоздание, такое больше не повторится, честно.

– Тяжелый день? – спрашивает она, осмотрев меня с ног до головы.

– Нечто вроде.

Переведя дух, я присмотрелся к ней тоже. По левой половине лица будто проехал трактор. Разбитая губа скрыта под темной помадой, синяки на скуле и подбородке замазаны тональным кремом, ссадина на брови пульсирует под черным цветом карандаша, а покрасневший глаз слегка оплыл.

– Кто это сделал? – почти прокричал я хриплым голосом.

– Неважно. Я не требую от тебя подробностей твоей истории, будь добр, и ты не расспрашивай о моей.

– Но...

– Никаких «но». Я не твоя девушка и имею право на секреты. Лучше объясни мне появление на твоём теле запаха женской туалетной воды.

– Они для того, чтобы скрыть неприятные носу оттенки до тех пор, пока я не доберусь до ванны.

Она подалась вперед и принялась. По лицу Эс было за-

метно, что она зря решила заговорить об этом.

– Не было времени вымыться? – спрашивает она.

– Не было. И сейчас нет, потому что мы идем совершать культурно значимое дело.

– Какое?

– Поход в театр, как ты и хотела, – говорю, достав из кармана билеты.

– Когда же ты успел их приобрести?

– Один знакомый поделился.

– Ты меня все больше удивляешь.

Я вскинул брови, как бы подтверждая свою значимость хотя бы в чем-то.

– Хорошо, не будем медлить, – сказала она, закинув через голову сумку.

Судя по скоплению народа, мы пришли вовремя.

На Бродвее я не был, но, пускай и голословно, могу сказать, что лучше театра вам точно не сыскать.

Он выглядел по-прежнему лучшего всего остального города. Позолоченная отделка, выписанная узорами, аутентично смотрелась с грамотными вкраплениями предметов интерьера – мебели на манер девятнадцатого века, различных декораций вроде полуразрушенного корабля, потертого пианино, трона из известного сериала, про который некоторые люди твердят: «неужели я единственный, кто его не смотрел?», и буфета, где кофе заправляли Ирландским виски.

В постановках обычно преобладала тематика именно этой

страны, либо общеизвестная классика, но в этот раз они решили выступить с премьерой, совершенно новой для их стиля.

Спектакль назывался «Пьяные». Да, такая вот ирония надо мной и моей спутницей. Хотя сегодня я еще трезв, именно поэтому в первую очередь выпиваю пару стаканов специального кофе, угостив Эс тоже.

Прозвенел второй звонок, мы удобно расположились в центре зала и ждали, пока все соберутся.

– Мамочка! – послышался приближающийся детский плач.

Мы синхронно повернули голову в сторону издаваемого звука. И, когда этот ураган рева и всхлипываний стал продирается через наш ряд на единственные два свободных места около Эс, мы переглянулись, молча попрощавшись с приятным времяпрепровождением.

– Мамочка, я не хочу смотреть!

– Закрой рот, иначе запру под домашним арестом!

Они. Так их зовут в нашем мире. Старший из них – симбиоз из плохого и худшего, что осталось от воспитания родителей и плохой среды бытия. Младший – биоробот, под действием главного, медленно и планомерно совершающий психологическую атаку посредством отверстия в голове и, издаваемого оттуда, акустическим диапазоном, неизмеримым никакими приборами.

– Ну мааамочка!

– Молчать!

Чем думали контролеры, когда пропустили эту парочку? Чем она думала, когда повела его с собой, или, когда решилась рожать? Чем думал я, когда решил, что после всей произошедшей сегодня ахинеи меня оставят, наконец, в покое?

– Мамочка, пойдём домой!

– Сиди молча.

Пухлый паренек в футболке-зебре и его покровительница с нелепой причёской и в перчатках, которые явной ей велики, были вылитой копией мамы и сына из семейки Адамс.

Он начал увеличивать громкость и стал дергать непутевую мамашу за край платья.

Эс явно не собиралась терпеливо ждать окончания средневековых пыток острыми, раскаленными звуками:

– Женщина, угомоните своего ребенка, Вы не в детском саду.

– Это кто тут женщина?! – Оно проявило признаки возмущения на фоне истошного хныканья.

– Вы. А теперь прикажите ребенку остановиться, либо я попрошу, чтобы Вас выпроводили.

– Что ТЫ имеешь против моего ребенка? Да, крикливый. Все дети кричат. Он для тебя недостаточно умный, красивый, смешной? Ну, ИЗВИНИТЕ, что не угодила! У самой-то, наверно, вундеркинд!

– Не довелось обзавестись.

– Посмотрите, какая самодостаточная! Детей у нее нет!

Были бы – поняла, каково это – не иметь возможности выйти из дома без него!

– Вообще-то...

– И не надо меня перебивать! Может, у меня нет возможности оплачивать няню? Может, мой бывший муж оставил нас ни с чем и не платит алименты? Может, у меня кредит висит на крупную сумму, которую я покрою лет так через двадцать? Хоть над чем-нибудь из того ты задумывалась, прежде чем предъявлять претензии?

Я молча сидел, упершись локтями в ноги, рассматривал родинку на затылке у мужчины предо мной и ждал вступления в силу закона, разрешающего в таких случаях брать особь за ухо и выводить из помещения без последствий для себя.

– Эс, ты же знаешь, что это бесполезно, – говорю вполголоса.

Они услышали меня своими локаторами:

– Что значит бесполезно, молодой человек? ВЫ хотите сказать, что Я не умею вести беседу?

– Охотно верю, что умеете, но давайте отложим эту беседу на никогда, идет? – спросил я и повернулся в профиль.

– Не смейте от меня отворачиваться, я не договорила!

Они действовали слаженно. Один усердно упражнялся в столах и воплях, разлагая на составляющие клетки ушных перепонки, другая грузила флэшбэками из своей нелегкой жизни.

Через какое-то время мелкий повернулся, опушим от слез, лицом к Эс и начал орать в ее сторону:

– Мааамочкааа!

– Я еще раз повторяю: воспитывать ребенка одной – невероятно сложная работа! Даже не знаю, как у меня все удастся!

– Мааамочкааа!

– Все эти пафосные знаменитости, которые берут по десятку человек из детских домов – просто показушники! Попробовали бы они родить своего и воспитать в пятиэтажной картонной коробке в городе с средней зарплатой ниже прожиточного минимума!

– Мааамочкааа!

– И это только начало! Что будет потом, в школе? В институте? На работе? Да, ребенок подрастет, но останется ребенком для меня! Вдруг ему потребуется моя поддержка или ласковое слово, в меня не будет рядом? А потом...

Я вздрогнул от громкого шлепка, за которым последовала тишина. Эс села на свое место и важно скрестила руки. Мадам с обалдевшим видом потирала ладонью щеку, а ее отпрыск остановил производство дополнительной хромосомы в своем теле и вылупил на нас глаза котов экзотов. Эс дала ей леща? Отличная работа!

Записная книжка, пункт первый: «Во все людные места брать с собой девушку, чтобы она могла сделать то, что тебе запрещено».

Образцовая мать хотела было сказать что-то еще, но, на всякий случай, проглотила и отвернулась в сторону.

Прозвучал третий звонок.

После него прошло, примерно, полчаса перед тем, как я очнулся от полного коматоза в плане погружения в происходящее, потому что Эс взяла меня за руку. Маленькая теплая ладонь с серебряным кольцом на пальце эхом отражала пульсацию моего сердцебиения. Уже менее внимательно, но я продолжил смотреть, пытаясь сформулировать саму канву:

В самом нача были два человека в центре круга. Поначалу значения этому я не придавал, но теперь задался вопросом: «Что они символизировали»? Может, инь и ян, говорящие о гармонии противоположностей. О посыле разного толка, что дает каждый из нас, но иногда прислушивается к остальным. Может, их положение тел, что лежат на крутящемся диске свидетельствует о нерожденном ребенке, находящимся в чреве матери. Ребенке, не успевшем совершить ошибок, наделать глупостей, влезть в долги, пропитаться и погрязнуть в говне.

Может, каждый из нас является центром в огромной, пламенной, безумной карусели судеб и событий. У каждого из нас свои ценности, свое определение любви, дружбы, верности, счастья, свои внутренние голоса, что таятся во мраке, ожидая момента уязвимости – частичной или полной потери контроля сознания путем прикладывания орального отверствия к эликсиру настроения.

Тогда все становится на свои места: важное ранее перестает иметь какое-либо значение, а то, что действительно значимо, что таилось глубоко внутри и жаждало огласки, вырывается наружу, сметая ураганом лоск розовых очков, слепящих глаза. Пьяные хотят быть услышанными и понятыми, поэтому, на всякий случай, продвигают снова и снова свою точку зрения. И, какой разной она бы ни была, смысл доносится одинаковый – ты способен изменить себя и мир вокруг только тогда, когда ты сам поймешь, насколько тебе это нужно, когда ты продолжишь движение в пьяном угаре, шатаясь, спотыкаясь, падая, матерясь и вставая опять, когда придет истинное понимание того, что ты делаешь что-то не зря – тогда ты на встанешь на верный путь.

Спектакль кончается, зал начинает рукоплескать и дарить актерам цветы. Мальца тошнит на колготки Эс.

– Да чтоб вас всех! – побежала она из зала.

Я нагнал ее и подождал, пока выйдет из дамской комнаты.

– Ничего не говори, – сказала она, устремившись быстрым шагом к выходу.

С великим сожалением, мы покидаем театр и, неся в головах сильнейшее впечатление, медленно плетемся обратно в бар, всю дорогу сохраняя гробовое молчание.

Зайдя в заведение, в котором численность людей увеличилась вдвое, я ловлю улыбку бармена, которого, очевидно еще не отпустило после моего прошлого фиаско.

Наше место не было занято, поэтому мы успешно пило-

тировали на него свои тела и сделали заказ у, подошедшего враскачку, официанта.

– Ну, что скажешь? – таинственно спрашивает Эс.

– Было здорово, – говорю с приподнятым настроением. – Если следующие сеансы окулитуривания будут лишены очереди препятствий, которые мне нужно будет перед этим пройти, то готов ходить на них хоть каждый день.

– Не хочешь поделиться своими похождениями?

– Но...

– Да, да, да. Я уже поднимала эту тему, которая ранее показалась мне неуместной для обсуждения, а теперь я снова противоречу себе, желая узнать, что с тобой случилось, – сказала она, покачав головой и закатив глаза.

– То есть, теперь я тоже могу взять у тебя интервью?

– Конечно, нет. Что за глупый вопрос?

– Вот уж действительно – ляпнул, не подумав.

– Все во многом зависит моего настроения на данный момент. Так что, когда-нибудь ты сможешь услышать мою версию, а пока не задавайся лишними вопросами о моем взбалмошном характере и просто смиришься с тем, что имеешь.

– Но...

Она настолько укоризненно на меня посмотрела, что я забыл аргумент, которым хотел грамотно парировать.

– То бишь, о чем мы? – спрашиваю, надеясь на смену темы.

– Твоя история.

Не повезло.

– Если коротко – за сегодняшний день я побывал во всех местах этого города, которые бы, при иных обстоятельствах, ни за что бы посещать не стал, – говорю.

– Подробности?

– Да сколько еще я буду повторять одно и то же? – спрашиваю у себя. – Мертвый кот, коробка с диктофоном...

– Что?! Мертвый кот? Какой ужас! – вскинула Эс руки.

Похоже, это действительно не на шутку ее встревожило.

– Да, об этом я тебе хотел рассказать, но то, что произошло после, делает смерть животного совершенно незначительной.

– Незначительной? Ты жестокий человек.

Если бы мое выражение лица поддавалось описанию, то звучало бы оно примерно так: «яркое чувство страдальческого недопонимания несогласованности в приоритетной и побочной задаче».

– Я его похоронил по всем правилам, можешь не переживать. Он попал в кошачий рай и насмехается оттуда над собаками, – говорю.

– Очень весело. Но я рада, что ты поступил именно так.

– Даже речь толкнул, а потом на этом деле меня поймала девочка.

– Что за девочка?

– Ее зовут Я.

– Ты ее надоумил?

– Сама решила. Не хотела произносить настоящего имени, потому что оно ассоциировалось с отцом.

– Тяжелое детство?

– Скорее, его отсутствие. Она выглядела поникшей, но после нашего разговора, который бы я назвал информативным ведением одностороннего диалога, она повеселела и даже понадеялась, что мы еще когда-нибудь пересечемся.

– Все возможно.

– При условии, что я пойду хоронить очередного кота.

На ее лбу клеймом вывелась надпись: «шутки дальше и окажешься на его месте».

– Похоже, никто к нам сегодня не подойдет, так что пойду сам закажу что-нибудь, – говорю, чтобы разбавить обстановку.

– Мне красного сухого, пожалуйста, – сказала Эс томным голосом.

Я кивнул и направился к персоналу. Парень со смартфоном прохладился рядом со стойкой и даже не думал делать свою работу.

– Простите, – наиграно подзываю его.

– Да? – ответил тот, не отрывая взгляда от экрана.

– Мне нужно кое-что показать Вам за столом, где я сижу.

– Надеюсь, это не ужин, который решил выбраться обратно.

Сукин сын все юморит. Хорошо, сейчас ты у меня посмеешься от души.

Он прошел за мной до стола и, когда я остановился и развернулся лицом к нему, он раздраженно спросил:

– Ну?

– Ничего не замечаете?

– Двух посетителей, которые парят мне мозги.

– А я вижу пустой, мать твою, стол, за которым сидят эти два посетителя и не могут дождаться паскуду в фартуке, которая должна принять у них заказ, – гавкаю я.

– Эй, приятель, не борзей, иначе вылетишь отсюда.

– Неужели? А может, я подам на тебя жалобу за невыполнение задач, порученных тебе этой гнилой работой, и ты вымиг лишишься почетного права подносить пиво, а потом вытирать остатки, что пролили на стол?

– Хоть заподавайся, их все равно никто не читает. Ты здесь не один, так что советую сидеть, как эта дамочка, и ждать своей очереди, – сказал он, показав пальцем на Эс.

– Кто это тут дамочка, ты, малолетняя дочь? – присоединилась Эс, которой тоже подпортил настроение этот разговор.

– А тебе лучше помолчать, старуха, иначе я забуду о своей вежливости.

Резким апперкотом я выбиваю из рук придурка смартфон, который разлетается на части при сильном ударе о полку, хватаю его за грудки и, разворачиваясь, прижимаю к стене. От неожиданности от впадает в ступор и начинает испуганно вертеть глазами.

– Теперь послушай меня, мудака. Спесь я может и не буду сбивать, однако донесу какое-какую информацию до твоего тупого ебла. А именно – ты больше никогда и слова поперек не скажешь мне и, тем более, моей спутнице. Ты будешь постоянно крутиться поблизости, чтобы мы случайно не пробыли в ожидании больше обычного. Будешь вежливо кивать и улыбаться, принимая заказ, а когда мы будем плевать тебе в лицо, ты с невероятным аппетитом будешь слизывать слюни и просить добавки. Иначе твоя жизнь превратится в хождение по мукам, потому что кроме этой девушки, что ты оскорбил, мне терять нечего, и я приложу все свои ресурсы: потрачу все силы, время и деньги на то, чтобы уничтожить в тебе человека. Ты забудешь, как тебя зовут, ты забудешь, зачем ты приходишь сюда каждый день и выполняешь рутинную работу, получая гроши, а счастливые воспоминания о прошлом и светлая надежда на блистательное будущее сотрутся из памяти раз и навсегда, уступив место нескончаемому кошмару наяву, – закончил я и отпустил официанта.

Тот уже облился потом и начал нервно глотать сухой ком во рту, повернулся к Эс и извинился сдавленным голосом, а потом, обойдя меня, как минное поле, резко скрылся. В зале наступила тишина и прозвучал одинокий, саркастичный хлопок, после чего все принялись обратно за свои разговоры. Для кого я корчу героя боевика?

Я сел обратно за стол и поймал восхищение в глазах Эс.

– Спасибо, – сказала она. – Но не стоило перегибать палку.

– Повезло, что парень оказался слаб духом, иначе эта крайне убедительная речь была бы прервана точным ударом мне в ухо.

– Не думала, что ты на подобное способен. Признаюсь, даже мне стало страшно, – сказала она, потирая плечи.

Я закурил и решил отвлечься буквально на несколько размышлений, но Эс прервала их:

– Не понимаешь намеков?

– О чем ты?

– Я сказала, что мне страшно. Успокой меня.

Это значит то, что я думаю? Она хочет, чтобы я сел рядом? Или ей и правда нужна словесная терапия?

Я встал со своего места и подсел к ней.

Не отрываясь, она смотрела на меня большими влажными глазами, как будто чего-то ждала. Я осторожно положил кисть на ее колено начал тихонько гладить, почувствовав сильную дрожь, что пробирала всю руку от кончиков пальцев до плеча. Мы просидели так с минуту, пока она не сказала:

– Ты поцелуешь меня наконец или нет?

Тогда я наклонился вбок и сделал это. Придерживая ее шею одной рукой, я поддался искушению, вкусив запретный плод, который оказался сладок. Карамельный привкус губ усиливал, по-прежнему стойкий, аромат духов вкупе с ярким воздействием феромонов. Страсть охватила нас так, что мы целовались около получаса, а когда прекратили, возник-

до острое чувство необходимости в продолжении.

«As my kiss goes down you like some sweet alcohol.»

– Где учился целоваться? – спрашивает Эс.

– А нужно учиться? По-моему, это что-то инстинктивное.

– У тебя хорошо получается опираться на инстинкты.

– Пожалуй. Что делаешь завтра?

– Работаю, как и все.

– Кем же?

– Учителем на замену в выпускных классах.

– Здорово.

– Ничего здорового. Современному поколению не нужны знания.

– Тогда зачем они просиживают штаны?

– Ради большего количества баллов в тестах на выпускных экзаменах.

– Что еще за тесты?

– Вкратце: ты несколько лет изучаешь точные, технические, естественные, общественные и гуманитарные науки, чтобы за этот длительный промежуток времени определить – в чем ты больше всего преуспеваешь и по какому направлению тебе двигаться дальше в жизни.

– Это понятно, а что за...

– Не перебивай! – нахмурилась. – А теперь возьми все эти знания, которыми тебя наполняли с десятков лет, возьми отдельно каждый предмет, по которому ты списывал конспектами толстые тетради, готовил развернутые презентации по

различным направлениям, зубрил неинтересный тебе материал, чтобы хорошо написать зачетную работу по изученной теме, из-за которого ты, в конце концов, ходил в учебное заведение, и сократи это все это раз в сто до примитивного списка общих вопросов, однотипных и иногда дублирующих самих себя.

– Не понял, это плохо или нет? Я лично терпеть не мог учебу, хотя давалась она мне без труда, и старался прикладывать как можно меньше усилий для своего образования.

– Не все умные от природы. С каждым годом эти тесты упрощают, а время на пробную экзаменацию увеличивают. То есть, в прямом смысле, в последние года два учебного процесса ты ходишь в учреждение ни за новыми знаниями, ни за получением необходимых навыков, ни за социальной адаптацией – всем тем, что ранее предполагалось школой. Ты ходишь туда, чтобы использовать изученное некоторых областей предмета в тесте. И чем больше баллов набираешь, тем выше твой шанс совершить следующую важную ступень – поступить на бюджетную основу в высшее учебное заведение, или хотя бы просто допустить до учебы в числе тысяч других таких же, как ты, желающих пробиться в люди.

– Получается, что мы недалеко от тех времен, когда нужно будет вставлять кубики в квадратную дырку?

– К этому я и вела. Все это очень плохо сказывается на качестве самого образования, ведь университеты переполняют не слишком умные люди, претендующие на серьезные про-

фессии и попавшие туда обманным путем, по чистому везению или за счет родительского авторитета. Они сносно сдают, к примеру, разговорный язык, вычленив из текста ненужные запятые и некорректные обороты, и думают, что у них уже все в кармане. Но за пару лет ненужных марш-бросков по тестам, они теряют критическое мышление, способность к новым познаниям, самодисциплину, что в по итогу отсеивает их естественным отбором университетских экзаменов. Впрочем, это происходит с теми, кому просто на все наплевать. Ведь даже самый непробиваемый тупица может получить диплом, если немного позубрит там, спишет здесь, подмаслит кого надо, и дело в шляпе – миру является образованный человек. Как говорил Дали: «Инженеры по образованию и идиоты по образу мыслей»

– Ты действительно во всем этом разбираешься.

– Это моя работа. А чем ты занимаешься?

– Транспортировкой различных предметов из одной точки в другую с использованием примитивного физического труда.

– Грузчик?

– Ага.

– Не верю. С твоей головой ты не можешь быть грузчиком.

– Однако, все именно так. Да, бывает тяжело и однообразно, но оплата почасовая и за день набирается довольно приличная сумма. Мне бы не хотелось променять эту работу на офисно-канцелярно-бухгалтерскую сферу деятельности.

Здесь я чувствую себя более свободным в действиях, что ли. К тому же, данная сфера почти не препятствует моему основному виду деятельности, – я указал на бокал.

– Ясно... Не думал о чем-то более высоком?

– Вроде мемуаров, натюрмортов и музыке?

– В том числе. Мне кажется, ты бы смог написать неплохой роман.

– И о чем он будет?

– О таинственной девушке неопишуемой красоты, одиноко проводившую свой выходной в баре, которую встречает импозантный главный герой со своими проблемами в голове. У них закручивается интрижка, они встречаются, женятся, рожают детей, переживают много хороших, плохих и переломных моментов в жизни, а потом умирают в один день в объятиях друг друга.

«You're the one now turn me on!».

– Звучит как самая клишированная любовная история на свете.

– Согласна, – она рассмеялась.

– Еще по пинте и домой?

– Да, mon cher.

12

Нет ничего более мучительного, чем вставать против своей воли в шесть часов утра. Ежедневно я слышу отвратительные звуки будильника, который означает, что наступил очередной день сурка.

Я быстро вскакиваю в холод из-под покрывала мягкого одеяла, одной рукой наливаю кофе, второй накладываю еду, третьей чищу зубы, четвертой мою голову, пятой натягиваю одежду, а если шестая свободна, то даже заправляю кровать. Попутно успеваю пролистать в телефоне ленту новостей, как утреннюю газету и третьим глазом глянуть какую-нибудь киноленту по телящику.

Все это успевается за пятнадцать минут. И пока идет фильм, я в полумраке начинаю искать свои лаки, расчески, тональники, карандаши и тени для бровей. Волосы – самый бесящий элемент в моей жизни, который отнимает от часа в день. Мыть, сушить, укладывать, начесывать, завивать это все... Хочу на лысо побриться. К вечеру от прически не остается ничего, поэтому каждое утро я совершаю одни и те же ритуалы.

Пока я ношусь-кручусь по квартире, как нейтронная звезда, могу отломить ноготь, разбить посуду, пролить чайник, порвать одежду, сломать каблук или замок на куртке. И такое постоянно.

Выбегаю из дома и только на полпути вспоминаю о том, что забыла выключить плиту. Пришлось бежать обратно.

На улице проклятая минусовая температура. Я в полуполетней одежде пытаюсь как можно скорее домчаться до остановки, от которой ходит единственный прямой транспорт до моей работы. Час в холодном автобусе с грязными окнами и серыми лицами чужих людей. Везет, если эти лица не издают

ароматы на всю железную коробку с колесами.

Мне тошно от того, что большинство людей так и проживают свои маленькие, незаметные и ничтожные жизни. Что значит данная жизнь человека для общества, мира, и всех остальных процессов? Какую пользу я несу и для кого? Для себя? Если только в том, что я до сих пор никого не обременила своими похоронами.

Прихожу на работу, пытаюсь согреть свой ледяной нос и отмерзшие пальцы, я ищу чайник. Воды нет, поэтому кутаюсь в плед и дальше сижу думаю о своих больных темах, которые ночью не дают мне спокойно уснуть.

Жду, когда школа наполнится коллегами. Тогда я начинаю изображать бурную трудовую деятельность. По большей части, она заключается в косплее Кэмерон Диаз. Иногда из этого даже что-то получается.

– Класс, – приветствую.

– Здравсьте, – прозвучал вялый хор.

Какую картину представляет из себя среднестатистический класс старшей школы? Подросшие, но до сих пор сомневающиеся в своем жизненном пути, люди, которые на данном этапе существования определились только в одном – в строгом выборе внешнего вида.

Но строгий выбор, конечно, понятие растяжимое – от выглаженного костюма до рваных джинсовок.

Они больше не подчиняются правилам школы с ее классическими униформами. И правильно делают, я считаю. За-

ставить взрослого, сознательного, отчасти самостоятельного ученика с, дающим первые ростки, критическим мышлением каждый день наряжаться в убийственно безвкусные брюки со стрелками/узкую юбку с теснением, белую рубашку, на которой в скором появляются желтые пятна от пота и жуткой еды из столовой, болотного цвета жилетку/пиджак не по телу с логотипом школы – верх наплевательского отношения к их самовыражению.

Но ученики тоже хороши. Одеваются зимой в легкую одежду, постоянно простужаясь, в теплое время вообще приходят в шортах, напоминающих по своей длине трусы. А что до их имиджа, так это отдельная песня.

Обычная внешность для нового поколения сродни пережитку прошлого для сегодняшних манер и вежливого поведения, то есть далеко ушла от общественных балов, кокетства, фраков, накрахмаленных воротничков и бабочек.

Девочки ходят с короткой стрижкой, перестают следить за собой и борются за равноправие, мальчики отрачивают волосы, залазают в узкие штаны и становятся более женственными, все это в совокупности с беспорядочным пирсингом, тоннелями, линзами, браслетами, подвесками, другими украшениями, прохлорированными волосами с кислотными цветами и тату, значения которого они не всегда знают, а если знают и делают его на лице, то дают еще один повод усомниться в их умственных способностях.

Кажется, я старею. Это можно понять, когда ты начинаешь

изъявлять недовольство чужим стилем и долго ворчать про себя.

– Я ваш новый преподаватель на ближайшие пару недель, – говорю. Нравится вам или нет, но подружиться со мной придется, иначе хороших оценок не получит никто.

Поднялся гул негатива.

– Что?! – восклицает ученик А. – Если провинится только один, нам всем за него отдуваться?

– Хорошо соображаешь.

– Но это нечестно!

– Это подтянет вашу дисциплинарную норму и напомним, что коллектив – это единый, слаженный механизм, в котором любой изъян отражается на всем процессе.

– Да сук...

– Что, прости?

– Ничего.

– Тогда приступим. На каком вопросе теста вы остановились?

– А как Вас зовут? – спрашивает ученица Б.

– Эс.

– Это имя или фамилия?

– Имя.

– Странное.

– Не страннее любого другого. Так какой вопрос?

– Наши имена не хоте узнать? – возмутился ученик В

– Зачем мне забивать голову информацией, которая мне

будет без надобности в ближайшее время?

– Типа, чтобы звать нас, не?

– Я укажу на тебя рукой, если понадобится, не переживай. Кто-нибудь мне назовет вопрос?

– Мы снова дошли до последней части, – ответил ученик

Г.

– Отлично. Значит пишем сочинение.

– Какая тема?

– Свободная. Оптимально – актуальная для наших реалий. Нежелательно – рассказ на тему того, как вы провели лето у бабушки. Постарайтесь детально раскрыть свой сюжет, чтобы можно было устроить дискуссию.

– Но здесь нужно выбрать из нескольких тем: природа, культура, война...

– Значит напишите их в следующий раз. Мне важно, чтобы вы небыли ограничены рамками общего образования. Хочу за тот короткий промежуток времени, что мне выделили, постараться развить в каждом из вас разностороннюю личность, а не гонять по кругу старый материал, возвращаясь и возвращаясь к одному и тому же.

И снова эти лица. Каждый класс каждой школы изображает одинаковую реакцию.

Реакция Чарли Гордона, так я ее называю. Когда ученики думают, что достигли апогея в своих знаниях, что для них не осталось ничего не изученного, в них на секунду прокрадывается мысль о том, что, может быть, они еще чего-то не

знают, что, может быть, они еще глупее, чем были раньше.

Класс окунается в раздумья, а я полностью погружаюсь в «рабочий процесс» под шум приятных мыслей, мечтаний и музыки, постоянно поправляя на себе теплый плед.

Почему я так настояла на свободном сочинении? В этом есть какая-то подростковая обида. Обида на своего учителя, который ни во что не ставил мои безупречные работы.

Я была отличницей по всем предметам, поэтому уверена в том, что говорю. Каждый раз этот старый, козлиный филолог до мозга костей отчитывал меня за любой оборот речи. То они казались ему слишком заумными и глубокомысленными для моего возраста, то пресно-публицистическими для школьного сочинения, то перезаполненными неуместными фразеологизмами и труднопроизносимыми словами.

Скорее всего, его поедала зависть, оттого, что сам раньше таким не был.

Многие говорят, что такими суровыми методами, он тренировал во мне усердность над поставленной задачей, воспитывал усидчивость, ставил цель добиться не просто отличного, а лучшего результата. Может быть. А может и нет. А может, пошли вы?

Было полно тупорезов, в наглую списывавших готовые тексты, которым не говорили ни слова, хотя все всем было ясно.

Ладно, к чему это? Я вовсе не собираюсь, как вы подумали, таким образом отыгрываться на других подростках,

пользуясь своим положением.

Наоборот, встречая новый класс, я искренне надеюсь встретить небывалый самородок, уникама, который бы поразил меня слогом. И тогда я бы с радостью взяла его на дополнительные курсы, репетиторские занятия, помогла бы использовать творческий потенциал по назначению.

Никто из остальных учителей не заинтересован в твоём будущем, будь ты хоть гением несколько раз. «Отсидел» и иди дальше, мы уже больше ничем помочь не сможем. Это неправильно.

– Извините..., – тянет руку ученица Д.

– Эс.

– Да, Эс. У меня вопрос личного характера.

– Говори.

– Очень личного...

– Хорошо, давай выйдем.

Мы покинули аудиторию.

– Это касается темы любви, – робко начала ученица Д.

– Ожидаемо. Что ты хочешь узнать?

– Как понять, что ты любишь только одного человека, если никого другого у тебя в жизни не было?

– Не обязательно есть все апельсины в мире, для того, чтобы иметь представление об одинаковости их вкуса.

– Но как отличить нужный апельсин?

– Он даст тебе больше полезных витаминов и минералов, утолит твой голод из-за нехватки еды и жажду из-за знойно-

го дня, разгладит морщины, поднимет настроение и сделает самым счастливым человеком на свете.

– В этих словах что-то есть.

– Во всех моих словах что-то есть, было бы желание на-ходить в них смысл.

– Я поняла аллегорию. Можно поговорить с Вами подробнее после урока?

– Тебе правда это нужно?

– Собираю материал для сочинения.

– Хитро. Ладно, увидимся в столовой.

Заходя обратно, я услышала краем уха отрывок диалога двух парней, которые очень бурно обсуждали мою внешность:

– В натуре, сасная училка.

– Угу, я бы вдул.

– Что ж, я согласна, мальчик, – подхожу и опираюсь на парту.

Дальше в ход идет мое природное обаяние, сопровождающееся покусыванием нижней губы, игрой бровями и легким сближением грудей.

Ученик Е впал в ступор.

– Чего язык проглотил? – спрашиваю. – Давай, бери меня, я вся горю!

– Че, реально? Даже за сиськи мацнуть можно?

– Почему нет? Только сначала спроси весь класс, хотят ли они присоединиться и тоже поиметь меня.

Поднялся хохот, и он залился краской. Я наклоняюсь к его уху и говорю так, чтобы слышали все:

– С этого момента ты не произнесешь ни слова на моих занятиях, пока я того не попрошу, иначе каждый из вас получит неуд и тогда оргия тебе точно обеспечена.

Ученик Е стыдливо опустил голову и начал ловить злобные взгляды со стороны.

Ох уж эта мужская непоколебимая уверенность в половом превосходстве. Будто бы, озвучивая вслух животное желание возлечь с противоположным полом красивой наружности, они обрекают невинных женщин на неукоснительное ублажение маленьких прихотей своего господина.

Немного самоутвердившись с помощью грубоватого излучателя гормонов, продолжаю заниматься своими делами, ожидая окончания урока.

Как отличить ученика, полностью отдающего себя творчеству, от тех, кто притворяется сведущим в написании сочинений?

Ответ не совсем однозначный. Большинство изображают из себя великого творца, составляющего опус всей своей жизни, хотя на самом деле делаю вид, и ждут удобного случая списать или попросить помощи у одноклассников.

Меньшая же часть добросовестных представителей современных прозаиков долго обитают в раздумьях над самым началом.

И только несколько человек судорожно копошатся в за-

кромах своего разума, надеясь изобразить ручкой на бумаге хоть что-то, способствующее их великолепной задумке, дабы не допустить ужасную ошибку.

Это не окончательная классификация отбора юных потенциальных дарований, вовсе нет. Это мое видение и мой опыт преподавания. И он разделяется именно на три таких, пусть и банальных, пункта.

Урок подходит к концу, представители будущего человечества рвут когти со своих парт, словно первоклассники, а я отправляюсь в столовую выпить кофе. Не отказалась бы сейчас от небольшого дополнения виски в данный напиток, как это было в театральном буфете, но на работе лучше не баловаться такими вещами, пусть даже при моей сноровке.

Столовая, как это обычно бывает в учебных заведениях, не представляет из себя ничего экстраординарного. В буквальном смысле.

Хамоватый персонал с излишним весом и негативным настроением, обслуживание на уровне «на какой черт вас опять столько много?», вряд расставленные столы с лавками по несколько метров в длину, что позволяет лишний раз не пресекаться с неприятными тебе людьми.

Беру огромную кружку кофе и сажусь на край пустого стола.

Если честно, то я до сих пор не проснулась. Мне нравится своя работа, но как бы было хорошо приходить на нее днем или даже вечером.

Раньше я могла не спать сутками, заменяя сон энергетиками и другими допингами, и при всем этом сохранять активность мозга, его трезвость и особенность сохранять гигабайты информации, не теряя не единой детали.

Сейчас мне не хватает даже тех семи часов, что я провожу во сне. Мне хочется больше и больше. Порой думается когда-нибудь я засну очень надолго, и все решат, что я впала в кому, а когда проснусь, то окажется, что я так много провела в своих грезах, что все решили, будто я больше никогда не очнусь.

Моя квартира перейдет многодетной семье, имущество попилят между собой смертельно больные, работа достанется более успешной кандидатуре, не берущей такие длинные больничные, а сама я останусь с голой жопой на морозе побираться милостыней.

– Можно присесть? – спросила ученица Д.

– Раз пришла, то садись.

– У Вас есть мужчина?

– Теперь вопрос личный для меня. Почему я должна отвечать?

– Я неправильно выразилась, извините. Хотела узнать любите ли вы кого-то сейчас или когда-то любили?

– У всех подростков в голове одна любовь?

– По большей части если это кого-то интересует, то этот кто-то хочет разобраться в понятии любви, – она покраснела.

– Понятие ты и сама можешь отыскать. А что касается

первого, то да, я любила.

– Расскажите.

– Нечего рассказывать, все до жути банально. Он идеален для меня, я идеальна для него, мы счастливы, а потом мы расстались, конец.

– И что случилось?

– Я ему приелась. Вот так это обычно бывает. Можешь не спрашивать меня – можно ли быть с одним человеком, которого ты полюбила, всю жизнь. Для этого нужно прожить с ним эту жизнь, тогда и получишь ответ.

– Сколько длилась эта любовь?

– А какая разница?

– Люди не могут надоесть друг другу слишком быстро.

– Послушай, детка, то, что люди вашего возраста называют любовью – пустой звон. Вы все, как один, путаете ее с безумной влюбленностью. Какие сильные чувства вы бы не испытывали, поймите одно – пока вы: не проживете бок о бок хотя бы года два, не будете опорой и поддержкой друг для друга, не пройдете огонь и воду бытовых разногласий, не научитесь примиряться с недостатками друг друга, не научитесь искоренять обиды и ссоры, – вы не поймете, что такое любовь.

– Что-то подобное я слышала от родителей. Неужели нужно постоянно пресмыкаться?

– Нет, нужно находить компромисс. А с ним воцарит понимание и гармония – элементы, составляющие начало креп-

ких уз.

– Но какой смысл, если ты в любой момент можешь просто надоесть человеку?

– Ты думаешь, это зависит только от другого человека? В первую очередь ты на это влияешь, поддерживаешь к себе интерес, стараешься развиваться в глазах своего спутника жизни.

– Значит, Вы сами делали так, чтобы Вас бросили?

– Знаешь, что... Это не твое дело!

– Я только хотела узнать...

– Молчать! Обычно я так не поступаю, но если ты подойдешь ко мне хоть с одним вопросом, я не зачту тебе любое сочинение!

Я взяла кофе и направилась обратно в класс.

Чертово поколение, которое интересуется не тем, что им нужно в данный момент.

Да, меня задело за живое и я вспылила, с кем не бывает. Со мной уж точно бывает и очень даже постоянно.

Это моя жизнь и мне решать бросаю я, бросают меня, или бросаю я с помощью бросания меня. Я решаю!

Как бы я не избегала общества людей, мне в тягость чувствовать вину за их страдания. Поэтому я прилагаю все усилия для того, чтобы меня бросили, если сама хочу уйти.

Да, наверно, это глупо и подло. Но с другой стороны никто не будет страдать, плакать по ночам, упиваясь крепким алкоголем, бесконечно звонить и писать, требуя вернуться

под предлогом причинения себе вреда.

Мне очень трудно нести такую ношу. Исключение составляют, разве что, совсем уж конченные ублюдки с атрофированными долями мозга.

Я еще оправдываюсь перед собой? Это же всего лишь безобидные ученики, которых я на раз затыкаю крепким словом. С какой стати я так чувствительно отнеслась к такому нетактичному вопросу. Хладнокровно и красноречиво отвечать на нетактичные вопросы – моя работа. Никто лучше меня не справлялся!

Я вернулась в столовую.

– Я пошутила, я никогда не буду снижать тебе баллы за обычные вопросы. Мы же в школе, так что вопросы – одна из основополагающих концепций обучения, с помощью которых ты можешь приоткрыть дверь к новым знаниям!

– Эээ... Да, я согласна.

– Ну, что ты хочешь спросить?

– Ничего, пожалуй. Как-нибудь потом.

– Отлично, тогда жду тебя в классе.

В середине второго урока я объявляю окончание мозгового штурма.

Естественно, поднимается волна возмущения, потому что многие не успели закончить.

– Не стоит волноваться, – говорю. – Если сочинение написано интересно, построено логически верно, не содержит в себе кучу заезженных фраз, неправильных употреблений

терминов и прочих некорректных оборотов речи, то я даю дописать сочинение на дом. В другом случае – будете переписывать заново здесь.

Первой подняла руку ученица Д. Она закончила сочинение полностью и с пылом выдала нам свое творение.

Это была любовная тематика, кто бы сомневался. Неплохой вступление, отбрасывающее к пониманию ею данного чувства, литературные примеры классических произведений, собственный опыт, явно измененный в некоторых местах и часть заключения, в которое вошли мои слова в измененном виде:

«И все бы ничего, но все это наталкивает меня на ужасающую мысль о том, что ни одни аргументы или заверения, ни одни красивые высказывания или комплименты, ни одни романтические свидания или страстные ночи не смогут дать полноценной уверенности и стопроцентной гарантии в том, что ты обязательно проведешь с этим человеком всю оставшуюся жизнь.

Прискорбно это осознавать, но гармоничное сосуществование двух особей разного пола порой разбивается о банальные ссоры, быт, непринятие родственниками, разногласие в интересах, детей.

Это настолько глупо, наивно и несерьезно, что, смотря со стороны, ты учишься на чужих ошибках, твердишь себе о том, что с тобой такого уж точно не произойдет, и лишь насмехаешься над подобной мелочностью и неудачниками, ко-

торые придают этому значение вселенского масштаба, и все равно когда-нибудь с этим сталкиваешься».

Я думаю, за сегодня она усвоила ценный урок. Урок, который поможет ей морально подготовиться к несовершенству мира, и укрепить силу воли в битве с розовыми мечтами.

Дальше каждый шел по списку, но слушала вполуха. Мне вдруг захотелось написать романтичный стих:

Обычный день, точнее, как всегда – отвратный, принесший горечь и тоску, сменяется другим, не более приятным, сплетенным из мытарств и мук.

Гонимый то ли необузданным желанием, а может вовсе, услышав в небе стук, герой наш прекращает все стенания, отправив на покой своих придворных слуг.

И что вы думаете дальше?

Позора мелочных обид не вынесла душа поэта, и тот раскис, обрюзг и сник?

Отнюдь не так, ведь взору оному предстала дива, на первый взгляд казавшаяся вымыслом игривым, больным воображением строптивым, неутолимой жаждою бессильной, перед которой бьет челом пустынный странник, едва не угодив в глубокую могилу, по дикой глупости своей.

Так оно и стало – изблещив собой прекрасный самородок, смогла она высечь искру, переродившуюся фениксом во пламя, спалившее мосты меж двух людей, что жили здесь веками на расстоянии длани, смотрящей в пустоту отвратных

дней.

Вкушенный плод запретный оказался сладок, и наш герой не в силах устоять, поддался магии и чарам королевы, переродившей слабость и печаль в любовь, похожую на чувство безграничной силы, что побуждает каждого из нас – попутно принимая судьбоносные решения – главенствовать над миром, вершить великие дела, достичь которых суждено лишь выбрав благородные мотивы.

А что дальше?

Дальше только бессонная ночь, цунами мыслительного процесса далеко не о самых приятных вещах, повороты с боку на бок, ерзание, встряхивание подушки и обнимание одеяла. Так длится до тех пор, пока не подействуют снотворные.

Мне очень одиноко. Ведь я совершенно не привыкла существовать каждый день одна. Я чувствую себя живой только в выходные, когда мне не нужно пересиливать себя и заниматься тем, чем я занимаюсь пять дней в неделю с шести утра до шести вечера.

Мне никогда не научится жить так, чтобы это приносило удовольствие. Все склоняется к временным стимуляциям центра удовольствия какими-либо действиями, жидкостями или препаратами.

Мне никогда не научиться жить так, чтобы я была довольна собой и своими успехами. Я прекрасно понимаю, что все это временно и любое мелкое достижение меркнет в омуте

остальных человеческих открытий.

Мне никогда не научиться жить так, чтобы мои поступки одобрял хотя бы один знакомый мне человек. Как я уже говорила, я нравлюсь людям до определенного момента. Когда человек узнает меня лучше, а я его, мое место занимает экспрессивная, вспыльчивая и не взвешивающая свои слова Эс, которая без тени сомнения может запросто оскорбить в обычном разговоре, разозлиться на пустяковую шутку и даже ударить.

Мне никогда не... Неважно.

Спокойной ночи.

13

В полупустую, холодную комнату через окна, закрытые решетками, проникает тонкий луч утреннего света. Я сижу с вытянутыми вперед руками за длинным металлическим столом напротив человека в костюме и маске чумного доктора.

– Вы знаете, где находитесь? – спрашивает темное очертание человека.

– Я не понимаю.

– Все нормально. Вы здесь для того, чтобы вспомнить.

– Что?

– Важный этап в жизни, в корне изменивший Вашу структуру сознания.

– Почему бы просто не рассказать мне о нем?

– Я не располагаю информацией.

– Тогда как я попал сюда?

– Вас доставили. Опережая дальнейший вопрос, говорю – этот человек не представился.

– Бессмыслица.

– Это еще предстоит узнать. Сперва ответьте мне на ряд вопросов. Готовы?

– Готов.

– Какое Ваше последнее воспоминание?

– Возвращаюсь с работы и снова погружаюсь в запой.

– Как часто возникали проблемы с запоминанием информации?

– Не думаю, что часто. Обычно, у меня хорошая память.

– Есть ли в семье люди с патологией мозга?

– Нет, насколько я знаю.

– С друзьями часто общаетесь?

– Друзей больше нет.

– Вы живете один?

– Да.

– Животных заводили?

– Нет.

– Дама сердца имеется?

– Была когда-то. Но не думаю, что я ее любил.

– Дети?

– Упасите.

– Для начала достаточно.

Он поднялся с места.

– К чему приурочен этот странный прикид? – спрашиваю.

– Местный стиль одежды. Ваши вещи лежат в сундуке справа.

Я сразу порылся в сундуке и вытащил оттуда темно-синий комбинезон и белую балаклаву с круглыми дырками для глаз и рта, на лбу которой красовался черный знак вопроса.

– Это шутка? – недоумеваю.

– Нет. Таковы правила. Здесь не принято называть имен, судить о внешности и поле. Для этого у каждого пациента имеется своя маска с символикой, обозначающей то, с какой проблемой они тут оказались.

– Очень остроумно. Можно мне отсюда уйти?

– Насильно Вас никто держать не собирается. Можете покинуть лечебницу, когда Вам только заблагорассудится. Но неужели не хотите узнать причину Вашего появления в этом месте?

– Вообще-то не очень.

– Какой Вы скептик, однако.

– Я прагматик. И я не вижу ни одной причины вспоминать что-то, что нужно только Вам и еще кому-то, кто даже не удосужился передать мне послание.

– Разумно, но что, если я скажу, что этот кто-то прямо сейчас находится среди всех остальных пациентов?

– Что?! Хватит со мной играть! Немедленно отведите меня к нему!

– Ни к чему злиться, давайте для начала я проведу экс-

курсию.

– Черт, ладно, но только быстрее.

– Надевайте костюм, и мы отправимся.

Внешне это место не очень подходило под описание слова лечебница. Наспех наклеенные обои, небрежно постеленный деревянный паркет, тусклое освещение дешевых ламп без плафонов, легкий холодок и запах сырости.

Мы прошли через несколько коридоров и остановились у последней двери.

– За этой дверью находятся такие, как Вы. Люди, попавшие в трудную жизненную ситуацию. Я не призываю знакомиться с ними, расспрашивать об их историях болезни или заводить дружбу. Мне нужно, чтобы Вы их выслушали, а потом сделали вывод – стоит здесь находиться или нет.

– Так это подобие групп поддержки?

– Не совсем. Вы все увидите сами.

Признаться, за этой дверью я ждал посиделки в стиле романа Кизи, но все оказалось куда более сносно.

На расставленных кругом стульях сидели десять таких же ряженных клоунов с масками на голове. Некоторые обозначения я понимал сразу, но большинство из них было для меня загадкой.

Я сел на свободное место и решил пойти напрямую.

– Кто притащил меня сюда?

На меня обратилась группа недоуменных взглядов. Хотя, я не особо разобрал их под масками, так что у каждого могли

быть совершенно разные реакции на мой вопрос.

– Извините, мы Вас не совсем поняли, – сказал мужчина с изображением знаков минуса и плюса на маске.

– Что тут непонятного? Я попал сюда не по своей воле и хочу узнать: кто из вас причастен к этому?

– Так Вы не помните, как попали сюда?

– Не морочьте мне голову. Мне сказали, что кто-то из вас – тот, кто мне нужен. Тот, кто посодействовал моему нахождению здесь.

– Боюсь, мы не сможем дать ответа, ведь мы тоже находимся тут по определенным причинам.

– Конечно, и что теперь? Я буду вынужден выслушивать плясду душеизлияний? У меня нет на это времени.

– Мы помогаем разобраться в проблеме, в этом смысл этой группы. Что Вы помните до того, как попали сюда?

– Мы опять ходим по кругу, ведь я уже отвечал на этот вопрос. Я занимался вполне привычными делами неуместного в этом мире человека, а потом очутился здесь. Все. Довольны? Что это вам дало?

– Касательно воспоминаний любая деталь не будет лишней.

– Здорово, вы мне очень помогли.

Я встал и направился к выходу. Останавливать меня никто не пытался, и это хорошо, потому что выслушивать чужие проблемы при наличии нихеровых своих мне категорически не хотелось.

За дверью стоял чумной доктор, который предложил пройти за ним.

– Дайте угадаю, – начал я сходу. – Теперь я должен пробыть в этом обществе до тех пор, пока досконально не изучу всех присутствующих, ведь именно это поможет мне узнать нужного мне человека, так?

– Ход мыслей правильный.

– Отлично, я ухожу.

– Не думаю, что это правильное решение.

– Не думаю, что я заинтересован в этих экспериментах.

Вы не желаете говорить мне правду, будто она нужна вам.

– Важно то, чтобы эта правда пришла к Вам осознанно, естественным путем и позднее закрепились в памяти основательно.

– Ладно, если в какой-то момент жизни мне покажется, что я мне не хватает чего-то важного, я обязательно сюда вернусь. А теперь позвольте откланяться.

– Ваше право. Но сперва вы должны получить выписку. И еще вот это.

Он протянул мне клочок бумаги с нечитаемым почерком и пачку таблеток.

– Зачем это?

– Прочтете, когда выйдете отсюда.

Гребаная лечебница со своими выписками. Провести здесь черт знает сколько в компании фриков? Нет, спасибо.

Знаю я эти истории, когда люди ложатся в дурку, дабы

поправить расшатанное психологическое состояние, а потом их накачивают седативными веществами, приковывают к постели и оставляют в овощном состоянии на полжизни.

Тот еще лечебно-профилактический курорт под названием «декаданс жизни».

Покинув пределы обитания сильных мира сего, во всех имеющихся серых обшарпанных коробках ваш глаз может различить целую палитру чего-то безвкусного и угнетающего.

Первый вопрос, давящий на сознание с силой, не исчисляемой любой системой, при поступлении в данное увеселительное заведение, возникнет у вас сам: "Это здесь лечат душу?".

Похоже, что нет, ведь ответ на вопрос был известен еще задолго до поступления, и по мере нахождения тут, у вас возникнут явные на то основания.

Могу представить, чтобы меня там ждало.

Комплексное трехразовое питание. На завтрак депрессия входит в состав, застывшей на тарелке лепешкой, каши и масла, лежащего толстым твердым брусом на обмякшем куске хлеба; в обед подается пресный, капустно-картофельно-пердильный суп с паранойей в металлических тарелках, краем которых можно вскрыть себе вены; за ужином без особой охоты, в глубь пищевода вторгается небольшая порция биполярного расстройства со скользкой сосиской; а также вечерняя черствая булка и чай с беспокойным сном вместо

сахара.

Для комфорта есть все: голые палаты метр с хуем на метр с хуем, забитые сомнительным контингентом, тоскливый антураж, металлические койки с рваными бесформенными матрасами, разрисованные в лучшем стиле авангарда, полное отсутствие личного пространства и кабинок в туалете с ванной, передвижения по командам, как в тюряге, и горы беспонтовых таблеток, которые в основном будут вас усыплять, дабы проводить в непереносимом бодрствовании как можно меньше времени.

Заниматься можно всем, что душа пожелает: читать, писать, рисовать, играть в шахматы, искать связь с реальностью и интернетом, словно кусок бревна под землей с металлоискателем.

Одним словом, каждая незначительная деталь, каждая минута, длительностью в световой год, скрашенная безумным бездельем, располагает к незабываемому времяпрепровождению в месте, окна которого открывают вид на осточертевшую безвкусную картинную галерею.

От визуализации возможных событий меня отвлекает грохот бутылок, сбитых, как кегли, ногами.

Даже из сна я не подчерпнул ничего дельного. Молодец, не сдаю позиции.

Зато я вдруг вспомнил о Доке, у которого до сих пор находятся мои документы. Надо бы их забрать и за одним узнать, как у него обстоят дела с поиском.

Заранее ни на что не надеясь и выписывая в голове самые худшие стечения событий, запиваю вином пару таблеток от отеков, одну от тошноты и еще одну от мигрени. Не уверен, что их можно смешивать, но какая теперь разница.

Быстро принимаю душ, навожу марафет и отправляюсь в больницу.

Док приветливо встречает меня своей спиной, а я по обычаю молча усаживаюсь в кресло.

– Есть новости? – спрашиваю.

– Смотря, что именно хотите узнать.

– Вы знаете, о чем я.

– Да, знаю. А Вы похоже не представляете, где находились.

– М?

– Я сделал запросы в каждую больницу этого города. Ни в одной из них Вы не наблюдались.

– Что это значит?

– Значит, что никакой лечебницы не было.

– Разве может сниться то, что ты придумал в реальной жизни?

– Скорее всего это было не обычное лечебное учреждение. Вас к чему-то принуждали?

– Нет.

– Тогда вариант с похищением отпадает. Были ритуалы или клятвы?

– Чт... Нет, не было.

– Значит, секта тоже не в счет. Осталась только экспери-

ментальная медицина в каком-нибудь неприметном месте. Как выглядело здание?

– Каменное, старое, внутри убогий ремонт.

– Кажется, я знаю, о каком месте идет речь. Идемте!

Да, этому мужику прыти не занимать.

Мы около получаса ехали на его «жуке» через море леса, после чего на склоне стало видно каменное сооружение. Скорее всего, оно и было нам нужно.

Чем ближе мы подходили, тем сильнее навеивали воспоминания. А еще таблетки от отеков вызвали сильнейшее мочегонное действие и мне на пару минут пришлось удалиться в ближайший природный туалет.

Зайдя внутрь мы обнаружили ровным счетом ничего. Все было так, как и во сне, только без пациентов и глупых нарядов.

– Это и есть то место? – спрашивает Док.

– Вроде... Не понимаю, куда все делись?

– Может их и не было вовсе?

– Тогда бы то был ответ на все мои вопросы.

– Ну, такой вариант исключать не стоит.

– Только зря отнял у Вас время.

– Что Вы! История по-прежнему окутана мантией тайны.

Если Вы не шизофреник, тогда придется копать дальше.

– Это я уже сам, спасибо за помощь.

Мы вернулись той же дорогой и попрощались. Он решил, что ненадолго. Я решил, что даже до следующей жизни вряд

ли дойдет.

Сейчас только середина недели, а посему, я взял гору выпивки и отправился домой пересматривать любимые фильмы. Не о работе же беспокоиться, в конце концов.

14

– Опять опаздываешь, щенок!

– Задержался в пробке.

– В какой? В винной? Марш готовиться, через десять минут выезжаем!

Начальник. Для удобства буду называть его Гуз. Та еще задница. Каждое утро дает по голове возгласами, как молотом. Третирует меня, как в первый раз.

Я быстро напялил рабочую форму и пошел заваривать ободряющий напиток.

Пока никого не было, быстро вынул из кармана фляжку с виски и вылил все содержимое в огромную кружку с кофе.

Черт, я не виноват в том, что рабочих дней пять, а выходных только два. Мой организм элементарно не успевает адаптироваться к разным поведенческим образам. Только ты начинаешь готовить его к перезагрузке системы, как бац – и неожиданно нужно снова включать напряжение на полную мощь.

Отвратительный понедельник – начало очередной серой недели, содержащей в себе минимум интересных событий. Приходит он также внезапно, как диарея, осознание отсут-

ствия смысла в жизни и твоя мама, когда ты занимаешься постыдными делами.

От этого возникает хроническая усталость, постоянная сонливость, нервы сдают и в какой-то момент ты забиваешь на все. Идешь напиваться дальше, хотя понимаешь, что завтрашний день так или иначе наступит, и все само собой не разрешится, будет только в разы хуже. Но тебе наплевать.

«Today I got a million, tomorrow, I don't know».

Сегодня ты уверен, умен, красив, силен, амбициозен. Тебе ни по чем завтрашнее похмелье, заплывшая рожа, боли внутренних органов, ведь ты сможешь пережить все, а потом двигаться дальше, и вообще можешь бросить в любой момент.

А в конце дня появляется алкоголь, который кажется тебе самым лучшим изобретением человечества и спасением от всех недугов. Он настолько хорош, что способен заменить даже интернет, так тебе кажется. Ведь тебе становится интересно абсолютно все, даже самые галимые вещи, вроде происхождения рэпа.

Но нет, на следующий день от кодировки тебя останавливает только невозможность пилотирования тела дальше своей квартиры или ближайшего магазина, максимум.

Я не говорю о невозможности бросить пить и все в этом духе. Нет, бросить очень даже легко. Смысл в том, что ты бросаешь не навсегда.

Любой переломный момент в твоей жизни: несчастный

случай, трагедия, смерть близкого, ментальное опустошение и депрессия, неудачи в работе, учебе и личной жизни, полное отвержение обществом – все это и многие другие вещи когда-нибудь могут сломать тебя, разбить, обессилить, и ты сорвешься. Неважно сколько лет пройдет, это может случиться даже на смертном одре, но это так или иначе случится.

Так к чему я все это? Призываю ли я дальше бухать? Нет, я призываю себя дальше бухать, потому, что это моя философия и мне с ней отлично живется. А на всех остальных мне насрать. Дела мне нет до чужих жизней. В особенности до тех, кто видит ну уж очень глубокие подтексты о пропаганде чего-либо, нацизме, оскорблении, суициде, домогательствах, терроризме и прочих вещах, которые вовсе не подразумевали многие культурные произведения, феномены и просто отдельные личности, как-то причастные к группе тех, кто еще верит в свободу слова и не боится высказывать что-то, отличающееся от общей волны.

Кажется, виски по мне здорово прошелся. Пора остановиться, а то еще чуть-чуть, и я про политику начну вещать.
– Ты где прохлаждаешься? – орет Гюз.

Я мигом залезаю в грузовую машину вместе с тремя другими работягами, и мы отправляемся на первый заказ.

Обычно мы работаем с переездами. Это относительно простое и прибыльное дело в отличии от перекладывания туда-сюда арматуры, гравия, песка, бетона и прочих строительных материалов, способных отправить твои руки и спи-

ну на покой.

Самое ненавистное – древние разборные стенки, шкафы и телевизоры размером с мамонта. Они очень хрупкие, шаткие и совершенно непрактичные.

По всем этим вещам давно плачет свалка, но многие сохраняют их из памяти о былом величии, так скажем. Приходится изгаляться и тратить много времени. А сколько в них всяких мелочей, которые расфасовываются в десятки коробок. Жуть.

Пятый этаж. Мне пизда.

– Начинаем с холодильника.

– Есть, босс!

У кого-то еще хватает сил коры мочить.

Я с энтузиастом прокладываем лямки под холодильник и поднимаем на плечи. В глазах потемнело, а желудок издал крик, умирающего от избивания палкой, кита. Как бы снова не вышел конфуз с процессом, обратным приему пищи.

Едва чувствуя под собой землю, я начинаю медленно продвигаться вперед, покрываясь испариной, которая почти сразу перерастает в обильный пот, льющийся дождем с моего лба и попадающий в глаза, нос и рот.

Сизифов труд. Так можно описать эту работу. Таскаешь, таскаешь, таскаешь всю эту тяжелую рухлядь, а она поднимается обратно на долбаный пятый этаж.

Я попросился идти позади, так как боюсь, что могу не выдержать. Не знаю, зачем я сегодня пошел. Нужно было брать

отгул и отсыпаться. Мне не хватит сил провести вот так весь день.

Мы начали аккуратно спускать холодильник по первому пролету, и уже тогда я почувствовал дрожь в руках и коленях.

– Щенок, какого хрена с тобой происходит?

Это последние слова, которые я услышал прежде, чем упасть в обморок.

В чувство меня приводит Гуз с нашатырным спиртом.

– Тупорылый идиот! Из-за тебя же чуть парня не придавило! И сам холодильник вдребезги!

– Я не мог предугадать, что потеряю сознание.

– Не надо мне байки заливать, от тебя же бухлом пасет!

– Я немного выпил, для восстановления сил, но все произошло наоборот.

– Слушай, парень, ты всегда хорошо работал, хоть и часто я замечал тебя в нетрезвом виде, что ПОЛНОСТЬЮ противоречит технике безопасности этой работы! Я давал тебе последнее предупреждение, то ты как обычно пропустил мимо ушей или забыл пропитым мозгом.

– По рукам, с этого момента – все, последний раз.

– Нет. Это был последний раз. Ты уволен.

– Как же...

– Собирайся, мы везем тебя обратно, вместе с тем бедолагой, которому повредило ногу. Насчет компенсации по причинению вреда здоровью он тебе сам сообщит, если что, а

ремонт холодильника полностью на тебе.

– Конечно...

Иду неизвестно куда и зачем ранним утром. Утро, в которое я лишился работы. Пар изо рта перемешивается с сигаретным дымом, пальцы на руках немеют от холодного ветра, покрытые инеем кленовые листья, лежащие на промерзшей земле, хрустят под ногами. В такие моменты думаешь, что день сурка не такое уж и наказание: с удовольствием бы проживал уикенд с понравившимся мне человеком безостановочно, постепенно растворяясь в каждом моменте.

Может, я больше не в силах выдерживать натиск хандры и подавленности, сковывающей меня всю прошлую неделю в кровати.

Я лежу в пустой комнате на холодной кровати и каждый день мне снится один и тот же сон: я разговариваю с какой-то вымышленной девушкой, с весьма странными чертами лица.

Мы находимся напротив друг друга и говорим. Посыл мне ясен, я понимаю значение всех слов, понятий, в целом предложения мне кажутся четкими и ясными. В полудреме я продолжаю диалог практически с открытыми глазами, и на какой-то момент я просыпаюсь и осознаю, что разговариваю с самим собой, глядя в стену.

Мне становится так тоскливо и одиноко, слезный ком подкатывает к горлу, от осознания того, что когда-нибудь это произойдет в действительности, с каким-нибудь реальным человеком. В один из мрачайших дней и темнейших часов

я потеряю это человека навсегда, и лишь буду нести старческую ахинею, нарядившись в платья.

Может, я специально напялил прохудившийся плащ с легкими ботинками и решил отомстить своему телу за непригодность. Страдай, раз уж ты ни на что не способно, коченей на улице. Я хочу истязать тебя за бесполезность, доводя до дрожи в конечностях, до синего носа, до онемения лица, до горла, неспособного воспринимать никотин, до прилипшей от крови к руке соске пива, что я неправильно открыл.

Решил зайти в самый нерентабельный бар этого города, только для того, чтобы ни с кем не пересекаться лишний раз.

У бармена выразил такое удивление на лице, будто он в одночасье стал владельцем самого крупного питейного заведения.

Взял пинту темного и отправился к ближайшему столику. Здорово, когда никого нет. Не нужно заморачиваться с местом расположения своей задницы, угле, при котором тебя всегда будет видеть официант, а также беспокоиться об оптимальном стороне, в которую нужно направить лицо, что встречаться взглядом с минимальным количеством людей или не встречаться вовсе.

– Знал, что ты зайдешь сюда, – прозвучал голос за спиной.

Какого черта? Сделаю вид, что не услышал и не буду обращаться.

– И не делай вид, что не услышал. Меня ты точно не обманешь, – он подсел рядом.

– Отец, – мрачно произнес я, не поворачивая головы.

– Угостишь меня?

– Сам плати.

– Ты знаешь, что случилось с твоей матерью?

– Да.

– Почему ты не помогал ей все эти годы? Ведь жил в этом же городе.

– А почему ты от нее ушел, праведник?

– На то были и есть причины...

– Какие еще причины? Что тебя могло заставить бросить семью? Ладно я, мне ты никогда не нравился, но мама в тебе души не чаяла. После твоего ухода она изменилась навсегда. Я перестал быть частью ее семьи.

– Она всегда тебя любила, как и я.

– Черта с два. С самого детства у нас сплошной конфликт отцов и детей, который не может прийти к логическому заключению.

– Считаешь, поздно все исправить?

– Нет, считаю, что ахуеть, как поздно. Ты пришел на поезд, когда железную дорогу давно демонтировали, папаша.

– Как всегда, острый на язык и бескультурный.

– А мы с тобой не на светском приеме, так что лучше уходи и дай мне спокойно выпить.

– Не сердись на меня, сын. Когда-нибудь ты поймешь, о чем я говорил. Снова поймешь.

– Снова? Ты это о чем?

Он направился в сторону выхода.

– Эй! – окликаю. – Что значат твои слова?

Но он ушел, не проронив больше ни слова.

Зная своего отца, выпытать информацию против его воли нереально. Не уверен, что даже пытки бы помогли.

Значит, это он вытащил меня? Но с какой целью? Сказал, что была причина уйти от нас с мамой и что я пойму это когда-нибудь снова. Значит он это делает не в первый раз, во-первых.

Во-вторых, это могло происходить с самого детства? Нет, глупость какая-то. Если бы я в детстве постоянно терял память, то это бы сказалось на всей моей дальнейшей жизни. Да и причем здесь уход отца?

Хотя, постойте. А что было стоящего в моей жизни? Скучайнейшие годы в школе, унылые семестры в институте, друзья и знакомства – посредственность за посредственностью, а если и были люди, выходившие из этого числа, то держались в моей компании недолго. Девушки? Всегда был одноразовый интерес, ни о какой любви не шло речи. Работа? Тереть ее не мог, еще с тех времен, когда начал помогать родителям. Сразу наводила на меня тоску. Дело всей жизни я так и не нашел, если честно, то до сих пор не представляю, чем буду заниматься.

А может я забыл все яркие моменты? Все, что было хорошего во мне, превратилось в одну сплошную зловонную жижу из негатива, спеси и мата?

Получается, я должен вспомнить, что когда-то был славным малым, но против своей воли предпочел оставлять в памяти самую черную злобу на все, что меня окружает, видеть пороки во всех, с кем я встречаюсь и заливаться яростью ото всего что, нарушает мои идеально выверенные планы?

И как мне это сделать? Переводить старушек через дорогу? Учить слепых боевым искусствам? Отмолить все грехи, дав клятву в дальнейшем вести исключительно аскетичный образ жизни?

Бред, такое даже в кино не работает.

Я слишком устал для подобных размышлений. В конце концов, теперь я свободный от работы человек, который волен вставать, когда ему вздумается, идти куда захочется и напиваться до того предела, который он выдержит.

Отправляюсь домой.

Терпеть не могу засыпать. Не сам сон, а ее тяжелый путь к нему, сквозь все неудачные моменты в твоей жизни, которые ты бы мог исправить, будь у тебя возможность.

Ты знаешь, что завтра это не будет тебя тревожить, даст спокойно жить свою неудачную жизнь из-за неудачных выборов, но ночью тебя обязательно снова посетит изъедающее чувство своей неполноценности, глупости, бесполезности, ничтожности в масштабе Вселенной.

Сначала ты боишься это чувство, прячешься под одеялом и боишься свешивать ноги.

Потом ты нервно ожидаешь его прихода, но оно приходит

с запозданием и от неожиданности ты испытываешь такой испуг, что всю ночь проводишь без сна со включенным светом по всей квартире.

Вскоре ты приглашаешь его переночевать рядом с тобой и защитить от других, более банальных и детских страхов, вроде монстра под кроватью.

Через время вы весело рассказываете друг другу истории, в надежде переплюнуть друг друга в ничтожности.

Спустя годы вы становитесь лучшими и неразлучными друзьями, дополняющие друг за друга целые предложения, порой даже читая мысли.

Я пережил каждый этап и достиг последней стадии. Я изгнал это чувство, потому что сам стал для него тишиной в голове, превращающейся в гул, судьей, выносящим приговор над невиновным, толпой невежд, проклинающих тебя за действия, никогда не совершаемые тобой.

Я достиг апогея в своем несовершенстве.

Спокойной ночи.

15

Мы условились встретиться вечером пятницы у кинотеатра. Я люблю что-нибудь посмотреть на большом экране, но зачастую смотреть абсолютно нечего, да и тратить деньги на билет, который может себя не оправдать – словно играть в лотерею, где шанс на успех составляет один к бесконечности.

Эс пришла без опоздания, минута в минуту. Невероятная

женская пунктуальность.

Я принес ей одинокую, но большую красную розу. Одну, не потому, что я жадный до денег на подарки, нет. Мне хотелось олицетворить ею особенность и уникальность Эс, вызвав тем самым то, что ни один букет в сотни и тысячи обычных роз не сможет сравниться с данной, передать ее яркий цвет, объем лепестков, длину стебля и остроту шипов.

Надеюсь, она поймет символизм.

Поприветствовав друг друга продолжительным поцелуем, мы отправились в кинотеатр.

– Что будем смотреть? – спрашиваю.

– А это имеет значение?

– Не имеет.

«This is the dawning of the rest of lives, on holiday».

Добравшись до табло со списком новинок, у меня закрались сомнения о том, что по ошибке решили провести время подобным образом.

Но отступить было поздно, поэтому, взяв волю в кулак с надеждой о более-менее приятных двух часах, выбираю случайную комедию из всех представленных: «Горький корпоратив друзей», «Что думаю женщины в самый лучший день», «Притяжение беременных мужчин», «Пихты 7», «Билет на рейс в реальную сказку», «Скорый Нью-Йорк – Чечня».

Ничего не предвещало беды, пока пред началом мы сидели и смотрели рекламу на протяжении получаса. Вернее, это была лучшая часть фильма. Все, что происходило после, до

сих пор не уложилось у меня в голове.

Пришел в себя я только в баре, когда Эс начала щелкать пальцами у меня перед глазами. Она мне поведала всю трагедию той ситуации.

– Фильм уже закончился? – спросил я с облегчением.

Оказалось, что от фильма прошло чуть больше половины. Сначала я просто брезгливо бил ладонью о лицо, созерцая тупость происходящего. Боль стала ощутимой, и я воспылал раздражением, перейдя на комментирование сюжетных дыр и плохой актерской игры.

Позже я заметил в зале шакалиные смешки, откровенный гогот и в целом довольствие картиной, и вот тогда я разразился всепоглощающей ненавистью. Я рвал и метал, бегал по спинкам кресел, убеждал убогих и немощных в том, что в комедии должен быть юмор, а не обычное изображение гениталий, как комичного элемента, что здесь на просто нет сюжета и какой-либо художественной ценности.

Зато мы с избытком имеем героев-ибецилов, которым невозможно сопереживать, заезженные образы, штампованные ситуации, сценарную дегенеративность, монтожопность, кастинг, проходивший на улице и операторскую работу, выполненную без помощи рук. А самое забавное, что на эту парашу какие-то олигофрены выделяют деньги.

Тогда-то меня и вывела охрана. Но остыл я только сейчас.

– Ты чересчур вспыльчивый для таких обычных вещей.

– Я не мог остаться равнодушным к такому высеру.

– Тогда не будем об этом. Лучше расскажи, как прошла твоя неделя?

– Меня уволили.

– Тебе там не место, найдешь работу получше.

– Ага. Еще выяснилось, что я вышел неделю назад из заброшки, в которой совершенно точно были люди. Теперь там пусто.

– Как думаешь, что это значит?

– Это значит, что детектив с фальшивым именем отправляется на пенсию.

– Ты не доведешь дело до конца?

– Не-а, плевать я хотел.

– Да что с тобой не так?

– Прости?

– В смысле, когда ты успел так разочароваться в жизни, что тебе все перестало быть хоть сколько-нибудь интересным?

– Думаю, со это было со мной всегда.

– А я думаю, что ты действительно утратил что-то ценное.

Что пытаешься вернуть сейчас.

– Может и так, но знаешь, что? Мне серьезно больше нет необходимости что-то расследовать, ведь только сейчас я осознал, что мне приятно проводить с тобой время, и пусть я никогда не верну то, что когда-то было со мной, никогда не узнаю, насколько ценные воспоминания потерял, я счастлив, что встретил тебя и что ты находишься рядом со мной.

И больше мне ничего не нужно.

– Это... Очень мило. Даже не знаю, что сказать. Мне тоже приятно, правда.

Она на несколько секунд отвела взгляд, а потом произнесла:

– Опять будешь весь вечер сидеть и смотреть на меня или сядешь рядом?

Я вновь сел на ее сторону, почувствовал до мурашек знакомых запах духов и тела.

В эту смену не было того парня. Скорее всего его больше никогда не будет. Либо он перешел в другое заведение, либо записался на курсы рукопашного боя и скоро вернется мстить.

Мы сидели в обнимку, медленно попивали свои напитки и долго разговаривали о всех вещах, что произошли на этой неделе и вообще когда-либо. В одном мы сошлись точно – было чертовски невыносимо дожидаться пятницы и последующих выходных.

Ближе к одиннадцати часам Эс предложила поехать к ней. Я согласился, конечно, но не рассчитывал на продолжение.

Просторную квартиру охраняет черный, гладкошерстный кот с огромными желтыми глазищами, стоящий напротив нас и, вероятно, не один час, ждущий своевременной кормежки.

– Привет, кот, – прохожу вперед и чуть не наступаю на него.

«Мярг»

Покормив кота, мы плюхаемся на диван и включаем телевизор для фона.

Когда Эс приближается ко мне для поцелуя, я прыскаю ей в лицо, потому что сзади майор Пейн ломает палец солдату с простреленной рукой, чтобы отвлечь его от боли.

– Извини, не мог сдержаться.

– Ребенок, умеешь убить романтическую атмосферу.

– Я не могу сосредоточиться. Разговоры в фильме сбивают настрой.

– Хорошо, я выключу.

Началась прелюдия. Моя рука сползла ей под лифчик, а пальцы стали поглаживать соски, что являлись вишнями на пышных тортах третьего размера. Спустя мгновение ее платье вместе с нижним бельем летят на пол, и превратившись в пантеру, она страстно кусает меня за губы, спускаясь все ниже. В следующе мгновение одежды нет и на мне, и два тела начинают соприкасаться. От трения, общего накала страсти и температуры в комнате тела начинают потеть, скользить, прыгать, стонать, создавая симбиоз талантов, ума, красоты, доброты и благородности. Кажется, миру является сверхчеловек.

Так все могло произойти. Но я выпил слишком много и облажался.

Эс сразу заснула, а я нажил себе еще один не самый удачный опыт, о котором будет неловко вспоминать.

Этой ночью я не кричала от кошмаров, не просыпалась в холодном поту, ожидая нападения чудовищ, не теряла сон, продолжая лежать, глядя в потолок, не укутывалась одеялом терзания мыслей и не надеялась не проснуться. Все потому, что рядом со мной лежал Соу.

Тихонько сопел, как маленький ребенок, игравший весь день и затративший все силы. Я чувствовала умиротворение снова.

Сделала крепкий кофе с молоком и вышла покурить на балкон. Лучший для меня завтрак и зарядка для тела.

– Не хочешь немного прикрыться? – сзади подошел соня.

– Зачем? Ты против такого вида?

– Совершенно не против. Такой вид приносит мне невероятное эстетическое удовольствие, и не только. А еще он привлекает маньяков-извращенцев с биноклями, сидящих в соседних домах.

– Я тебя умоляю, – успокаивающе говорю я. – В этой многоэтажке как минимум две трети пар сисек, являющиеся женскими. А в мире, в целом, содержится бесчисленное количество эротики практически во всех сферах человеческой жизни: порно сайты, мужские журналы, олдскульные фильмы со Сталлоне, оргии в общественных местах, живопись, митинги неглиже за права кого-нибудь ущемленного, телевидение, СМИ, альтернативное искусство, деструктивные арт-объекты, фанфики про Гермину и Тайлера Дерде-

на, правило №34 и так далее. Так что не возвышай так сильно обычное женское тело, мальчик, – закончила я и покрутилась вокруг оси, подняв вверх руки.

– Любишь ты загрузить с утра, – он садиться.

Я подсаживаюсь рядом

И только сейчас я замечаю, при свете дневных лучей солнца. Эс далеко не юна, хотя по ней этого точно не скажешь. Без макияжа, с заплетенными в хвост волосами и парой незначительных морщин выдавали в ней женщину, перешедшую границу бальзаковского возраста.

Мне это не показалось отталкивающим. Наоборот. Женщина, умудрившаяся выглядеть на возраст, явно моложе настоящего лет на десять, не стесняющаяся своего тела, несмотря на то, что имеет явные пристрастия к алкоголю, вызывала у меня восхищение.

Я начал пальцем водить по ее телу, обводить изгибы и уступы, аккуратный абрис ее тонкого тела, испещренного синяками и шрамами. Я не стал спрашивать о причинах из появлений, зная о последующей негативной реакции на вопрос, но догадывался, откуда они могли появиться.

Касание его пальцев пробирает меня до мурашек. Мне кажется, когда-нибудь я научусь кончать от одних его прикосновений. Произносить вслух я, конечно же это не буду. Вдруг еще загордится, расправив разноцветные перья.

Хотя, про не такого не скажешь. В его духе холодно принять комплимент и ответить тем же или использовать один из своих основных инструментов – сарказм.

– Что по-твоему любовь? – спрашиваю.

– С чего вдруг такой вопрос?

– Одна девчонка из школы интересовалась. Я дала ей свой ответ, а теперь хочу услышать твой.

– Учительский интерес?

– Не только.

– Мне известно несколько понятий любви: биологическое, социально-поведенческое, родственное, литературное, навязчиво-зависимое, взаимно-коллективное, восхищенно-созерцательное. Из всех них я синтезировал одно, единственно верное: любовь – это ты.

Я не могла сдержать улыбки.

– Мы же почти не знакомы, откуда тебе знать, что ты меня любишь?

– Знаю и все, разве нужно во всем и постоянно искать подвохи?

– Из этого состоит жизнь, отчасти. Никогда не знаешь, когда тебя могут предать, использовать, кинуть, изнасиловать, убить...

– Да понял я, понял. К сожалению, в ближайшее время ничего из этого я проворачивать не собирался, так что извини.

– Ничего, как соберешься, обязательно начинай холодно

ко мне относиться, поздно приходит домой, прятать телефон, бить по пьяни и оскорблять.

– По-моему, мы завернули куда-то не туда.

– Верно. Ты был женат?

– Нет.

– А как относишься к этой процессии?

– Ну, что касается уз брака, то неважно, когда это произойдет, – в восемнадцать или восемьдесят один год. Необходимо осознавать важность решения, правильность поступка, что сделать всегда сложно в любом возрасте, ведь, как говорится, *errare humanum est*, а полностью доверять можно только самому себе.

– А к детям как относишься?

– Детей подсознательно хотят все, но не как увеселительную игрушку, личного раба с короткими ногами, даже не всегда, как продолжение своего царского рода, что содержит ценнейшее наследство, передающееся из поколения в поколение. Детей хотят завести, что удостовериться в необходимости собственного существования, сделать себя лучше, рассказав об ошибках прошлого, прожить еще одну жизнь – непорочную, чистую жизнь глазами другого человека, которую поначалу ты сможешь направить в нужное русло, а дальше со стороны наблюдать, переживая некоторые моменты вновь, некоторые открывая для себя впервые или под другим углом. Маленькая часть тебя самого, что еще не разочаровалась во взрослении, учебе, работе, людях и собствен-

ных родителей, что еще не задавалась подобными вопросами, не сталкивалась с трудностями, неприятием самого себя, не сомневалась в собственной значимости, значимости своих детей, которые у них, возможно, будут. А не хотят их потому, что страшатся повторения порочного круга неудач, неверных решений и не высказанных слов, что в последствие покатыт жизнь под откос с такой скоростью, что прервать движение уже не получится.

– Скажи честно, ты заранее отвечаешь на все возможные вопросы про себя, что бы было, о чем сказать?

– Зачастую так и есть.

Она вдруг сорвалась с места и помчалась в комнату рытаться в тетрадах.

– Любишь поэзию? – спрашивает.

– В каком-то смысле.

– А сам пишешь что-нибудь?

– Писал когда-то, но я больше по прозе.

– Как ты знаешь, скоро Новый Год, и по этому случаю я написала стихотворение. Заскучала на уроке и написала:

Лицо плаксивое с размытой тушью

Скорбит о днях хороших, днях минувших.

Печалит сильно близость вечной пустоты,

Что сковывает враз мрачнейшим часом забвенные надежды и мечты.

Во всеуслышание кричат сердца от боли,
Израненные на войне глухого боя.
И все подобны только что родившимся птенцам –
Направленность полета каждый выбирает сам.
Спешащие великие дела творить в последний час
Рискуют стать обузой каждому из нас.
Есть те, кто будет биться, жизнь отдаст,
А кто-то подло ускользнет, забудет и предаст.

Узреть обиду вам удастся, горе;
Стенаний парочку, скабрзных взглядов, а также недо-
вольного тобою;
Щепотку ненависти, лжи и лицемерной маски;
Того, кто будет петь и танцевать, как в театральной сказке.

На режиссера, малоизвестного пусть даже в узеньких кру-
гах,
Легла по силам непомерная задача –
Набрать актеров с конвейера талантливой раздачи,
Да так, чтоб зрители едва ли могли встать в своих рядах.

И что за ересь из всего этого сварилась?
Сценарий просто прелесть, вам такое никогда бы не при-
снилось!

В конечном счете, сценарий мы не дописали, один чудак

все время где-нибудь лажал,

Ну, а единственный в зале зритель с недоумением внимал.

Труппа очнулась, проблевалась, заново вошла.

С толком, с расстановкой совладала, силу духа подняла.

И наконец-то громко, четко, ясно восклицала:

«Счастливого Нового Года и веселого Рождества!»

– Как тебе?

– Весьма талантливо. Ты издаешь их?

– Да кто это будет читать? У меня несколько стопок тетрадей, исписанных подобными творческими порывами, но не думаю, что они достойны публикации.

– Мне кажется, достойны.

– Ты льстишь, потому что я голая.

Скорее, это одна из причин.

Мне нравится ее безупречное тело. Я хочу снять с него каждый лоскуток одежды, которая, хоть и несомненного ей идет, но без нее она возводит свое исполинское тело до вышины.

Я чувствую ее чистейшей. Ее и пространство вокруг нее. Даже воздух воспринимается дуновением благого дыхания.

В ушах какой-то бесконечный душевный мотив, звуки громкого водопада, радостный смех детей, ласковые слова матери, перед тем, как ты уйдешь в школу, звуки твоей лю-

бимой песни, которую ты услышал в общественном транспорте.

Ее мир безграничен. Он далеко выходит за пределы ее черепной коробки. Кажется, ей это нравится время от времени.

Когда она смотрит в зеркало, она словно ждет, что оно скажет, что я лучше и прекрасней всех на свете.

Кажется, я падаю в какую-то глубокую бездну больших свершений, где существует только постоянный отрыв души и преодоление невозможного.

Вырывается желание вылить творчество на бумагу и повесить это в какой-нибудь галерее. Как-будто желаю источить весь свой творческий потенциал до дыр, даже правнукам не оставив свежей идеи.

16

Дело было очень скверное, скажу я вам. Околдованные святыми намерениями сказочные создания превратились в чудовищ из дремучих мифов и легенд, которыми раньше пугали детей, и стали совершали весьма гнусные поступки: животная алчность, зверская жадность, ослепительной мощи навязчивое желание урвать последний, большой и самый вкусный кусок.

Весь это коллапс из толпящихся очередей, топчущих друг друга; бесчисленного количества яств, выращенных, приготовленных и привезенных наверняка не с южных стран, а скорее с села "Залупагорск"; алкогольных напитков, бодря-

щих тело и дух первые несколько часов вплоть до обратного и совсем неприятного процесса; прочих безделушек, мишуры, увеселительных вещей для печальных и одиноких людей и прочего "невероятно завораживающего, блестящего и несомненно нужного стаффа.

Каждый в этот момент является если не центром Вселенной, то хотя бы руководителем небольшого независимого островка, всплывшего на поверхность в больной фантазии параноика-садомазахиста.

Это не вечеринка нудистов, это не постановочный розыгрыш щеголей из школы, это не скупка запасов на случай кризиса или очередной депрессии, это не Апокалипсис, потому как даже его всадники, дрожа от страха, нервно докуривают двадцатую пачку Мальборо. Все весьма банально – это очередная предновогодняя суета.

Осталась всего пара дней до праздника.

Я его не жду, разумеется, просто держу в курсе событий.

С Эс у нас, кстати, все отлично. Решили немного развеется и посетить отель, но кто мог знать, что нас занесет в склеп.

– Это точно отель? – спрашивает она.

– Да...

– А окна здесь есть?

– Он же под землей, подумай сама.

– Не умничай. Сам решил сэкономить.

Удивлением для обоих из нас было то, что нам предоставили презентабельный, по меркам подвальных катакомб,

люксовый номер.

Страстные красные тона задавали эротичный настрой, керамический холодный пол помогал охладить пыл, а в зеркальный потолок было классно смотреть, куря лежа на полу.

Вечер предстоял многообещающий. Хотя были и побочные эффекты легкого опьянения, такие как: неожиданный интерес к музыкальным каналам, подпевания им, танцы на кровати, разбивание бокалов и тушение сигареты об свежую рану.

Впрочем, это не шло наперекор философским беседам. Наоборот, любая комичная или трагичная ситуация подстегивала нас на глубокомысленные рассуждения.

Эс не переставала производить на меня впечатление. Я чувствую себя глупым, влюбленным подростком, глаза которого застилает пелена сумбурных, необъективных чувств.

Мне нравится ее живой ум. С наслаждением внимаю мелодичному голосу, который бы можно было сравнить с пением птиц, не раздражай они по утрам своим существованием. Не могу оторваться от пронизательного, анализируемого и доброго взгляда. Пребываю в восторге от способности интересно преподносить даже самые невзрачные истории, ни одну женщину я не слушал с таким удовольствием. Совершенно без ума от светлой улыбки и звонкого смеха. Предвкушаю каждый сладкий поцелуй. Нахожу непоколебимость в походке. Оцениваю хороший вкус в одежде. В восторге от культурной избирательности. Отмечаю виртуозность в при-

готовленных блюдах. Наслаждаюсь нотками благоухающих ароматов. Вижу безукоризненность в точных высказываниях, толике цинизма, щепотке социопатии, горсти остроумия, горе рассудительности и безграничной любви к животным. С упоением провожу каждую секунду нашего рандеву и невыносимо болезненно переживаю кратковременные расставания.

Это далеко не все, чтобы я хотел выразить словами, но боюсь мне не хватит ни вокабуляра, ни выдумки, ни времени, ни пластырей для намозоленных пальцев, ни даже всех блокнотов мира, пиши я про нее книгу.

Как бы это сентиментально не звучало, но с ней я чувствую себя значимым. Я чувствую, что живу ради чего-то большего: не ради себя, скитающегося по созданным большим воображением мирам, не ради славы, осознания великого смысла существования, не ради лучшего человека. Я чувствую, что живу ради того, кто способен своим присутствием воплотить все вышеперечисленное в жизнь, того, кто бы мог поспособствовать всему этому.

Наверно, я покажусь глупой школьницей, вождем красивого мальчика из старшей школы, но мне никуда себя не деть.

У него безумный взгляд. Поначалу он кажется маньяком, одержимым или просто прокаженным. Но только спустя па-

ру часов разговора ты понимаешь, что внутри, глубоко в его серых глазах таится душа ребенка, ранимого и чувствительного.

Его длинные черные ресницы притягивают и придают взгляду таинственность. Руки сильные и крепкие. Пальцы играют по моему телу, как на гитаре и каждое их движение вызывает дрожь. Его волосы, словно волны, обрамляют его волевое лицо с чувственными губами, которые я бесконечно хочу целовать. Его упругая грудь не дает мне засыпать по ночам. А широкие плечи возбуждают желание. Представляя его полностью, внутри меня бушует горячий вихрь, который рождается внизу живота и поднимается к груди.

Но не только это возбуждает его во мне. Несмотря на его внешнюю холодность, он обладает невероятно живым умом и потрясающим чувством юмора. Пожалуй, он единственный, кто может меня рассмешить. У него на все готовы ответы, даже в те моменты, когда он сам в себе путается. Мне приятно искать и находить между нами общее, что делает нас такими похожими. Иногда мне кажется, что мы знаем друг друга не одну сотню лет. Не одну жизнь. Кто знает, какими мы были лет триста назад: крестьяне на поле в Ирландии, или порочная связь лорда с прислугой.

Все это на самом деле неважно, когда мы нашли друг друга здесь, две отчаявшиеся и разочарованные в своем существовании души, несмотря на условия жизни и ее обстоятельства.

Я боюсь. Я боюсь одного. Что однажды мы друг друга потеряем. Во всяком случае, эта связь никогда не сможет пре-
кратить своего существования. И, глядя в его глаза, я все
больше это понимаю.

– Чего задумалась?

– Думаю, что скорее да, чем нет.

– Скорее, что?

– Скорее люблю тебя.

– А я тебя – тем более, и чем длиннее ожиданье наших
томных вечеров, наполненных душевными и тонкими моти-
вами, тем больше боли причиняет язвительная сердцу сила
расставанья после. Но завтра, сумраком ночным покрытая,
укутанная светом фонаря, та ложь, что в шутку обратилась
и скрыла скорбь потухших глаз, легчайшим взмахом вымо-
стит незримую дорогу к призракам двоим, что обрели в ту
ночь покои душ своих.

– О чем ты, дурень?

– Ха-ха-ха, понятия не имею, но звучит красиво, да?

– Красиво. Решил потягаться с учительницей в красивом
слоге? Вызов принят!

– Не, спасибо.

– Тебя никто не спрашивает. Я прочитаю свой стих.

– Ты их с собой носишь?

– Я написала его про тебя и ждала удобного случая:

Год уходящий принес страданий и печали, горестей немало,

Как, впрочем, те, что были до него.

В кружащем вихре снежного тумана мир вдруг застыл,
укутанный слащаво-приторным дурманом,

А нас обоих вдруг не стало и далеко куда-то унесло.

Нет больше дразг и ссор, слезливых и обидчивых речей,
язвивых сплетен, навзрыд молящих о прощенье душ заблудших.

Нет более, вгоняющих в тоску наличием своим, угрюмых
лиц, пустых звонков, ненужных слов, несбыточных желаний,
обещаний душевных.

Нет криков, драк, безбожных недопониманий, взглядов
равнодушных.

Нет грусти неизбежных встреч и расставаний, что каждый
раз рвут в клочья плоть и душу.

Зато есть дух волшебный праздника всеобщего.

Есть пир да мир на злобу дням грядущим.

Есть вольный жар чарующего часа, слова, сладкого воспо-
минания.

Есть юноша, чьи чудные глаза рождают влажные мечта-
ния.

Тот юноша отнюдь не строки сказочной легенды:

Про принца на коне, про в замке заточенье, про туфельку хрустальную, про чудище, стенающее во страдании.

Хотя последнее, отчасти, правдой может показаться с дуру –

Ведь, завидав его, с меня буквально слезла страшная и злобная натура.

Он учит меня жить, любить, стремиться к высшей цели. Каждый последующий урок интригу нес свою, качая нас на крепко скованной качели.

Любой поступок смысл нес, любая мелочь радость приносила.

Он мужественный, смелый, чарующе волшебный, изумительно красивый; добавь сюда, что пожелаешь, одна лишь вещь всегда прослыт неоспоримой – он мой любимый.

– Романтично.

– Романтично? Все что может сказать мистер-эрудиция?

– Я...

– Да шучу, успокойся. Я рада, что тебе понравилось.

– Эс, это правда здорово.

– Спасибо.

Она вмиг погрустнела. И отвернулась.

– Что случилось?

– Это очень серьезно.

– Расскажи.

– Расскажу, если обещаешь, что не будешь принимать поспешных решений.

– Обещаю, что там такого может быть?

– Это серьезно! – она вцепилась в мой халат. – Ты должен мне поклясться, иначе я видеть тебя больше не желаю.

– Клянусь. Священного писания у меня нет, но я клянусь.

– Я беременна.

– А?

– ТЫ глухой?

– Нет, я все расслышал. Предельно.

– И что ты на это ответишь?

– Если будет девочка, назовем ее Роза.

17

Бьющий по перепонкам, звук сирены скорой помощи, паника, страх, кататония, агония, литры крови на полу, душераздирающий крик и слезные мольбы о помощи.

Так многие готовятся к Новому Году, но на этот раз это не просто моя глупая шутка. Эс неожиданно стало плохо. Мы даже выпить ничего не успели.

Готовили вместе салаты, развешивали по дому украшения, наряжали елку, кошмарили кота, а потом гармония была резко разрушена.

Я еду в скорой, держа ее за руку, стараясь успокоить, попробовать унять боль. Ничего не понимаю.

Врачи постоянно о чем-то говорят, но я не могу сконцен-

трироваться даже на своих мыслях.

Время сжимается, растягивается, замедляется, ускоряется, останавливается, а может и все одновременно. Не могу найти грань между реальностью и страшными фантазиями.

Уже приехали или нет?

Я сижу в приемной и жду.

Чего я жду? Почему меня к ней не пускают?

– Пожалуйста, пройдемте, – сказал манекен в белом халате.

Мы отошли в сторону узкого коридора и только тогда он начал медленно и монотонно бубнить.

– Я не аудиокнигу слушаю, говори уже!

– Сожалеем.

– Ты что несешь?

– Ваша подруга умерла.

– Ха-ха, я оценил шутку, а теперь ведите меня к ней.

– Это не шутка, к сожалению.

У меня подкосило ноги, и я грохнулся на пол. Белый халат подхватил меня и усадил к стене, попросив у медсестры успокоительное.

– Объяснись, – едва выдавил слово.

– Беременность вызвала маточное кровотечение. Она потеряла слишком много крови, остановить не получилось.

– Как...

– Такое бывает на ранних стадиях. Плюс ко всему у нее была редкая группа крови, третья отрицательная, Вы знали?

– И что это меняет?

– То, что она бы в любом случае бы умерла во время родов. Ребенок, скорее всего тоже. Еще раз сожалею.

Сожалею? Это слово имеет хоть малейший смысл? Сожалею, сожалею, сожалею. По какому назначению его используют?

Когда вам отказали в работе на престижную должность, когда заблокировали карту и вы остались без средств в другом городе, когда потерялась собака, знакомый пригласил на свадьбу всех, кроме тебя, жена ушла к другу, акции обвалились, ставил на черное, но выпало красное, просрочил кредит и зря скупил все рыбные консервы по акции, ведь завтра заканчивается их срок годности?

Что, блядь, значит это слово?

Его говорят просто так и похуй где, главное не выказать себя равнодушным к твоей проблеме, но я-то знаю, что это всего лишь одна из форм вежливости. Кто решил, что это слово должно быть неотъемлемой частью смерти и всегда произноситься именно в этот момент?

Ты приходишь на похороны к троюродной бабке своего сводного брата по линии деда в десятом поколении Рюриковичей, через три пизды колена, являющейся тебе близкой родственницей, хотя ни разу в жизни их не видел.

И что ты должен делать? Конечно же строчить сожалениями, как из пулемета, и в ответ получать такую же очередь.

Да, пример утрированный. Но пусть даже это будут твои

родители, что это меняет?

Стоишь ты у их могилы, оплакиваешь их, весь такой невьебенно прискорбный и убитый горем, или наоборот прикидываешь, как потратишь деньги с, оставленного тебе, наследства, а к тебе каждые несколько секунд кто-то подходит, нарушая личные границы, хлопает по плечу и СО-ЖА-ЛЕ-ЕТ.

Ох, я так сожалею, что говорю это без единой эмоции.

В пизду. Ненавижу таких лицемеров. Тот, кто действительно сожалеет, не сможет произнести и слова, потому что не найдет подходящего.

На самом деле я несу какой-то бред. Бред человека, потерпевшего горе.

Я проследовал за белым халатом, который привел меня тот самый кабинет. Краем глаза я увидел бледное лицо Эс и какое-то кровавое месиво вокруг. Меня чуть не стошнило, и я пошел в обратную сторону.

Перед выходом меня остановила медсестра.

– Вы родственник? – спрашивает.

– Друг.

– Согласно данным у нее нет близких, которые бы могли взять на себя организацию похорон, а также забрать ее вещи.

– Я... Я все сделаю.

– В этот раз Вас даже не пришлось уговаривать.

Я облокотился, сжал руками голову, а потом ударил ими по стойке, так, что со стола снизу посыпались все канцеляр-

ские принадлежности.

– Если скажешь еще хоть слово, свиноматка, я тебя похищу, запру в ебучем бомбоубежище с нулевой слышимостью и буду каждый день срезать с тебя по кусочку и тебе же скармливать, усекла, СУКА?

В больнице воцарилась тишина, белый халат тихонько подошел к стойке и что-то прошептал на ухо медсестре, та кивнула и молча отдала мне сумку Эс.

Выйдя на улицу, я опьянел воздухом. Он показался мне чище, свежее и необычней прежнего.

Мне не было холодно, я не чувствовал ничего.

Уселся в сугроб, закурил и вытряхнул на землю содержимое сумки.

Тушь, помада, зеркальце, ключи от дома, РЕВОЛЬВЕР?

Какого хрена он у нее делает?

Патронов семь. Она из него стреляла?

А какая теперь разница? Заберу его с собой, кто знает, когда я захочу застрелиться.

«Trust in my self-righteous suicide».

Документы тоже при ней. Красивое имя. Лучше ее придуманного.

Не знаю, сколько еще вот так я просидел, но ко количеству окурков на снегу и промоченной пояснице, мог предположить, что не меньше часа.

Мне в голову пришла безумная идея.

Я зашел обратно в больницу, поймав на себе неодобри-

тельный взгляд медсестры. Подойдя к стойке с пожарным топором, я молниеносным движением вытащил оружие из кармана и со всей силы ударил по стеклу.

Пока медленно поднималась паника, я достал топор и на свистывая вышел наружу, сразу приметив свою цель.

Да, во мне горела острая потребность раздолбать к чертям собачим уродливую малиновую машину. А, может, еще парочку.

Забрался на крышу машины, вознес вверх топор, аки Артур Экскалибур и...

«I don't care, I love in. I don't care».

Я вымещал всю злость на бездушном куске транспорта. Стекла летели в разную сторону. Металл скрежетал, мялся, рвался на части. Зеркала и крышки слетели. Колеса сдулись и превратились в резиновый салат.

Вокруг меня собралась куча людей, снимающих это на телефон. Как же мне хотелось кинуть в них топор.

Подбежала охрана и белый халат.

Обессилив, я сделал последний замах, крепко насадив орудие на мотор, и упал рядом с ним на колени.

Горло окутал сдавливающий, горький ком безнадежности, пустоты и утраты, что заполняли собой быстро, как цианид, все тело, заставляя истошно хрипеть и пускать слюни. Глаза омывали соленые озера, неподвластные гравитации, лишившие меня ясного взгляда. Елзвив руками в согнутой позе, от невозможности кричать, я изрезал все ладони.

Белый халат разогнал толпу зевак и успокоил охрану.

И я снова отошел от коматоза, выстроенным моей памятью для защиты от себя самого, сидячим в той же приемной и с тем же сутулым положением тела. Из нововведений теперь у меня перебинтованные руки.

«Blood red skies, I fell so cold, no innocence, we play our role».

Позже я зашел домой к Эс, чтобы осмотреться.

Куча одежды, обуви, украшений, виниловых пластинок, плакатов с рокерской, битловской и другой тематик, несколько пепельниц, набитых под завязку, нычки с пустыми бутылками, ведра таблеток, раскиданных по всем поверхностям, где только можно, и целая стопка тетрадей.

Я снова закурил, почувствовав тошноту, и уселся их читать.

Она вела дневники, еще с начальных классов. Писать и вправду любила, но первые записи отдавали такой детской наивностью.

Дальше шла средняя школа, серьезные проблемы в семье, конфликты со сверстниками, превращение из гадкого утенка в прекрасного лебедя.

Старшая школа запомнилась первой любовью, первым разочарованием и первой попыткой суицида. Тогда она поняла, что не совсем здорова и обратилась за помощью. С тех пор с лекарств не слезает, а ее записи по степени прогресса можно сравнить с автопортретами Пикассо.

Здесь и про меня есть. Много чего написано. Будто она за мной следила. Я словно разрыл тайник Хельги Патаки. Даже представить себе не мог, насколько сильно она меня любила. Зачем это было скрывать?

Последняя тетрадь заканчивалась стихом:

Взяв руку твою безмолвно, для себя открываю окно –

Портал в неизведанный красочный мир без существ мифологии, старых преданий, образов сказочных, гурьбы персонажей, притаившихся там, далеко.

Окно то увешано бисером, кайма расписная, золотая резьба на нем, но главным достоинством все же является то, что храниться в нем:

Безмятежность, души откровение, мелодичное пение грез, беспробудное счастье, звон куполов, крылья воли и слова, крепко-липучий сон и, играющий в самом сердце, без конца заведенный тромбон.

Время танца в том месте границ не имеет, все идет своим чередом.

Каждый миг, каждый шаг, поворот, реверанс череды изменяет счет:

Раз, и песня печальная ловит лучший мотив;

Два, и танцовщица траур сменила;

Три, и бурного плача лишает главы сладкий стон –

Таков лейтмотив водевиля.

И так в моем каждом касании –

Тело жаром и током пронзает насквозь.

Исполнишь так пара желаний, удивлена я нисколько не буду, наоборот,

Увижу, насколько силен магнетизм двух людей, поражающих силу природы;

Увижу я время, пространство, Вселенной исход;

Увижу я старых и слабых, прошедших свой путь, насыщенный, полный ярких событий, тяжелых забот.

Но из доступных мне перспектив и реалий, я краешком глаза, украдкой в тени, могу лишь представить путь созидания, окаймленный звездой мечтаний.

Путь, что пройдут два любящих сердца, став друг для друга пределом желаний.

Это последнее, что она написала. Я вырвал листок и положил себе в карман.

Еще остался кот. Нужно забрать его себе.

Кое-как герметично уместив кота под плащом, я бегом добрался своего дома. Зайдя в квартиру, я посмотрел в зеркало и увидел там обветренное лицо со сдвинутыми вниз бровями.

И долго я ходил с такой гримасой?

Покормил животное.

Осознал, что я способен выполнять только незначительные действия.

Нашел недопитую бутылку виски и начал глушить ее.

Что уж там. Нашел все, что можно выпить в этом доме.

Дальше не помню.

Уснул, наверно.

Какая теперь разница?

В своем стремлении вспомнить забытое я гнался так сильно, что вовремя не разглядел главное.

Мне не нужно было ничего вспоминать. Мне нужно было осознать и прочувствовать, что, то самое ценное и значимое в моей жизни было у меня под боком. Это она стала моим важным этапом в жизни, она изменила мое восприятие мира, она была частью моего ржавого механизма, без которой он бы даже не начал работу.

И я ее потерял.

18

– Привет, – навестил Мара.

– Хуле тебе надо?

– Мне нужна твоя помощь.

– О-хо-хо, неужели? А с какой стати я должен вставать с кровати ради тебя?

– Моя подруга умерла.

– Жаль это слышать, но я тут причем?

– Ты не мог бы хоть на секунду перестать брызгаться жел-

чью и выслушать меня? – закричал я.

Он слегка оторопел и кивнул.

– Мы были с ней близки. Так, как ни одни люди в мире, хоть и знали друг друга не так долго. Я не солгу, если скажу, что это был самый лучший человек в моей жизни. Еще никогда я не встречал подобных ей.

– Кто это был?

– Это была Эс, не буду называть настоящего имени, потому что никто, кроме меня не достоин его слышать.

– Эс? Я ее знаю.

– Да?

– Еще как. Это далеко не первое ее имя.

– Я в курсе, теперь.

– Она была моим частым гостем.

– То есть?

– Медикаменты у меня брала. Ну, ты знаешь, какого рода.

– Зачем?

– Либо у нее заканчивались нужные таблетки, либо она хотела получить кайф. Говорила, что ее уже ничто не вставляет настолько сильно, чтобы плыть по течению жизни, как все нормальные люди, не думая о том, в какой из следующих дней лучше уйти из жизни.

– Это в ее стиле.

Повило настолько долгое и гнетущее молчание, что я забыл, зачем пришел.

– Ты что, пьян? – спрашивает.

– А ты бы не был? Что за ебанистический вопрос?

– Я не в этом смысле. Я теперь чист. Даже энергетики не пью, так что извини. Наверно, я проецирую свою пороки и комплексы на других людей, как бы ты сказал в этой ситуации.

– Рад за тебя, правда. До сих пор не могу назвать адекватной причины, которая бы послужила разрыву нашей дружбы, но я рад, что ты налаживаешь свою жизнь.

– Смотри не расплачься, пусечка.

Не знаю, что на нас нашло, но мы крепко обняли друг друга, как в старые добрые времена.

– Так что ты хотел? – спрашивает Мар.

– Вот так просто? Никаких уламываний тебя на протяжении получаса?

– Говори уже, пока я заинтересован.

– Я хочу спеть на могиле Эс. Для этого нужен ты.

– Ты че, упоролся?

– Да, это звучит странно, но я хотел бы отдать ей какую-нибудь дань уважения.

– А я зачем нужен?

– Не прикидывайся. Мы в школе с тобой играли в школьной группе. У тебя еще есть гитара?

– Издеваешься? Я давно ее продал.

– Я подозревал это, поэтому уже купил ее.

– Да еб твою мать... Только не говори, что я буду тебе должен, если откажусь.

– Нет, не будешь, я надеюсь на твое понимание.

Он состроил грустную и в тоже время задумчивую мину, которая пару минут, словно размышляла над тем, жить человечеству дальше спокойно и мирно, либо подчиниться владыке бутиратов и погрязнуть в бездну его величия, где царит бесконечная борьба со здоровым и помутненным сознанием.

– Если я это сделаю, ты обещаешь больше никогда не появляться в моей жизни? – спрашивает он.

– Обещаю. Это моя последняя и самая главная просьба. «My love it kills me slowly».

Следующим этапом была транспортировка. С ней могли возникнуть сложности.

– Ты издеваешься? – воскликнул Гуз.

– Я могу заплатить, если придется.

– Мне не нужны твои деньги, я хочу только одного – избавиться от тебя навсегда!

– Когда это добровольно отказывался от халявы? Давай сейчас отойдем от личностей, и настроим волну на деловой тон. Тебе всего-то и нужно, что перевезти небольшой груз.

– Допустим, что за груз?

– Музыкальные инструменты.

– Ты играешь? Трясущиеся руки не мешают?

– Я с радостью вступил бы с тобой в увлекательную полемику, приводя убедительные аргументы и сокрушительные доводы в пользу того, какой ты на самом деле алчный сукин сын, заботящийся только о своем материальном благо-

получии и не чурающийся повернуть на стороне несколько грязных делишек. Поверь, у меня есть доказательства. Но я оставлю этот ненужный треп кому-нибудь другому, и отдам предпочтение разумной сделке двух адекватных мужчин, каждый из которых получит свои дивиденды.

Он угрюмо тарачился на меня с минуту, и только потом выдавил из себя хриплое бурчание:

– Дать бы тебе в морду за твою самоуверенность, но думаю, за меня это и так сделают.

– Какое время тебя устроит?

– После пяти.

– Отлично, подъезжай к моему дому к шести.

Непробиваемый осел, которого не берут ни одни заверения, согласился, а значит хоть что-то в мой жизни идет так, как я запланировал.

Когда мы поехали забирать барабаны, Гуз забомбил хлеще прежнего:

– Это розыгрыш, чтоб вас?

– О, мальчики, вы не сказали, что вас будет трое. Придется доплатить, – сказал Он.

Гуз злобно на меня оскалился.

– Успокойся, это шутка. Он с нами, потому что хорошо владеет барабанами.

– Еще одна такая шутка и эти инструменты окажутся у вас в задницах.

– Вот видишь, в твоих словах тоже скрыт латентный го-

мосексуализм.

– Ты...

– Чувак, будь проще уже. Нам всего-то нужно на могиле спеть, – встрял Мар.

– Что!?

– Ты ему не сказал?

– Разве это обязательно? – спрашиваю.

– Очень, бляха муха, обязательно! Вы все кукушкой поехали что ли?

– Я еду к своей подруге, умершей вместе с моим ребенком, чтобы исполнить песню. Такое разъяснение тебя устраивает?

Наступила гробовое молчание, после чего мы погрузили барабаны и отправились в последний путь.

За пару бутылок спиртного местный могильный сторож согласился провести удлинитель к нужному месту. Вернее, пару десятков удлинителей.

– Серьезно? У нее на камне ничего кроме «Эс» не написано? – спрашивает Мар.

– Для вас этого достаточно, я считаю.

Мы подключили подключили всю систему: две гитары, барабаны, микрофон, метровые колонки и мощнейшие усилители.

В окружении надгробия я занял позицию по середине и стоя выжидал, слушая, как бешено колотится сердце.

Прошло несколько минут прежде чем, я собрался и дал

отмашку. Мы стали играть.

Не буду лукавить – это было ужасно. Мы не попадали в такт, брали не те аккорды, а что до моего голоса, так это вообще забейте, у меня его нет. Все, что у нас получилось – полифоническая какофония брэнчаний и стучаний, сотрясающие деревья и приводящие в ужас птиц, сидящих на них.

Все, что нарушало мертвую тишину в пределах нескольких километров – три придурка... Вернее один придурок, позвавших двух вполне нормальных людей в надежде, что может получиться что-то путное.

Тем не менее, что-то получилось:

«...»

I serve my head up on a plane.

It's only comfort, calling late.

Cuz there's nothing else to do

Every me and every you

Every me and every you

Every me...he.

...»

После того, как мы не прошли в следующий тур «Минуты славы», я попросил загрузить все обратно и уехать, оставив меня одного.

– Ты это, – подошел Мар. – Новый Год здесь собрался встречать?

– Наверно. Спасибо за помощь.

– Хочешь, я останусь?

– Не стоит, мне нужно побыть наедине с Эс. Я так много не успел ей сказать.

– Ты же замерзнешь в своем заношенном плаще, – подключился Он. – Возьми хотя бы мою шубу.

– Пожалуй. Я позже верну.

– Не беспокойся.

Я надел пестрящую красками шубу, подождал, пока все уедут, достал из кармана небольшую бутылку Джека и сел, опершись спиной на надгробие.

– Знаешь эту историю у Брэдбери? Ту, в которой мужчина встречает в аптеке пожилую женщину, они оба заказывают лимонное мороженое, завязывают разговор и в процессе беседы узнают о себе много общего. Лучше сказать, разглядывают друг в друге необычайное сходство, что позволило бы им провести всю жизнь вместе, не родись один из них слишком рано или слишком поздно. Старуха советует парню лет в пятьдесят подхватить себе воспаление легких, чтобы в следующей жизни они родились равного возраста и смогли есть тоже самое лимонное мороженое, разговаривая о пустяках. – Так вот я подумал: «А почему бы не попробовать?». Во всяком случае, это лучше, чем быть без тебя.

«We're burning up, we might as well be lovers on the sun».

Осушив бутылку, я сразу достал вторую.

– Ума не приложу, зачем ты появилась в моей жизни? Я спокойно прожигал существование, ни о ком не думал и не заботился, плевал на чье-то мнение, хамил и вел себя, как

ебаная скотина. И тут возникаешь ты – вся такая загадочная, привлекательная, умная, в чем-то похожая на меня. И я физически стал неспособен говорить с тобой прежним мной. Я почувствовал, как стал становиться лучше. Может, это было не заметно в моих поступках и фразах, но я на самом деле обновился. Это не нытье, в стиле «минус на минус дает плюс, сосите хуй, мы не такие, как все». Я почувствовал внутренние изменения. Мне стало легче общаться, проще воспринимать негативные стороны, я перестал серьезно относиться к своим загонам по совершенно нестоящим на то событиям и причинам, послужившим им. Я раскрылся для себя, стал себя узнавать и даже немного ценить. Меня больше не тошнило от своего вида в зеркале и не было причин упрекать себя за недостатки. – Так было, пока ты была жива.

В ход пошла третья, и последняя бутылка.

Коварный этиловый спирт добрался до моих слезных каналов и приятных воспоминаний, начиная нагнетать плаксивую фильму о трагичной судьбе главной героини.

Прозвенел будильник, установленный мной на двенадцать часов.

Я начинаю шевелить, не слушающим меня, языком и онемевшей челюстью:

– Эй, Эс, с праздником.

Укутавшись с головой в шубу, я решаю немного прикорнуть.

«I need my girl».

Будит меня беспрестанный кашель и дикий озноб.

Я встаю на дрожащие ноги, в последний раз окидываю взглядом могилу и направляюсь в сторону нашего бара, где собираюсь покинуть Лас-Вегас.

19

– Глинтвейн, – вваливаюсь в «Агир».

Бармен принимает заказ, и я ухожу за последний стол второго зала.

Согревающий напиток приносит новый официант. Так и думал, что тот обосрался.

Я грею пальцы, которые не чувствую, и горло, голос из которого практически исчез.

Скорее всего, я получил неслабое обморожение доброй половины тела. Если минусовая температура затронула еще внутренние органы, то это вообще шик и блеск. Откажут почки – и дело с концом.

Не знаю, что еще можно сказать. Это конец моего повествования. *Finita la tragedie*. Сеанс завершился. Дворецкий всех убил. Балерины дотанцевали. Оперисты допели. Актеры вышли под аплодисменты в последний раз. История знакомства с матерью моего ребенка не суждена была быть кем-то услышана.

«Put the mark right by my name».

От глинтвейна меня заворотило, и я попросил пива.

Спустя три пинты ко мне подседа девушка.

– Привет, Соу.

У меня настолько кружились глаза, что я не мог остановить их хотя бы на секунду в одной точке.

– Фиц?

– Да, я. Ужасно выглядишь

– Стараюсь. Как тебя сюда занесло?

– Меня парень бросил, ничего не объяснив, а я нигде не могу его найти. Сказали, что здесь он больше не работает.

– Ну да, не работает. Кхе-кхе.

– Все в порядке?

– Да какой тут, нахуй, порядок. Клуб одиноких сердец прямо за этим столом.

– Что, прости?

«Do you want to be with somebody like me»?

– Тоже расстался, говорю.

– Надо же. Стало быть, мы можем провести время вдвоем?

– Можешь посидеть со мной немного и отправляться домой. У меня другие планы на этот вечер.

– Вот как? И что за планы?

Я задумался так сильно, что забыл о ее присутствии.

– Ало!

– Да? Что?

– Какие планы? Ты что дурочка строишь?

– Планы? Я никогда не строю планов.

– Так бы и сказал, что не хочешь со мной говорить, при-

дурок.

Она ушла, обидевшись на что-то, что я не совсем понял. Я уловил как бы посыл ее месседжа... Бляя...

Не хочется думать.

Отвратительно думать.

Больно думать.

Больше никаких мыслей. Спать или умереть.

Но чтобы спать, нужно добраться до дома. А чтобы разрешить проблему со сном, я строю логические цепочки, а значит снова думаю. Это не так-то просто, как кажется на первый взгляд.

Фиц. Она предлагала провести вечер вдвоем или что-то вроде того. Нужно догнать ее и воспользоваться шансом. Я обалденно сообразительный, да.

Я нагнал ее у выхода, где она стояла с тем обсосным парнем. Реном.

– Какие люди, – говорит.

– Мало получил? Можешь не отвечать, потому что я не хочу тратить драгоценное время, которое я сейчас проведу с этой прекрасной барышней.

Я взял Фиц за рукав и попытался выйти, но тот толкнул меня назад так, что я чуть не потерял равновесие.

– Поговорим на улице?

– А до завтра не подождет? Я спать хочу.

– Нет.

Он вытащил меня на дубак за шиворот. Я не сопротив-

лялся. То ли потому что не мог, то ли из-за полнейшего равнодушия к своей судьбе. Да к черту судьбу. Это был мой выбор. Я мог остаться на кладбище.

На улице нас ждали еще трое. И думается мне, что они пришли не за консультацией по прејскуранту бара.

– Что теперь скажешь, крутой?

– А нужна какая-то проникновенная речь? Извини, на этот раз я ничего не заготовил.

К чему шло дело, было понятно и без разъяснений. Рен начал приближаться ко мне, собравшись нанести первый удар.

Решив, что победителем мне отсюда точно не выйти, я вмазал левым хуком ему по морде, просто для того, чтобы он тоже не остался без повреждений, и стал дожидаться окончания раунда.

Секунда, и я уже валяюсь на земле. Закрыв лицо руками, я вижу, как множество различных конечностей пытаются слиться с моим телом воедино.

Мое тело обморожено и разбито на ледяные кристаллы, из-за открывшегося в теле внутреннего тайфуна безнадежности и вселенского чувства одиночества. Я ничего не чувствую.

Удар за ударом прилетает ежесекундно, не прекращаясь. Руки спадают, опускаясь вдоль тела, чтобы дать возможность лицу перенять на себя часть урона.

Я не сдерживаю себя и начинаю истерично смеяться. Маниакальный хохот открывает для меня лечебную боль, ис-

ходящую от грудной клетки. С каждым смешком как будто ломаются ребра, рвутся мышцы и сухожилия, лопаются сосуды, отсоединяются сердечные клапаны, органы перестают функционировать. Кровь заливает глаза, вытекает из носа, как вода из крана, и водопадом изо рта.

Когда я решаю, что на сегодня достаточно, звучит выстрел. Толпа разбегается в разные стороны, а я проваливаюсь в глубокий сон.

«And he's here to do some business with the big iron on his hip».

На утро следующего года я просыпаюсь в больнице и узнаю, что это утро следующего года, спустя два дня, что я провел в коме.

Лежать не стал. Кое-как встал с кровати, оделся и вышел в коридор.

Без обезболивающих у меня скоро начнутся inferнальные боли, но сейчас меня это не интересует.

Ко мне сразу подбежал белый халат и спросил о моем самочувствии. После удовлетворительного ответа от меня он заявил, что меня ждет психолог.

Что еще ему нужно?

В этот раз он сидел за столом и рылся в документах. Как только я вошел, он сразу все свернул и убрал в ящик стола.

– Вы очнулись! – как всегда с энтузиазмом прозвучал его голос, но лицо выражало смятение.

– К сожалению. Зачем Вы хотели меня видеть?

– Хотел поинтересоваться, зачем вы носите с собой оружие?

Я проверил карманы и не обнаружил там револьвера.

– Может, отдадите мне его?

– Сначала расскажите, как он попал к Вам в руки.

Невероятно, в этом мире существует человек зануднее меня. И он действует мне на нервы.

– Это моей подруги. Она умерла.

– Оу, печально. Вы о ней не рассказывали.

– А я не припомню момент, в который мы стали близкими друзьями или входили в отношения врач-пациент.

– Сейчас самое время. Ведь есть, о чем нужно выговориться?

– Не о чем говорить. Я что-то вспоминал, куда-то бегал, с кем-то встречался, и так мало был рядом с Эс. Все бес толку, я утратил всякий смысл к продолжению жизни.

– Нельзя опускать руки. Предлагаю пройти несколько сеансов у меня, чтобы попробовать восстановить ваше прежнее психологическое состояние.

– Никаких сеансов, мне нужно выпить.

Он достал бутылку дорого вина и открыл ее.

Когда он захотел налить мне в бокал, я остановил его, взял бутылку и начал сосать ее, как младенец сиську.

– Полегчало? – спрашивает Док.

– Нет, но созерцать гниль этого мира стало проще.

– Что входит в это понимание?

– Что входит? Да оглянитесь вокруг. Мы в одном шаге от тоталитарного строя; власть все сильнее прогибает под себя челядь; невиновных распикивают по тюрьмам; убийц приговаривают к общественным работам; экономика рушится; города беднеют; старые строения ждут момента на кого-нибудь обрушиться; никто не может найти нормальную работу из-за повышенных требований, которых изначально ни у кого не может быть, если только ты не ребенок влиятельных родителей; сфера образования учит непонятно чему, выпуская непонятно кого; культурные заведения не посещаются; книги не читаются; фильмы снимаются для отмыва денег; люди всю тупеют и тупеют, просиживая свои задницы за плазменными экранами, с которых дядя трагичным голосом вещает все вышеперечисленное; а им только и остается, что грустно кивать головой и говорить спасибо, что это произошло не с ними.

– Должно быть, Вы еще не пришли в себя.

– Да к черту, отдавайте револьвер и спрашиваемся.

– Я должен быть уверен, что Вы не причините себе вреда.

– Никакой гарантии дать не могу. Если буду стреляться, то по настроению. Сейчас такового не имею.

Я снова навестил Эс.

Это все так глупо. Зная себя, я никогда не смогу излечить себя временем. Сколько бы воды не утекло.

Я не чувствую в себе сил когда-нибудь ее забыть, отвлечься на кого-то другого. Скорее, меня ждет череда терзаний,

бессонница, навязчивые страхи и полное отсутствие стремления к чему-либо.

То есть, все будет так, как раньше, но в десятикратном увеличении.

Во мне никогда не было достаточно силы воли и стремления, чтобы закончить начатое. Теперь, я знаю, к чему так долго готовился.

«I need to break out, and make a new name».

Каменное здание лечебницы встречает меня угрюмыми серыми тонами.

Вот и все.

Я выбрасываю допитую бутылку, взвожу курок и вхожу внутрь.

20

Ждете мудрый эпиграф – несколько строчек, венчающие историю ниже, содержащую ту же смысловую нагрузку?

Не получите. Давно уже пора перестать удивлять знаниями за счет вычитанных мыслей, обернутых в цитаты, фразы, отрывки, а изучать произведения полностью. Только тогда вы в полной мере имеет право заимствовать из них что-то.

– Что теперь?

– Я не знаю. У меня больше нет идей.

– Мы должны попробовать еще раз.

В разноцветных глазах виднелась усталость и опасение.

– Ты знаешь, я всегда был рад помогать тебе. Но прошло

уже десять лет и за этот промежуток мы не добились никакого результата. Ты делала вид, что забыла его, ты его бросала, добивалась того, чтобы он тебя бросил, он тебя убивал, он хоронил тебя. Мы не можем бесконечно организовывать игру для этого Майкла Дугласа. Он тебя не вспомнит, смирись с этим.

– Не понимаю...

– Я составил теорию. Нет, ничем необоснованное предположение, которое отчасти могло бы разъяснить ситуацию.

– Ну?

– Суть в причине вашего знакомства. Будь это мимолетное пересечение взглядов, посиделки в кафе, разговоры на остановке во время дождя или сближение на парке аттракционов.

– Я помню эти встречи, зачем пересказывать?

– Подожди, еще не все. С этого-то момента знакомства и происходит медленные изменения в коре головного мозга, что в дальнейшем приводит к полной потере памяти с того момента, с которого вы встретились.

– Это что-то вроде дегенерации клеток?

– Я бы так не сказал. Исследования мозга не выявляют признаков патологии.

– Значит, он вполне здоров?

– Насколько это возможно. Вот только в твоём присутствии он не может узнавать ничего нового. Вся его память остановилась на точке невозврата десять лет назад.

– Причина во мне?

– Будь я романтичным приверженцем понятии любви, как необъяснимого и чудесного чувства, граничащего с магией, то я бы сказал, что ваша любовь подобна Вселенной. Она зарождается так же внезапно и ярко, она не поддается математическим расчетам и астрономическим прогнозам, она бесконечно расширяется, глубже исследуя другие миры и тайны, сокрытые за горизонтом, а потом...

– Она сжимается...

– А когда сжиматься больше некуда, она схлапывается, не оставляя за собой ничего, ожидая нового Большого Взрыва.

– Теперь я понимаю, кажется. А если попробовать в последний раз? У меня есть еще одна идея.

– Мы столько всего испробовали, вложили много денег и сил, заимствовали помощь других людей, так реалистично отыгрывали роли. В конце концов, на его заднем дворе целая братская могила из котов!

– Всего один раз.

– Может, он тоже хочет пожить своей жизнью? Друзей больше нет, родителей, считай, тоже, работу потерял, а сам он остался на прежнем уровне развития, так что его поведение никак не связано с чертой характера. Просто он не взрослеет. Когда-нибудь думала о том, кто из вас на самом деле сумасшедший?

– Постоянно.

– Извини, но я тебе больше не помощник. Оставь его в

покое. Возможно, он найдет свое место в мире, заведет семью и умрет в старости счастливым человеком.

Так и должно быть. Я слишком эгоистична, чтобы увидеть правду перед моими глазами.

«Remember me for centuries».

– Роза, подойди сюда. Помнишь, я обещала познакомить тебя с твоим отцом?

– Да.

– А что я еще говорила?

– Что он меня не помнит, поэтому я не должна с ним видеться.

Он вышел из лечебницы, как он это называет.

– Смотри, вот он!

– Я его знаю.

– Откуда?

– Мужчина, говорящий непонятными словами. Он сказал, что имена ничего не значат, и я дала себе имя Я.

Только не это.

Она подалась вперед.

– Ты куда?

– Он меня вспомнит, я обещаю!

– Нет, этого нельзя делать!

Она вырвалась и понеслась вперед, размахивая руками.

Зря я ее сюда привела. Жизни не хватит, чтобы все подробно ей объяснить.

Я уперлась половиной лица в бетонную колонну, которая

сразу стала влажной от слез.

Навстречу, сломя голову, бежит девочка. Когда она меня достигла, то крепко вцепилась в плащ.

– Привет! Это Я!

– Здорово, и что это должно значить?

– А ты Соу! Я помню!

– Что за дурацкое имя?

– Ты сам себя назвал так!

– Поверь, я бы такое запомнил.

Я вырвался из ее крепких объятий и побрел дальше.

– Стой!

– Я спешу, что тебе нужно?

– Как можно любить человека, которого ты оставил?

– Не знаю, спроси того, с кем ты меня перепутала.

Дойдя до ворот, я развернулся. Кажется, девочка рыдала, но оставалась стоять на том же месте.

Я грустно ухмыльнулся. Бедняжке не хватает родительской ласки.

Холодный зимний воздух наполняет мои легкие, и дышать становится проще. Сердце больше не бьет в колокол, а высохший пот придает лицу глянцевый оттенок.

Настал день. День моей выписки...